

Лиза Джейн Смит Темный ангел

Царство Ночи – 4

Глава 1

В тот день Джиллиан Леннокс совсем не собиралась умирать.

Она была просто очень-очень расстроена. Расстроена, потому что ее забыли подвезти из школы домой, потому что она замерзла и потому, что до Рождества оставалось всего две недели, а она была так одинока.

Джиллиан брела по обочине пустынной дороги, такой же извилистой и холмистой, как и любое другое пригородное шоссе, и вымещала свою обиду на комьях снега, то и дело попадавших под ноги.

Отвратительный день: небо хмурое, снег грязный. Эми Новик не дождалась, пока Джиллиан дорисует и сдаст свою работу, и укатила на машине без нее вместе со своим новым парнем.

«Ну, конечно, она про меня просто забыла». Джиллиан не сердилась на Эми, совсем не сердилась, хотя ей и было немного грустно: всего неделю назад им исполнилось по шестнадцать и обе они еще ни разу в жизни не целовались. А теперь у Эми есть друг...

Джиллиан хотелось поскорее добраться до дому – и только.

Внезапно раздавшийся неясный звук отвлек ее от собственных грустных мыслей. Нет, ей, конечно, послышалось. Она остановилась и огляделась. Похоже на плач ребенка, а может быть, это кричит кошка? Звук доносился из леса.

Джиллиан тут же вспомнила о Пауле Белицер! Нет, это просто невозможно. С того времени, как эта маленькая девочка пропала где-то в этих местах, прошел уже целый год!

Но вот опять. Голос такой тоненький и далекий, словно он идет из самой глубины леса. На этот раз звук точь-в-точь походил на плач ребенка.

– Эй! Есть тут кто-нибудь?!

Никакого отклика. Джиллиан вглядывалась в чащу леса, стараясь разглядеть что-нибудь за переплетением могучих дубов и раскидистого густого орешника. Лес выглядел неприветливо. Даже жутко.

Она посмотрела на дорогу: вверх, вниз – никого. Неудивительно – здесь редко проезжают машины.

«Не лезть же туда одной», – подумала Джиллиан. Конечно, трусихой она не была, но при мысли о том, что придется идти одной по пустынному дремучему лесу, девочка невольно поежилась.

«Но кто бы это мог быть? И что он там делает?

С кем-то случилась беда!»

Она накинула на левое плечо свободно болтавшийся ремешок ранца, передвинула его за спину, чтобы обе руки были свободны, и стала осторожно карабкаться вверх по заснеженной насыпи, отделявшей шоссе от леса.

– Эй!.. Эй! Кто там?

Ни слова в ответ. Только плач – слабый, непрекращающийся – где-то впереди.

Джиллиан начала спускаться с насыпи в лес. Она была хрупкой и почти невесомой, и все же ее ноги глубоко проваливались в рыхлый снег, покрытый тонкой корочкой льда.

Ну вот: кроссовки уже промокли. Зато в лесу, под деревьями снег был не очень глубоким. Такой белый и такой чистый! У Джиллиан возникло ощущение полного одиночества, словно она была одна на всей земле.

Как тихо. Джиллиан двинулась дальше в глубь леса; тишина становилась все пронзительнее. Теперь, чтобы услышать далекий плач, нужно было остановиться и затаить дыхание.

«Это где-то слева. Надо идти. Здесь нечего бояться», – успокаивала себя девочка.

Но она никак не могла заставить себя снова позвать кого-то. Ей казалось, что этот лес хранит в себе какую-то зловещую тайну...

...Джиллиан все шла и шла, оставив дорогу далеко позади. Вот и следы: здесь пробежала лисица, а это птица коснулась крыльями снега. Но нигде не видно следов человека.

Плач стал громче и доносился из леса прямо перед ней. Теперь она ясно его слышала.

«Хорошо, значит, надо перебраться через эту горку. Я смогу. Так, выше и еще выше. Ноги совсем окоченели...»

Карабкаясь по изрытому склону холма, она старалась отвлечься приятными мыслями. «Может быть, я потом напишу об этом статью в школьную газету «Новости викингов» и все будут мною восхищаться... Стоп! Кого-нибудь спасти – это классно или нет? А вдруг спасение людей – дело слишком достойное, чтобы быть классным?»

Это вопрос очень важный, потому что на сегодняшний день у Джиллиан было всего две несбыточных мечты: во-первых, добиться внимания Дэвида Блэкберна, а во-вторых, получить приглашение на какую-нибудь крутую тусовку. И исполнение этих желаний зависит, прежде всего, от того, сумеет ли она стать классной девчонкой.

«Некоторым везет! Когда ты красива, тебя все любят. И, конечно, когда тебя любят и принимают такую, какая ты есть, легко стать великой личностью, совершить что-нибудь для всего человечества, что-то значительное». Если бы не маленький рост, детское личико и ее ужасная застенчивость... Джиллиан добралась до вершины холма и ухватилась за дерево, чтобы не скатиться вниз, перевела дух и огляделась.

Никого. Безмолвный лес спускается вниз к ручью. Ни звука. И плач прекратился.

«Ой! Не поступай так со мною, пожалуйста!» Разочарование подогрело решимость Джиллиан найти этого несчастного ребенка и развеяло ее страхи. И, осмелев, она крикнула:

– Эй! Ты еще там? Ты меня слышишь? Я иду к тебе на помощь!

Тишина. И затем едва различимый звук где-то впереди.

«О боже! – Джиллиан содрогнулась. – Ручей! Ребенок упал в ручей, зацепился за что-то и едва держится слабеющими ручками...»

Скользя и спотыкаясь, она бросилась вниз с холма. Мокрый снег налипал на брюки... С отчаянно бьющимся сердцем, запыхавшись, она остановилась на берегу ручья.

Прямо перед ней, на краю обрыва, над водой нависал хрупкий лед. Брызги, заледеневшие на ярко-зеленом дерне, сверкали, как бриллианты. Но нигде вокруг не было заметно никаких признаков присутствия человека.

Джиллиан напряженно вглядывалась в темную поверхность ручья.

– Где ты? Ты меня слышишь?

Мертвая тишина в ответ. Только глухое ворчание стремительного потока, бурлящего

вокруг выступов скал и обломков деревьев, застрявших между камней.

– Ну где же ты?!

Она больше не слышала плача. Шум воды был слишком сильным.

«Неужели ребенок утонул?!»

Джиллиан подалась вперед, стараясь разглядеть под водой смутные очертания человеческого тела, наклонилась ниже, еще ниже, и...

Какая неосторожность! Она потеряла равновесие, под ногами лед, И... отчаянно замахав в воздухе руками, Джиллиан полетела вниз. От неожиданности она даже не успела испугаться...

... и врезалась в ледяную воду.

Глава 2

Ее обожгло холодом. Голова ушла под воду, Джиллиан крутило и бросало во все стороны. Она задыхалась, ничего не видела и совершенно потеряла способность ориентироваться.

На мгновение ей удалось вынырнуть. Инстинктивно она схватила ртом глоток воздуха и попыталась за что-нибудь уцепиться, но ремни ранца за спиной прочно стягивали руки.

Ручей становился все шире, поток набирал силу. Джиллиан сносило вниз по течению, она захлебывалась, дышать становилось все труднее: приходилось бороться за каждый глоток воздуха, с трудом доживая до следующего вдоха.

«Как холодно! Нет, это вовсе не холод, это – нестерпимая боль. Я умираю».

Ее мозг смирился с неизбежным, но тело упорно цеплялось за жизнь. Оно боролось так, словно обладало собственной волей: оно высвободилось из ремней ранца, и теперь дутая куртка помогала голове держаться на поверхности, а ноги бились о камни в попытках дотянуться до дна.

Все напрасно. Даже если ручей не глубокий, ей все равно не хватает роста! Она слишком мала и слаба: ей не справиться с течением. Холод истощал ее силы с ужасающей быстротой. С каждой секундой шансов выжить оставалось все меньше.

Казалось, ручей превратился в злобное чудовище, которое вцепилось в нее и не отпустит, пока не погубит. Поток бросал ее на камни и тут же тащил дальше, не давая рукам вцепиться в их обледеневшую поверхность. Еще несколько минут – и она слишком ослабеет, чтобы держаться на воде.

«Да ухватись же за что-нибудь!» – приказывало тело. В этом был ее единственный шанс.

Джиллиан смогла разглядеть, что на левом берегу на небольшой отмели из воды выступают корявые корни дерева. Надо добраться до них. Толчок, еще толчок. Она ударилась о камень и едва не пронеслась мимо, но все же каким-то чудом ухватила за корягу. Огромные корни, толщиной с ее руку переплетались, напоминая клубок ледяных змей, Джиллиан успела просунуть руку в созданную корнями петлю и как будто встала на якорь.

Теперь девочка могла дышать. Теперь бы еще выбраться из ручья, но как? У нее едва хватало сил, чтобы держаться за корень. Она не сможет подтянуться на ослабевших, окоченевших руках и вылезти на берег.

И тут она вдруг разозлилась. Она рассердилась на себя. Неужели она позволит себе сдаться! Сейчас, когда речь идет о ее жизни и смерти!

То, что произошло потом, осталось в ее памяти неясной картиной. Она действовала почти бессознательно. Каждое движение причиняло боль, она чувствовала только отчаяние, и именно оно дюйм за дюймом вытаскивало ее из ручья.

И вот она на суше, лежит на корявых корнях дерева в снегу. В глазах туман, рот судорожно ловит воздух... но она жива!

Джиллиан пролежала так долго, даже не чувствуя холода. Все ее тело радовалось покою и отдыху.

«Я молодец! Теперь все будет хорошо».

Но только когда она попыталась подняться, то поняла, как жестоко ошибалась: ноги ее подкосились, словно мышцы превратились в желе.

Боже, как она окоченела! Ее обледеневшая мокрая одежда стала похожа на средневековые латы. Перчатки утонули где-то в ручье. Шапка тоже. Становилось все холоднее, внезапные

приступы неистовой дрожи накатывали все чаще и чаще. Сил не было совсем.

«Найти дорогу... Надо найти дорогу. Но в какую же сторону идти?»

Ее отнесло вниз по течению, но как далеко? Сколько ей придется добираться до дороги?

«Неважно... лишь бы уйти подальше от ручья». Мысли медленно ворочались в голове, словно тяжелые мельничные жернова. И вообще думать было трудно.

Джиллиан шла, едва передвигая ноги. От холода она стала неуклюжей, колотившая ее дрожь мешала перебираться через поваленные стволы деревьев и спутанные ветки. Красные раздувшиеся пальцы совсем не слушались ее.

«Я больше не могу, я не чувствую ног». Девочка осознавала, что оказалась в большой беде. Если ей не удастся быстро добраться до дороги – она погибла. Однако Джиллиан охватила странная апатия.

Ей не хотелось никуда спешить, а густой лес вокруг показался сказочным и волшебным.

Так, спотыкаясь и пошатываясь, борясь с собой, она брела, не разбирая пути, просто вперед. И все, на что хватало ее внимания, – это еще одна темная скала, выступающая из-под снега, и еще один поваленный ствол, который нужно обойти или перелезть через него. И вдруг она упала и уткнулась лицом в снег. Ей стоило огромных усилий снова подняться на ноги.

«Эта одежда... она слишком тяжелая. Надо ее снять».

Делать это ни в коем случае было нельзя! Но холод лишил ее способности соображать. Сознание словно отделилось от нее и парило где-то вдалеке. Джиллиан дергала молнию застывшими пальцами, пытаясь расстегнуть куртку.

Ну вот... куртка сброшена. Теперь будет легче идти... Но легче не стало. Она продолжала падать: споткнулась, упала, встала... и снова споткнулась... и так уже целую вечность. Каждый раз вставать становилось все труднее.

Брюки будто сшиты из льдинок. Она взглянула на них с удивлением и досадой и увидела, что они сплошь покрыты налипшим снегом.

«Может, их тоже снять?»

Напрасно она пыталась вспомнить, как расстегивается молния... Все... больше она совсем не могла думать. Сильные приступы дрожи теперь прерывались продолжительными паузами, в течение которых она впадала в полубытьё.

«Я думаю... все будет хорошо. Мне уже не так холодно. Мне просто нужно немного отдохнуть». И хотя угасающее сознание отчаянно протестовало, Джиллиан села на снег.

В этот момент она вышла на небольшую полянку, совершенно пустынную – даже мышка-полевка не испортила ровной белизны снежного покрова своими следами. А сверху над ней опускался полог из заснеженных ветвей.

«Какое тихое место... Как раз подходящее, чтобы умереть».

Озноб прекратился, и это означало, что все кончено. Организм не мог больше согреться дрожью, он отказался от борьбы и впадал в спячку, экономя оставшееся тепло. Дыхание замедлялось, удары сердца становились редкими-редкими. Ее бедное тело предпринимало последнюю попытку продлить жизнь, пока кто-нибудь не придет на помощь. Только никто не придет.

Никто и не знал, где она. Пройдет еще не один час, пока отец вернется домой или пока мама... проснется. Но даже и тогда они не станут беспокоиться, что Джиллиан не вернулась домой. Они подумают, что она с Эми. А к тому времени, когда ее начнут искать, будет уже слишком поздно.

Она все это понимала, но теперь это было неважно. Джиллиан исчерпала свои жизненные силы и уже не смогла бы спастись, даже если бы и придумала как.

Пальцы из красных стали бело-голубыми и затвердели. Зато она не чувствовала холода. Она испытывала только облегчение от того, что не надо больше двигаться. Она так устала... Она умирала.

Белый туман застилал глаза. Джиллиан потеряла ощущение времени. Она превращалась в ледяную скульптуру, такую же безжизненную, как обледенелый пенек или скала в этой снежной пустыне.

«Я умираю... кто-нибудь... Кто-нибудь, ради бога! Мама!»

Ее последней мыслью было: «Это все равно что уснуть». Затем все неприятные ощущения

вдруг пропали. Она почувствовала себя легко, спокойно и свободно – и плавно поднялась вверх, проплывая над снежным пологом.

Как замечательно было вновь почувствовать тепло! Настоящее тепло... словно ее наполнили солнечные лучи. Джиллиан рассмеялась от удовольствия.

«Но где я? Разве только что не случилось что-то... что-то плохое?»

Внизу на земле лежала съездившаяся фигурка. Джиллиан взглянула на нее с любопытством: маленькая девочка. Рассыпавшиеся пряди длинных светлых волос уже покрылись тонким льдом. Лицо девочки было нежным с правильными чертами. Но цвет кожи слишком белый... безжизненно белый. Глаза закрыты, ресницы заиндевели. Джиллиан почему-то знала, что глаза у этой девочки синие.

«Поняла... Я вспомнила: это же я!»

Это открытие не вызвало у нее ужаса. Джиллиан ничего больше не связывало с этой съездившейся на снегу фигуркой. Она больше ей не принадлежала.

Мысленно пожав плечами, она отвернулась и увидела перед собой туннель. Огромный темный туннель, казавшийся лабиринтом. Пространство в нем то ли свернулось, то ли искривилось... И время, видимо, тоже. Она стремительно влетела в туннель и понеслась по нему. Впереди, в неведомой тьме, замелькали далекие звезды.

«О боже! – думала Джиллиан, – тот самый туннель. И все это происходит со мной. Я действительно умерла и лечу куда-то с невероятной скоростью. Странно: я умерла, но я же есть!»

Она совсем запуталась. Происходящее казалось таким реальным, еще более реальным, чем сама жизнь. И в то же время возникало чувство ирреальности: ее тело лишилось конкретных очертаний, она стала частью туннеля, звезд, движения. У нее больше не было собственного тела.

«Может быть, мне все это только кажется?»

От этой мысли она впервые испугалась. То, что возникало в воображении, было страшным. Что, если она заблудилась в одном из ночных кошмаров среди образов, которые пугали ее больше всего? К тому же она не знала, куда летит.

А туннель изменился. Впереди вспыхнул яркий свет. Он был не бело-голубым, каким его обычно изображают в кино, а бело-золотым и... бархатным, словно она смотрела на него сквозь матовое стекло... Но все же невероятно ярким!

«Разве при виде этого света не полагается почувствовать любовь или еще что-то возвышенное?»

И она почувствовала – свет вызвал благоговение. Свет был таким огромным, таким мощным... и таким божественным! Казалось, она гладит в источник мироздания.

Свет стремительно приближался. Он обступил, окружил, пронзил ее насквозь, она растворилась в нем. Теперь она летела сквозь него.

Движение замедлилось. Свет стал менее ярким, или глаза привыкли к нему.

Вокруг проступали неясные очертания. Это была поляна. Трава изумительная – не просто зеленая, а невероятно зеленая, люминесцентная, словно подсвеченная изнутри. А небо! Невероятно голубое. На Джиллиан было легкое летнее платье.

Все казалось ненастоящим, слишком ярким. Не говоря уже о белых колоннах, поднимавшихся в небо прямо из травы.

«Так вот что происходит, когда ты умираешь... А сейчас кто-нибудь придет меня встретить? Дедушка Тревор? Мне бы хотелось опять увидеть его живым и здоровым».

Нет, никто за ней не пришел. Пейзаж оставался прекрасным, мирным, неземным – и совершенно пустынным.

Джиллиан почувствовала некоторое беспокойство. А что, если это место не такое уж хорошее? В конце концов, она не была такой уж правильной при жизни. Что, если это и есть ад? Или чистилище?

Или здесь обитают духи, которые говорят с медиумами и сообщают им всякие глупости, чего небесные жители никогда не стали бы делать. А вдруг ее бросят здесь одну навсегда?

Как только Джиллиан додумала эту мысль до конца, то тут же пожалела о том, что си вообще это пришло в голову. Ей показалось, что она попала именно в то место, где мысли – или

страхи – могут воздействовать на реальность. Разве не почувствовала она сразу какой-то гнилостный запах? Л эти голоса? Обрывки фраз, которые долетали до нее? Нечто наподобие той чепухи, что порой может присниться.

– Такое белое, что тебе ни за что не увидеть...

– Время с половиной...

– Ах, если б я только мог, детка...

Джиллиан крутила головой, чтобы лучше расслышать голоса. Пытаясь понять, в действительности ли она их слышит. Она вдруг испугалась: а что, если вся эта красота сейчас растворится и исчезнет?

«Господи, пошли мне хорошие мысли. Пожалуйста! Зачем я смотрела эти страшные «ужастики» по телевизору. Я не хочу видеть ничего страшного... например, как земля разверзается под ногами и оттуда тянутся ко мне мертвые руки. И не хочу, чтобы меня встречал кто-нибудь, похожий на скелет».

Просто беда! Сами мысли о том, чтобы не представлять себе эти кошмары, рождали новые смутные, страшные образы. Ее охватил страх, сказочная поляна превращалась в ночной кошмар, наполненный отвратительными, гнетущими, безумными видениями. Она в ужасе ждала, что в это самое мгновение все может измениться.

Вдруг она и на самом деле заметила некоторую перемену. В нескольких шагах от нее, над травой повисло облачко светящегося тумана. Еще минуту назад его не было. Но теперь оно становилось все ярче, освещенное пронзительно ярким светом, шедшим откуда-то издалека. Там, в самой глубине тумана, показалась чья-то тень, и она медленно приближалась к Джиллиан.

Глава 3

С начала тень выглядела как пылинки, потом как насекомое в свете лампы, потом как коршун. Слишком испуганная, чтобы убежать, Джиллиан замерла на месте. А тень все приближалась. И наконец Джиллиан смогла ее разглядеть.

Это был ангел.

Страх Джиллиан мгновенно улетучился, и она принялась с любопытством рассматривать его. Тело ангела было вылеплено из того же света, что и туман. Высокий и стройный, он то ли шел к ней, то ли летел.

«Да, это ангел, – подумала Джиллиан с благоговением, – ангел...»

Туман рассеялся, свечение погасло. Ангел стоял перед ней на траве.

Джиллиан прищурилась.

Нет, не так уж он и похож на ангела. Обычный парень, лет семнадцати, всего на год старше Джиллиан. И до чего классный – умереть, не встать!

Лицо, как у античного бога. Золотые волосы. Глаза не просто голубые, а ярко-синие. Длинные густые ресницы. И обалденная фигура. Он был отлично сложен, хотя и не сильно накачан.

Его единственным недостатком (если это можно считать недостатком) было слишком возвышенное, чтобы не сказать приторное, выражение лица.

«Мне не следовало бы обращать внимание на его внешность, – испуганно подумала Джиллиан. – Но такую внешность трудно не заметить».

Сейчас, когда сияние на его одежде погасло, она увидела, что одет он совершенно обычно, как любой другой парень: потертые вареные джинсы и белая футболка.

Изумленная Джиллиан не могла отвести от него глаз. Он тоже ее рассматривал. Голос его прозвучал совсем неожиданно.

– Привет, детка! – сказал он и подмигнул.

Джиллиан удивилась и обиделась. При жизни она очень смущалась, когда с ней заговаривали парни, но, в конце концов, она же умерла, и этот тип выбрал неверный тон...

– Это кто тут детка? – осмелилась возмутиться Джиллиан.

Незнакомец усмехнулся:

– Извини. Давай без обид.

Джиллиан заставила себя вежливо кивнуть. Что это за личность? Она слышала, что на том свете умерших встречают друзья или родственники. Но она никогда раньше не видела этого парня.

Как бы то ни было, он точно не ангел.

– Я пришел тебе помочь, – объяснил он, подслушав ее мысли.

– Помочь мне?

– Тебе нужно сделать выбор. И тут Джиллиан заметила дверь.

Она возникла у парня как раз за спиной, приблизительно там, где раньше был туман. Дверь... но это была не настоящая дверь. Это больше походило на бледное очертание двери, нарисованное светом на фоне неба.

К Джиллиан вернулся страх. Каким-то образом, не понимая почему, но она точно знала, что дверь – это нечто важное. Важнее всего того, что ей встретилось здесь до сих пор» За ней могло оказаться все что угодно – даже нечто такое, что выше ее понимания.

Другая реальность, где все известные ей законы природы не действуют.

Это не обязательно плохая реальность. Просто настолько великая и другая, что ее это пугало. Хорошее тоже может быть устрашающим.

«Вот они – настоящие врата в другой мир. Войди в эту дверь – и уже не вернешься». И, несмотря на отчаянное желание посмотреть, что там, за дверью. Джиллиан так испугалась, что у нее закружилась голова.

– Дело в том, что твое время еще не пришло, – тихо произнес золотоволосый парень.

«Ах да. Они всегда так говорят» – вспомнила Джиллиан. Но эта мысль совсем не утешала. Страх перед дверью не оставлял места для иронии.

В горле пересохло, она зажмурилась.

– Но ты здесь. Произошла ошибка, и с этим нам приходится считаться. В таких случаях мы обычно оставляем право выбора за человеком.

– Хочешь сказать, что я могу выбрать, умереть мне или нет?

– Ты свободна в своем выборе.

– И это зависит только от меня?

– Именно так.

Он слегка наклонил голову:

– Может быть, тебе хочется поставить точку в этом месте твоей жизни?

Джиллиан часто заморгала, затем отступила на несколько шагов, уставилась на неправдоподобно зеленую траву и задумалась.

Еще сегодня утром она знала ответ на этот вопрос. Но теперь...

Теперь ей казалось, что ее забраковали. Словно она была недостаточно хороша. И, кроме того, раз уж она зашла так далеко... разве ей и в самом деле хотелось обратно?

Нет, она не была там никем особенным. И училась она так себе, не то что Эми – круглая отличница. Джиллиан не была ни смелой, ни талантливой...

Ну, что еще там было, ради чего стоило бы возвращаться?

Мама? Она напивалась каждый день и, когда Джиллиан приходила домой, уже спала. Отец? Он постоянно ругался. И теперь, когда у Эми появился парень, Джиллиан осталась совсем одна. Одиночество... и неисполнимые желания. Не будет у нее никогда ни такого парня, как Дэвид Блэкберн с его насмешливой улыбкой, ни друзей, ни любви, ни понимания. И никто никогда не заметит, что она красивая, умная и... взрослая.

«Брось! Должно же быть там что-то хорошее».

– Сухой суп в пакетиках, – перебил ее голос ангела.

Джиллиан обернулась к нему:

– Что?

– Ты такой любишь. Особенно в морозный день, когда приходишь с улицы. А еще... кошки.

Младенцы. Гренки с корицей и с маслом, какие обычно готовит для тебя мама, когда встает рано утром. И фильмы-ужастики.

У Джиллиан перехватило дыхание. Она никому не рассказывала об этом.

– Как ты догадался?

Улыбка. У него действительно потрясающая улыбка.

– Отсюда многое видно. – Он стал серьезным. – Разве тебе не хочется познать что-то еще? В жизни, я имею в виду. Разве там не осталось ничего, что ты могла бы сделать?

Там осталось все, что она могла бы сделать, но не сделала. Она вообще не сделала ничего стоящего.

«Но у меня было не так уж много времени, – робко запротестовал слабый внутренний голос. И тут же был подавлен сурово и безапелляционно: – Ты полагаешь, это тебя извиняет? Никто не знает, сколько ему отпущено. У тебя было огромное множество минут и ты потратила их впустую».

– А тебе не кажется, что было бы лучше вернуться и попытаться начать жить сначала? – мягко и ободряюще сказал парень. – Посмотрим, может; у тебя лучше получится.

– Да.

Джиллиан вдруг охватила та же жгучая досада, которая дала ей силы выбраться из ручья, и огромное желание все изменить. Она все сможет сделать. Она сможет полностью измениться, направить свою жизнь в новое русло.

Кроме того, ей не следовало бы забывать о родителях. Неважно, что отношения между ними оставляют желать лучшего. Они станут еще хуже, если она вдруг погибнет. Они бы корили друг друга.

А Эми всю жизнь мучилась бы из-за того, что она не подвезла Джиллиан домой из школы...

Джиллиан подумала об этом с невольным удовольствием и сразу же постаралась отбросить эти мысли: у нее возникло ощущение, что парень их подслушивает.

Однако у нее и впрямь появился шанс получить новую жизнь. Неожиданно для себя она почувствовала, что жизнь – ценная штука и нет ничего хуже, чем отказаться от нее.

– Я хочу вернуться. Ангел кивнул и улыбнулся.

– Я так и думал, что, может быть, ты захочешь.

Его голос потеплел. В нем прозвучало что-то, похожее на... На что? Неземную любовь? Полное понимание? Его голос ласкал ухо, из глаз исходил божественный свет.

Он протянул ей руку и нежно произнес:

– Пора, Джиллиан.

Его глаза сияли глубоким синим цветом.

Джиллиан на мгновение замешкалась, но потом решительно шагнула к нему и прикоснулась к его руке, то есть это даже не было прикосновением. Их пальцы встретились и... У Джиллиан зазвенело в ушах, перед глазами сверкнула молния... Ангел исчез, а ее охватило множество необычных ощущений: земля ушла у нее из-под ног, и она, словно отделившись от окружающего мира, стала стремительно падать. На нее надвигалась огромная тень. Она приближалась очень быстро и непонятно откуда, потому что там, где находилась Джиллиан, не было ни верха, ни низа, ни права, ни лева. На нее падало что-то огромное и крылатое... наверное, такмышь воспринимает тень совы.

Джиллиан инстинктивно втянула голову в плечи, хотя эта страшная тень и не могла ее настигнуть, потому что и сама она неслась назад сквозь туннель, оставив полянку со всем, что на ней было, далеко позади. Огромная тень вынырнула лишь на мгновение, чтобы без следа раствориться во тьме, и Джиллиан тут же забыла про нее.

Позднее она поняла, какой это было ошибкой.

Но теперь время казалось спрессованным. Она была одна в туннеле, и ее несло, словно пушинку потоком воды в водостоке. Она взглянула под ноги, куда же ее уносит, и увидела под собой некое подобие глубокого колодца. На дне колодца появилось пятно света, а в середине светового пятна на снегу лежала крошечная фигурка девочки.

«Мое тело», – успела подумать Джиллиан, не испытав при этом никаких эмоций. Дно колодца стремительно приближалось. Маленькая фигурка становилась все больше и больше. Она почувствовала, что ее засасывает водоворот – тело будто втянуло ее в себя... Ой, как быстро!

Уж слишком скоростной спуск, у нее даже дух перехватило. Впрочем, тело пришлось точно впору, она скользнула в него словно рука в варежку, но удар при приземлении отправил

ее в нокаут.

Ох... больно...

Джиллиан открыла глаза, то есть попыталась открыть. Это было очень трудно, так же трудно, как подтянуться на перекладине. Со второй, нет, с третьей попытки ей удалось приоткрыть маленькую щелочку.

Кругом белым-бело. Слепящая белизна.

«Где я?.. Это снег? Почему я лежу в снегу?» Память обрывками возвращалась к ней: «Ручей, ледяная вода. Я выкарабкалась на сушу. Я падала... мне было так холодно. Потом...» Она не могла больше ничего вспомнить, но зато теперь поняла, что у нее болело, – все болело.

«Я не могу даже пошевелиться». Ее мышцы затвердели как сталь. Джиллиан понимала, что ей нельзя тут оставаться. Если она останется, то... Память вспыхнула яркой молнией. «Я уже умерла!» Странно, но тот факт, что еще минуту назад она была мертва, придал ей силы. Джиллиан кое-как сумела сесть. Пока она садилась, ее движения сопровождалось ледяным хрустом. Одежда совсем обледенела.

Она поднялась на ноги. Непонятно, как ей удалось это сделать: ее тело окоченело и совсем перестало ее слушаться. Оно так долго пролежало в снегу! Согласно всем законам природы, ей давно уже полагалось превратиться в кусок льда. Но она стояла на ногах. Она даже умудрилась сделать шаг вперед. Вперед... но куда? Куда ей идти? Она так и не поняла, где дорога. И хуже всего, что скоро должно стемнеть. Когда это случится, она уже будет не в состоянии различить на снегу собственные следы. И будет бродить кругами по лесу, пока опять не сдастся.

Видишь вон тот дуб в снегу? Обойди его справа, – сказал кто-то ей прямо в левое ухо.

Джиллиан двинулась в указанном направлении настолько быстро, насколько позволяли ей одеревеневшие мышцы.

Она узнала этот голос. Только теперь он звучал еще теплее и нежнее.

«Ты пришел сюда вместе со мной?»

Конечно. – И опять голос наполнился невероятной теплотой и совершенной любовью. – Ты же не думаешь, что я брошу тебя здесь одну плутать по лесу, пока ты опять не замерзнешь? А теперь, детка, вперед к тому дереву.

Она бесконечно долго шла, пробираясь сквозь кусты и обходя деревья, спотыкаясь и шатаясь, все дальше и дальше. Ей казалось, это никогда не кончится, но голос нашептывал на ухо, указывая путь и подбадривая ее. Он заставлял ее идти даже тогда, когда она думала, что не сможет больше и шага ступить.

И вот наконец он произнес:

Теперь осталось перемахнуть через эту насыпь – и ты на шоссе.

Словно в забытии, Джиллиан забралась на насыпь. Вот она, дорога! В последних лучах заката Джиллиан увидела извивающуюся среди холмов ленту шоссе.

Но отсюда до ее дома почти миля пути, а ей уже не сдвинуться с места.

Тебе и не придется. Взгляни-ка на дорогу!

Джиллиан увидела свет фар.

Теперь выйди на асфальт и голосуй!

Джиллиан встала на середину дороги и замахала руками как заведенная.

Фары приближались, ослепляя ее. Потом машина замедлила ход.

– Все получилось, – с облегчением вздохнула Джиллиан, едва понимая, что говорит вслух. – Они останавливаются.

Конечно, останавливаются. Ты умница. Теперь все будет в порядке, – сказал ангел, словно прощаясь.

Машина затормозила. Дверь со стороны водителя открылась, Джиллиан увидела чью-то темную фигуру. Но в ту минуту она почувствовала только горечь разлуки: ее бросили.

Постой, не покидай меня. Я даже не знаю, кто ты...

Голос, полный любви и понимания, вернулся:

Зови меня Ангел.

Затем он пропал, и Джиллиан опять испытала боль расставания.

– Ты что тут делаешь посреди?.. Эй, да ты в порядке?!

Громкий голос разрушил холодное безмолвие ее одиночества. Она стояла неподвижно в слепящем свете фар и никак не могла рассмотреть приближающуюся фигуру.

– О боже! Что с тобой?! Ты только погляди на себя! Ты Джиллиан, да? Ты живешь на моей улице?

Это был Дэвид Блэкберн.

Осознание того, что это – Дэвид, поразило ее настолько, что все странные галлюцинации сразу исчезли. Это действительно был Дэвид, и он стоял так близко к ней, что у нее захватывало дух. Она впервые смогла как следует его рассмотреть: темные волосы, худое лицо, еще сохранившее остатки летнего загара, выступающие скулы, придававшие лицу волевое выражение, – ну, умереть, да и только, – а глаза такие бездонные, что можно утонуть. Уверенная манера себя держать, и эта дружеская и все же полунасмешливая улыбка...

Но теперь он вовсе не улыбался. Дэвид был в шоке, он испугался за нее.

Джиллиан не могла выдавить из себя ни слова. Она только смотрела на него из-под обледеневших прядей волос.

– Что с тобой случилось? Хотя сейчас это неважно... Тебя надо отогреть.

В школе все его считали крутым парнем, резким и независимым. И сейчас этот крутой парень не задумываясь подхватил ее на руки.

Джиллиан вспыхнула от смущения и совсем смешалась, но в глубине души она испытала новое для себя чувство – чувство защищенности. Дэвид был такой сильный и теплый, и она инстинктивно угадывала, что может ему довериться. Она перестала бороться и приникла к нему.

– Надень это, вытри голову, Вот здесь... Вот этим высуши волосы.

Дэвид все делал быстро и без суеты. Ловко и спокойно. Джиллиан оказалась в его машине, укутанная в его кожаную куртку; с полотенцем на голове. Дэвид повернул ключ зажигания и включил печку на полную мощность.

Как замечательно расслабиться, не боясь, что это тебя убьет. Какое блаженство, когда тебя не пронизывает холод, даже если горячий воздух из вентилятора почему-то не очень согревает Бежевый салон «мустанга» казался ей раем.

А Дэвид – нет, он не похож на ангела. Он больше похож на благородного рыцаря, который отправился в странствие и по дороге спасает людей.

Джиллиан была как в тумане.

– Я просто решила окунуться, – сказала она наконец, стуча зубами.

– Что?

– Ты спросил, что случилось. Ну вот, мне стало немного жарко, и я прыгнула в ручей. Он рассмеялся:

– Ты смелая.

Потом он пристально посмотрел на нее и спросил серьезно:

– Так, а что действительно случилось? «Он думает, что я смелая!»

Эта мысль обдала ее жаром куда сильнее вентилятора.

– Я поскользнулась, – сказала она, – пошла в лес и, когда дошла до ручья...

Она вдруг вспомнила, зачем пошла в лес. Она совсем забыла об этом, когда падение в ручей поставило ее жизнь под угрозу, но сейчас она будто опять слышала слабый, жалобный детский плач.

– О господи! – Джиллиан чуть не вскочила с сиденья. – Останови машину!

Глава 4

Дэвид не остановился, он даже не сбросил скорость.

– Мы почти дома.

Джиллиан попыталась схватиться за руль и... вдруг уставилась на свои пальцы. Они выглядели как деревянные.

– Остановись, пожалуйста, – сказала она громче, – Там, в лесу, потерялся ребенок. Я пошла в лес, потому что слышала, что кто-то плачет. Плач доносился со стороны ручья. Мы

должны вернуться туда. Ну же, стой!

– Эй, что ты делаешь, успокойся! Знаешь, что ты слышала? Держу пари: это ухала сова. Их здесь полно, и они издают очень жалобные крики, похожие на стон.

Джиллиан так не думала.

– Это случилось, когда я возвращалась домой из школы. И для сов было еще слишком светло.

– Ладно, предположим. Тогда это голуби ворковали. Или кошка мяукала. Кошки иногда мяукают ну прямо как дети.

И как только она попыталась снова открыть рот, он резко перебил ее:

– Послушай, когда мы приедем к тебе домой, мы сможем вызвать полицию и они все проверят. Но я не позволю ребенку... то есть девушке, замерзнуть только потому, что в ней больше мужества, чем кокетства.

На мгновение Джиллиан очень захотелось позволить ему и дальше думать, что она обладает и мужеством, и кокетством. Но она сказала:

– Да нет, я вовсе не поэтому. Мужество или кокетство тут ни при чем. Просто я через такое прошла, чтобы найти этого ребенка. Я почти умерла. Думаю, я действительно умерла. То есть, ну, я не совсем умерла, но очень замерзла и... всякое происходило... Я поняла, какое большое сокровище – жизнь.

Она совсем смутилась и замолчала. «Что я мелю? Он решит, что я рехнулась. Может быть, мне все это только приснилось». Сейчас, сидя в теплом, быстро мчащемся «мустанге», трудно было представить, что все это произошло с ней на самом деле.

Дэвид бросил на нее удивленный и понимающий взгляд.

– Ты почти умерла? – Он смотрел на дорогу, поворачивая на улицу, где они оба жили. – Со мной тоже случилось такое однажды. В детстве, когда мне делали операцию...

Он осекся; «мустанг» занесло на льду. Быстро выровняв ход машины, он решительно повернул к дому Джиллиан.

«И с тобой такое было?»

Дэвид припарковался и выскочил из машины быстрее, чем Джиллиан успела задать вопрос вслух.

Он открыл дверь с ее стороны и протянул ей руку.

– Выбрось все это из головы. – сказал он, откинув с ее лица волосы.

Он сделал это так, что Джиллиан подумала, что ему нравятся ее волосы.

Она смотрела на Дэвида сквозь упавшую на лицо челку. Его темно-карие глаза обычно казались холодными, но сейчас, когда их взгляды встретились, они потеплели. Может быть, Дэвид заметил в ней нечто такое, что поразило его и задело за живое.

Джиллиан тоже почувствовала волнение. «Не такой уж он и самовлюбленный, как мне казалось раньше», – подумала она. И между ними словно проскочила искра.

«Он похож на меня, он...»

Внезапный приступ дрожи не дал ей додумать эту мысль.

Дэвид прищурился и покачал головой.

– Тебе нужно поскорее в дом.

Джиллиан опять оказалась у него на руках. Поднимаясь по ступеням, он слегка покачивал ее, как малое дитя.

– Тебе не следует ходить зимой в школу пешком. С этого дня я буду тебя подвозить.

От радости Джиллиан лишилась дара речи. Конечно, ей, наверное, стоило бы сказать, что она не ходит в школу пешком каждый день, но с другой стороны, она никого и не обманывает. При мысли, что Дэвид будет ее подвозить, сердце выпрыгивало из груди.

Как это здорово, как приятно, когда тебя вот так несут на руках! Однако перед тем как он открыл дверь, Джиллиан вдруг вспомнила: «Мама!»

Ее охватила паника.

«О боже, нельзя, чтобы Дэвид увидел маму! Но может быть, все обойдется.

Если из кухни пахнет обедом, то все в порядке. Если нет – сегодня один из плохих маминых дней».

Увы, из кухни не доносилось обеденных запахов. Дэвид вошел в полутемную прихожую.

Никаких признаков жизни, свет погашен. Дом холоден и пуст. Джиллиан поняла, что надо выставить Дэвида как можно скорее. Но как?

Все еще держа ее на руках, он спросил:

– Твоих родителей нет дома?

– Нет. Отец обычно приходит домой не раньше семи.

Джиллиан ограничилась полуправдой и молилась про себя, чтобы мама не вышла из спальни, пока Дэвид не уйдет.

– Теперь со мной все будет хорошо, – сказала она поспешно, даже не заботясь о том, что ее слова прозвучат бестактно и неблагодарно, – все, что угодно, лишь бы он ушел. И добавила: – Я и сама могу о себе позаботиться. Иди, я в полном порядке.

– Какого черта! – вырвалось у Дэвида.

И это было самое смачное «какого черта» из всех, что когда-либо доводилось слышать Джиллиан.

«Он вздумал со мной ругаться? Очень остроумно».

– Тебя надо срочно разморозить. Где у вас ванная?

Джиллиан машинально подняла окоченевшую руку в сторону ванной и тут же уронила ее.

– Нет, подожди минутку...

Но он уже был возле ванной комнаты. Он опустил ее на пол, зашел в ванную и открыл кран горячей воды.

Джиллиан тревожно поглядывала вверх. «Мам, не вставай, пожалуйста. Спи, ради бога, спи».

– Тебе нужна горячая ванна как минимум на 20 минут. Потом будет видно, надо ли тебе ехать в больницу.

Джиллиан вспомнила:

– А полиция?..

– Конечно, я позвоню, как только ты будешь в ванне. – Он дернул ее за промокший насквозь свитер. – Ты можешь сама раздеться? У тебя пальцы гнутся?

– Ой!.. – Пальцы ее не слушались, словно они были деревянные.

«Совсем задубели, – думала она, разглядывая свои руки. – Он что, и вправду собирается меня раздевать?» – В любом случае маму она звать не будет.

– Ой!..

– Так. Поворачивайся ко мне спиной, – приказал Дэвид. Он опять потянул за край свитера. – Ну давай, я закрою глаза.

– Нет, – запротестовала Джиллиан, отчаянно прижимая локти к бокам.

Так они и стояли в нерешительности и смущении, пока их не спасло неожиданное вмешательство.

– Что здесь происходит? – раздался чей-то голос из прихожей.

Джиллиан обернулась и выглянула из-за Дэвида. Это была Таня Джан, девушка Дэвида.

Таня была в нарядном сверкающем и переливающимся свитере, на ее темных блестящих волосах изящно сидела бархатная шляпка. У нее были миндалевидные серые глаза, четко очерченный рот и белоснежные зубы. Джиллиан всегда считала, что со временем Таня обязательно займет должность управляющего в какой-нибудь крупной фирме.

«Будущий управляющий» обращалась исключительно к Дэvidу:

– Я увидела во дворе твою машину. Смотрю, входная дверь открыта...

Она взглянула на него подозрительно, словно усомнившись, в своем ли он уме. Дэвид подошел к ней и, стоя между ней и Джиллиан, пустился в сбивчивые объяснения:

– Ничего здесь не происходит. Я подобрал ее на шоссе по дороге из школы. Она была... да ты посмотри на нее. Она упала в ручей и замерзла.

– Вижу, – спокойно сказала Таня.

Она бросила на Джиллиан оценивающий взгляд.

– Она выглядит не так уж плохо. Иди на кухню, Дэвид, и приготовь горячий шоколад или, если шоколада нет, что-нибудь другое сладкое. А я о ней позабочусь.

– И не забудь про полицию! – едва успела крикнуть Джиллиан вслед Дэvidу.

Ей не хотелось смотреть Тане в лицо.

Таня была на год старше Джиллиан и училась вместе с Дэвидом в колледже. Джиллиан боялась ее, восхищалась ею и ненавидела в одно и то же время.

– Марш в ванную!

Таня помогла Джиллиан раздеться, сдирая с нее промерзшую мокрую одежду и бросая ее в раковину. Она действовала быстро и ловко, все спорилось у нее в руках.

Джиллиан была слишком слаба, чтобы протестовать против того, что ее раздевают в манере тюремной надзирательницы или ужасно строгой няни. Она съежилась, дрожа и чувствуя себя очень маленькой, и, как только Таня расправилась с ее одеждой, быстро нырнула в ванну.

Вода обожгла ее. У Джиллиан глаза вылезали из орбит от боли. Она стиснула зубы, чтобы не закричать, и, дыша носом, заставила себя погрузиться в воду по самые плечи.

– Вот и умница, – сказала Таня из-за розовой занавески. – А я сейчас поднимусь в твою комнату и принесу сухую одежду.

– Нет! – вскрикнула Джиллиан, наполовину выпрыгнув из воды.

«Только не вверх, только не туда, где мама».

Но дверь ванной уже громко захлопнулась. Таня была не тем человеком, которому можно сказать «нет».

Джиллиан сидела, парализованная паникой, пока поток жгучей боли не вышиб все мысли из ее головы.

Сначала заболели пальцы, потом ступни. Боль поднималась вверх, опалая все ее замерзшее тело, и оно постепенно возвращалось к жизни. Все, на что она была способна, – это замереть и глубоко дышать носом, стараясь как-нибудь перетерпеть боль.

Она возвращалась к жизни. Ее белая сморщенная кожа сначала посинела, затем пошла пятнами и наконец покраснела. Жжение уступило место покалыванию. Джиллиан смогла пошевелиться и даже начать думать. Она прислушалась. Внизу, в коридоре, раздавались голоса. Дверь ванной их почти не заглушала. Вот Танин надменный голос:

– Да-да, держу. Сейчас я ей отнесу. Она может пить, сидя в воде.

Голос Дэвида:

– Перестань, дай ей немного отдохнуть. Она еще совсем ребенок.

– Неужели? Как ты думаешь, сколько ей лет?

– Лет? Не знаю. Лет тринадцать?

Таня фыркнула.

– А сколько? Четырнадцать? Двенадцать?

– Дэвид, она ходит в нашу школу. Она всего на класс младше.

– Правда? – В голосе Дэвида звучали удивление и смущение. – А я думал, она в последнем классе начальной школы.

«Последний класс начальной школы!» Джиллиан сидела, уставившись перед собой невидящим взором.

– Она же в нашем классе по биологии. – В голосе Тани прорвалось раздражение. – Сидит за последней партой и никогда не открывает рта. Впрочем, понятно, почему ты решил, что она младше. В ее спальне плюшевых игрушек по колено. И на стенах обои в цветочек. Ты только посмотри на ее пижаму! Даже на ней плюшевые медвежата.

Эти слова обожгли Джиллиан сильнее, чем кипяток. Таня видела ее комнату, в которой ничего не изменилось с тех пор, как Джиллиан исполнилось одиннадцать лет, потому что не было денег на новые занавески и обои и не было места в гараже, чтобы отправить туда ее любимых плюшевых зверей. Таня насмеялась над ее пижамой. И перед кем – перед Дэвидом!

А Дэвид... Так он думал, что она маленькая! Потому и предложил возить ее в школу. Он думал, что она из младших классов, и был с ней нежен только потому, что ему было ее жалко!

У Джиллиан из глаз хлынули слезы. Она разразилась рыданиями, кипя от гнева, боли и унижения...

Вдруг раздался сильный треск. словно передернули затвор винтовки. Потом его сменил высокий протяжный хрустальный звон. Что-то разбилось.

Джиллиан вздрогнула, как от удара, застыла на мгновение, осторожно отодвинула влажную занавеску и высунула голову наружу.

В то же мгновение резко распахнулась дверь.

– Что это было? – спросила Таня.

Джиллиан пожалала плечами. Она хотела сказать: «Я надеялась узнать это у тебя», – но слишком боялась Тани.

Таня оглядела ванную комнату, остановила взгляд на запотевшем зеркале и нахмурилась. Она потянулась к нему, провела рукой... и вскрикнула:

– О, черт!

Таня посмотрела на руку. Джиллиан заметила у нее на руке кровь.

Таня схватила мочалку и махнула ею по поверхности зеркала. Еще раз, и еще. Потом отступила на шаг и уставилась на него.

Джиллиан тоже смотрела на зеркало из ванной.

Зеркало разбилось. Вернее, не разбилось, а потрескалось. Оно не выглядело так, будто кто-то по нему ударил: не было следа от удара с разбегающимися в разные стороны трещинами. Вся поверхность зеркала была сплошь покрыта сеточкой тонких линий, бегущих по его поверхности из края в край, словно на нем оставил свой узор морозный иней.

– Дэвид! Скорее иди сюда! – крикнула Таня, не обращая внимания на Джиллиан.

Через минуту Джиллиан увидела в зеркале искаженное отражение лица Дэвида, заглянувшего в ванную из-за двери.

– Ты только посмотри! Как такое могло случиться? – спросила Таня.

Дэвид сделал недоуменную гримасу и пожал плечами.

– Перепад температур? Жар? Холод? Не знаю... – Он бросил нерешительный, однако достаточно долгий взгляд в сторону Джиллиан, чтобы разглядеть ее лицо в складках розовой занавески.

– Тебе лучше? – спросил он, обращаясь к белой вешалке для полотенец на противоположной стене.

Джиллиан не смогла произнести ни звука: в горле – ком, из глаз в два ручья льются слезы. Но когда Таня посмотрела на нее, Джиллиан кивнула.

– Хорошо, забудь о зеркале. Давай одевайся. Таня отвернулась от зеркала. Дэвид наконец убрался из ванной.

– Проверь все тело, особенно пальцы на руках и ногах, чтобы они без боли сгибались и разгибались, – сказал он Джиллиан из-за двери.

– Все хорошо. Со мной все в порядке.

Она пошевелила пальцами, которые плохо слушались, но не болели. Теперь ей хотелось поскорее отделаться от Тани.

– Я и сама смогу одеться.

«Только бы не расплакаться при ней!»

Она снова спряталась за занавеской и поплескала водой.

– Ребята, спасибо вам, но теперь я и сама справлюсь»

Таня усмехнулась. Несомненно, она подумала, что Джиллиан неблагодарная девчонка.

– Ладно. Вот твоя одежда и горячий шоколад. Если хочешь, я могу кому-нибудь позвонить, чтоб, к тебе приехали.

– Нет. Родители... Отец скоро придет с работы. Я уже в порядке.

Она зажмурилась и стала считать про себя, задерживая дыхание, чтобы не расплакаться.

И – слава богу! – Таня удалилась. Они с Дэвидом попрощались и ушли. Наступила тишина.

Джиллиан неловко выпрямилась. Она едва не упала, вылезая из ванной. Надев пижаму, она осторожно и медленно, как старушка, вышла из ванной. Она даже не взглянула на разбитое зеркало.

Не успела она добраться до своей комнаты, как наверху распахнулась дверь маминой спальни. Мама вышла в небрежно наброшенном халате и войлочных тапочках. Ее светлые волосы – чуть темнее, чем у Джиллиан, – были растрепаны.

– Что тут творится? Что за шум? Где отец?

Мама еле ворочала языком. У нее получалось примерно: «Че ту трится?» и «Де отес?».

– Ма, еще нет семи. Я промокла по дороге и иду спать. – Минимум слов для необходимого обмена информацией.

Мама наморщила лоб.

– Сладкая моя...

– Спокойной ночи, ма.

Джиллиан юркнула в свою спальню прежде, чем мама успела задать следующий вопрос. Она упала на кровать, свернулась клубочком и обняла руками плюшевых зверушек. Они были мягкие и добрые. Теперь наконец-то она могла поплакать. Вся боль, все обиды слились в единый поток слез, и она громко всхлипывала, прижимаясь щекой к своему любимому мишке.

Лучше бы она не возвращалась. Ей хотелось обратно, на поляну с пронзительно зеленой травой, даже если та была всего лишь видением. Ей хотелось, чтобы все жалели о том, что она умерла.

Все ее мысли о ценности жизни – такая чепуха. Жизнь – сплошной обман. Она не могла изменить себя и начать жить заново. Не было нового старта. Не было надежды.

«Ну и пусть. Я хочу умереть. И зачем я вернулась? Ради вот этого? Должно же быть какое-то место, где мне будет хорошо, где я кому-то нужна. Я не гожусь для этого мира, для этой жизни».

Она все плакала и плакала, пока незаметно не провалилась в глубокий сон.

Когда, спустя несколько часов, она проснулась, ее комнату заливал странный свет.

Глава 5

Но дело было не только в странном освещении: у нее возникло жутковатое чувство чьего-то присутствия в комнате. Такое бывало и раньше: она просыпалась от ощущения, что в комнате кто-то был, но исчез в тот миг, когда она открыла глаза. Во сне она словно приближалась к открытию великой тайны, но стоило ей проснуться – и это чувство пропадало.

Однако сегодня все было иначе. Удивленно оглядев комнату она поняла, что свет и правда был противоестественным.

«Я забыла задернуть занавески, и это всего лишь лунный свет».

Вся комната была залита ровным голубым светом. А в углу, где стоял итальянский комод с позолоченными ручками, свет будто сгущался, фокусировался и отражался в зеркале. Но никакого зеркала там не было.

Джиллиан медленно села. Тело ее не слушалось, веки припухли. Затаив дыхание она разглядывала сгусток света.

Он выглядел, как... подушка. Подушка светящегося тумана, который, вместо того чтобы развеяться, как только она проснулась, становился все ярче.

Джиллиан замерла. Свет был таким красивым и почти знакомым. Он напомнил ей о туннеле, о поляне и... Ой! Она вспомнила. Но это совсем другое дело, когда ты видишь все в реальности. Там, на том свете, странные вещи казались нормальными, и она воспринимала их как во сне, совсем не руководствуясь обыденной логикой.

Джиллиан не могла отвести замороженного взгляда от света и чувствовала, как мурашки бегут по коже и на глаза наворачиваются слезы. Она едва дышала и не знала, что делать.

Как простым смертным положено здороваться с ангелами?

Свет становился все ярче и ярче, точно так же, как и на поляне. И в глубине его она уже различала очертания существа, которое и шло, и летело к ней одновременно.

И вот наконец в этом облаке света поплыли пронзительно яркие красные и золотые круги, такие яркие, что пришлось закрыть глаза.

Когда она открыла глаза, он уже был рядом. Благоговейный страх охватил Джиллиан. Ангел был так прекрасен, что это пугало. Его бледное лицо еще хранило отблески неземного сияния. Волосы как золотые нити. Сильные плечи, высокая гибкая фигура, такая совершенная и такая... неземная. Теперь он выглядел еще более неземным и непостижимым, чем на поляне. На фоне тусклого обыденного интерьера комнаты он горел, как факел.

Джиллиан соскользнула с кровати и плюхнулась на колени на пол.

– Не делай так! – Голос его словно полоснул по воздуху серебряным пламенем. И тут же изменился. Стал обычным, похожим на человеческий голос. – Неужели тебе так легче?

Джиллиан уставилась на старую английскую булавку, которая слабо поблескивала на

полу в призрачном мерцающем свете. Когда она наконец рискнула поднять глаза, ангел выглядел уже не столь сверхъестественно. Сияние померкло. Перед ней стоял просто невероятно красивый парень.

– Я не хотел тебя пугать, – сказал он и улыбнулся.

– Понятно, – прошептала Джиллиан. Больше она не могла выговорить ни слова.

– Ты испугалась?

– Да.

Ангел недоуменно развел руками.

– По-твоему, мне следовало наговорить всякой белиберды, вроде: не пугайся, девочка, я не причиню тебе зла? Или еще что-нибудь такое... А тебе не кажется, что это пустая трата времени?

Он пристально смотрел на Джиллиан.

– Ну брось, детка, ты же сегодня была мертвой. То есть вчера. Мое появление – не такое уж страшное событие по сравнению с этим. Ты ко мне привыкнешь.

– Да. – Джиллиан зажмурилась. – Да, – повторила она с большей уверенностью и кивнула.

– Сделай глубокий вдох и поднимайся с колен.

– Да.

– Ну, скажи же что-нибудь еще.

Джиллиан поднялась с колен и села на краешек кровати. Ангел оказался прав: она действительно привыкала к его присутствию. Действительно, это не сон – вот он, ангел, совсем рядом. Она и правда была мертвой, а на том свете есть ангелы, и это один из них. На вид он почти как человек из плоти и крови, только слегка светится. И он явился для того, чтобы...

– Зачем ты пришел? – спросила она. В ответ он... Если бы он не был ангелом, Джиллиан сказала бы, что в ответ он хмыкнул.

– А ты полагаешь, я хотя бы на минуту оставлял тебя без присмотра? – спросил он с упреком. – Сама подумай! Разве тебе удалось бы так быстро выздороветь? Тебя даже не положили в больницу. А у тебя было тяжелейшее переохлаждение. На самой последней стадии. И воспаление легких, и мерцательная аритмия, и обморожение конечностей... – Для вящей убедительности он помахал в воздухе руками и ногами. И тут Джиллиан обнаружила, что он парит в нескольких футах над полом. – В общем, ты была в плохом состоянии, детка, но выкарабкалась.

Джиллиан посмотрела на свои руки. Пальцы слегка опухли, но на них не было ни одного кровавого волдыря.

– Ты меня спас.

Он застенчиво улыбнулся.

– Такая у меня работа.

– Помогать людям?

– Помогать тебе.

Джиллиан начинала догадываться: «Ага, он никогда не оставлял меня, помогать мне – его работа. Все это звучит так, что он, может быть... О боже! Нет, это было бы слишком банально. Не говоря уже о том, что слишком самонадеянно!»

Ангел совсем засмутился.

– Ну, вообще-то я тоже не знаю, как это назвать. Но что есть, то есть. Ты же знаешь, большинство людей верят, что у каждого есть свой собственный ангел, даже когда его и нет. По статистике, большинство людей верят в то, что некий дух наблюдает за ними. Новозеландцы называют нас «духи-учителя», гавайцы – «аумакуа»...

– Ты – ангел-хранитель! – прошептала Джиллиан.

– Да, я твой ангел-хранитель. Я здесь, и я помогу тебе в исполнении твоих самых заветных желаний.

– Я...

У Джиллиан пересохло в горле. Это было слишком здорово, чтобы в это можно было поверить.

«Я не достойна... Я ничем не заслужила такое нежданное счастье. Если бы я была хоть чуточку лучше!»

Однако он здесь. А она такая, как есть – не лучше и не хуже. И ее заветное желание далеко не ангельское. В таком случае...

Джиллиан перевела дух и решительно заявила:

– Знаешь, мне нужна помощь, но не совсем в том, чем, наверное, занимаются ангелы.

– Ерунда.

Он усмехнулся, откинулся назад, приняв позу, при которой любой нормальный человек просто упал бы, и сделал широкие пассы руками у нее над головой.

– Ты поедешь на бал, Золушка.

«Он что, машет волшебной палочкой у меня над головой? – Джиллиан покосилась на ангела. – Теперь ты моя сказочная крестная?»

– Да, почти. Давай обойдемся без сарказма, детка.

Обхватив руками колени, он принял более устойчивую позу и пристально посмотрел ей в глаза.

– А если я скажу, что твое заветное желание состоит всего-навсего в том, чтобы Дэвид Блэкберн влюбился в тебя по уши и чтобы все в школе думали, что ты самая крутая?

Джиллиан густо покраснела. Ее сердце билось медленными тяжелыми ударами от смущения и... восторга. Когда он произнес это вслух, все показалось совсем незначительным, но очень, очень желанным.

– Ты мне можешь в этом помочь? – чуть слышно проговорила она.

– Может, да, а может, и нет.

– Но ты же ангел!

Он молитвенно сложил руки.

– Ну и что? Всякое может случиться, кузнечик. Кузнечик? Или мне лучше звать тебя Стрекозой? Ты такая... радужная. Хотя, конечно, есть много других подходящих насекомых, ну, например, навозный жук... Очень полезное насекомое, просто звучит обидно.

«Мой ангел-хранитель похож на Робина Уильямса¹, – подумала Джиллиан. – И это замечательно!» Она невольно рассмеялась.

– Но есть одно условие, – сказал ангел, опустил руки и посмотрел на нее серьезно. В глубине его глаз горело темно-синее пламя.

У Джиллиан перехватило дыхание, она испуганно спросила:

– Какое?

– Ты должна доверять мне.

– И только?

– Иногда это будет нелегко.

– Посмотрим.

Джиллиан перевела дух, опять засмеялась и уселась удобнее. Она наконец отвела взгляд от его глаз и стала рассматривать парившую в воздухе изящную фигуру.

– После всего, что было... Ты спас мне жизнь, исцелил меня. Как я могу не доверять тебе?! Он кивнул и подмигнул ей:

– А ты докажи.

– Как?

Ее страхи понемногу проходили, и казалось уже вполне обыденным разговаривать с потусторонним гостем.

– Докажи, что ты мне доверяешь. Принеси ножницы.

– Ножницы?

Джиллиан уставилась на ангела. А он – на нее.

– Я даже не знаю, где они.

– На кухне в левом ящике стола, рядом со столовым серебром. Такие большие острые ножницы.

Он хищно улыбнулся, как, должно быть, улыбался маленькой Красной Шапочке переодетый бабушкой серый волк.

¹ Уильямс Робин – американский киноактер-комик, лауреат премии «Оскар».

Но Джиллиан не испугалась. Не то чтобы она решила больше не пугаться, – она просто не испугалась.

– Хорошо.

И она пошла вниз за ножницами. Ангел последовал за ней, паря у нее над головой. На нижней ступеньке лестницы спали, свернувшись в древнекитайский знак инь-ян, две сиамские кошки.

Джиллиан случайно слегка задела одну из них, кошка лениво приоткрыла глаза. И тут обе они вскочили и опрометью бросились прочь. Они неслись по коридору, наскакивая друг на друга и скользя на паркетном полу. Джиллиан от удивления открыла рот.

– Вот чертова тварь! – смачно выругался ангел.

– Что ты сказал? – Джиллиан собралась было обидеться, приняв это на свой счет.

– Да эти твари! Я хотел сказать, они способны нас видеть.

– Но они испугались! У них вся шерсть встала дыбом, я никогда их такими не видела.

– Эти глупые животные не понимают, кто я. Такое иногда случается. Ладно, пошли за ножницами.

Джиллиан посмотрела вслед кошкам и послушно направилась на кухню.

– И что теперь? – спросила она, вернувшись с ножницами в спальню.

– Теперь иди в ванную.

Джиллиан вошла в свою маленькую ванную комнату, включила свет и облизнула пересохшие от волнения губы.

– И что же дальше? – спросила она, стараясь говорить как можно более непринужденно. – Я должна отрезать себе палец?

– Нет, только волосы.

В зеркале над раковиной она увидела свое вытянувшееся от удивления лицо: отражения ангела в зеркале не было. Джиллиан обернулась:

– Отрезать волосы? Совсем?

– Совсем. Ты чересчур за ними прячешься. Покажи всем, что тебе нечего прятать.

– Но... – Джиллиан негодуя покачала головой и снова посмотрела в зеркало.

Она увидела свое отражение: бледное, нежное, тонкое лицо, глаза как лесные фиалки, выглядывающие из-за длинных прядей волос.

Может быть, он и прав. Но выйти в мир «обнаженной», выставив напоказ все лицо, лишит себя возможности прятаться...

– Ты же сказала, что доверишься мне, – тихо сказал ангел.

Джиллиан уголком глаза взглянула на него. Ангел был неумолим. В его глазах появилось нечто пугающее, холодное. Он словно отдалялся от нее.

– Докажи на деле, что доверишься мне, – продолжил он. – Дай себе обет: если ты сможешь это сделать, значит, ты достаточно смела, чтобы совершить для достижения своего заветного желания и все остальное. – Помедлив, он добавил: – Но если у тебя недостает смелости, если ты хочешь, чтобы я ушел...

– Нет, – поспешно прервала его Джиллиан.

Многое из того, что говорил ангел, действительно имело смысл, а если чего-то она не понимала, то... ну что же, придется принять на веру.

«Я смогу сделать это».

Доказывая ангелу свою решимость, она захватила ножницами волосы на уровне уха и сжала их со всей силы. Светлая прядь волос обвилась вокруг ножниц.

– Класс! – рассмеялся ангел. – Ты сначала оттяни их за кончики и отрезай понемножку.

Он опять стал прежним – веселым, добрым, заботливым. Джиллиан слабо улыбнулась, вздохнула и посвятила себя ужасному и захватывающему делу: она избавлялась от своих длинных волос.

В результате получилась коротко стриженная пепельная блондинка. Стрижка была короче, чем у Эми, почти такая же короткая, как у Дж. З. Оберлин, девочки из их школы, которая работала моделью. Стрижка была действительно короткой.

– Посмотри в зеркало, – сказал ангел, хотя Джиллиан и без того в него смотрела. – Кого ты видишь?

– Девушку с плохой стрижкой.

– Неверно. Ты видишь смелого и решительного человека. Настоящую личность, яркую и привлекательную.

– Да ладно тебе.

Но стрижка и в самом деле сильно изменила ее | внешность. Из-под неровных прядей ее скулы выступали сильнее, она выглядела старше, независимее. На щеках заиграл румянец.

– Но стрижка получилась такой неровной...

– Завтра подровняем! Самое главное, что ты сделала свой первый шаг. Кстати, перестань краснеть. Такая красавица, как ты, должна привыкать к комплиментам.

– Ты очень забавный ангел.

– Работа у меня такая. Теперь давай посмотрим, что у тебя в шкафу.

Через час Джиллиан снова была в постели. На сей раз уже под одеялом. Она чувствовала себя уставшей, ошеломленной и очень счастливой.

– Скорее засыпай, – приказал ангел. – Завтра у тебя будет напряженный день.

– Подожди. – Джиллиан упрямо боролась со сном. – Я забыла тебя кое о чем спросить.

– Спрашивай.

– Плач, который я слышала, из-за которого я пошла в лес... Это плакал ребенок? С ним все в порядке?

Он ответил после небольшой паузы:

– Это информация для внутреннего пользования. – И добавил: – Не волнуйся, сейчас никому не больно.

Джиллиан приоткрыла один глаз и удивленно посмотрела на него, но было ясно, что он не собирается ничего объяснять.

– Ну ладно, – нехотя смирилась она. – И еще... как тебя зовут?

– Я же говорил: Ангел.

Джиллиан улыбнулась, но улыбка неожиданно перешла в зевок во весь рот.

– Хорошо, Ангел.

Она закрыла и опять открыла глаза.

– Подожди, я еще хотела спросить...

Была еще одна тайна, о которой она хотела спросить: что-то связанное с Таней, с тем, как она порезала руку... Но сейчас Джиллиан не могла об этом думать, не могла сформулировать вопрос.

«Ладно. Потом вспомню».

– Я просто хотела сказать спасибо. – Хм... Не утруждай себя понапрасну. Можешь ничего не говорить, просто подумай, и все. Я всегда рядом. И завтра я тоже буду здесь.

Джиллиан стало тепло и уютно, она почувствовала себя защищенной, любимой. И она уснула с улыбкой на губах.

На следующее утро она проснулась рано и долго прихорашивалась в ванной. Потом спустилась вниз, смущаясь от непривычного чувства, что голова легкая в самом прямом смысле этого слова. Неприкрытая волосами шея казалась слишком тоненькой, Джиллиан обхватила себя руками и решительно вошла в кухню.

Родителей не было, хотя папа обычно в это время завтракал. Вместо них, уткнувшись носом в учебник по математике, за столом сидела темноволосая и девушка.

– Эми!

Эми подняла глаза и зажмурилась. Вновь взглянула на Джиллиан и вновь зажмурилась, потом вскочила – она была на дюйм выше Джиллиан – и шагнула ей навстречу с вытаращенными глазами.

Глава 6

– Джиллиан, где твои волосы?! Что ты с ними сделала?! Зачем ты их остригла?

У Эми тоже была короткая стрижка: длинная челка и очень коротко остриженный

затылок. Ее ясные голубые глаза обычно смотрели так, будто она вот-вот заплачет. Эми была близорука, но врач запретил ей носить контактные линзы, а надевать очки она не хотела. Эмми была хорошенькая, но как будто постоянно чем-то озабочена. Сейчас она выглядела еще более озабоченной, чем обычно.

Рука Джиллиан инстинктивно потянулась к волосам.

– Тебе не нравится?

– Не знаю. Просто волос нет.

– Ага.

– Но зачем ты это сделала?

– Не волнуйся ты так, Эми.

«Если все будут так реагировать на мою стрижку, думаю, дело плохо», – подумала Джиллиан. Но потом она успокоилась: оказалось, что она может говорить с Ангелом про себя, не шевеля губами, и он отвечал ей тоже телепатически. Очень удобно.

Скажи ей, что ты отрезала волосы, потому что они смерзлись, превратились в ледышку. Заставь ее почувствовать себя виноватой.

Его голос звучал так же, как и ночью, только теперь сам он оставался невидимым. Говорил он вкрадчиво, с мягкой иронией, словно нашептывал на ухо. Так мог говорить только ангел.

– Мне пришлось отрезать волосы, потому что они смерзлись и превратились в ледышку, – произнесла Джиллиан. – Они ломались, – добавила она от себя.

Голубые глаза Эми раскрылись еще шире от ужаса. Она была потрясена.

– О боже, Джиллиан!

Но вдруг она наморщила лоб:

– Так не бывает! Твои волосы, даже если они смерзлись, не должны были ломаться. Разве что ты окунула их в жидкий азот...

– Как бы там ни было, я их отрезала. Послушай, сзади получилось немножко неровно. Ты не могла бы подровнять?

– Я попробую, – сказала Эми с сомнением. Джиллиан села, накинув поверх одежды розовый банный халат, и вручила Эми ножницы.

– Ты взяла расческу?

– Да, Джиллиан, я хотела сказать, мне очень жаль, что вчера... Я просто забыла, я очень виновата перед тобой, ты чуть не погибла!

Расческа в руке Эми задрожала.

– Постой-ка. Откуда ты знаешь?

– Юджин слышал это от младшего брата Штеффи Локхарт, а Штеффи, вероятно, – от Дэвида Блэкберна. Он действительно тебя спас? Невероятно романтично.

– Да, что-то в этом роде.

Что мне ответишь, как рассказать об этом?

Правду. Только не всю: не говори обо мне и о том, что ты была на том свете.

– Я думала о тебе все утро, – тараторила Эми, – и поняла, что вела себя по-свински последнюю неделю, Я не заслуживаю звания близкой подруги и хочу, чтобы ты знала: я очень жалею об этом и теперь все будет по-другому. Сначала я буду заезжать за тобой, а потом мы вдвоем – за Юджином.

Вот обрадовала!

Будь вежливой, Стрекоза. Она очень старается. Скажи ей спасибо.

Джиллиан пожала плечами. Теперь, когда у нее был Ангел, какая разница, что будет делать Эми, Но она сказала:

– Спасибо, Эми, – и замерла, так как у нее за ухом щелкали холодные ножницы.

– Ты такая, славная, – продолжала Эми, – я думала, ты очень рассердишься. Ты такой замечательный человек! Я чувствовала себя ужасно, когда представила, как ты там одна чуть не замерзла, спасая ребенка...

– Его нашли? – встрепелась Джиллиан.

– Кого? Ребенка? Нет, не думаю. Никто ни о чем таком не рассказывал. И я даже не слышала, что у кого-то пропал ребенок.

Ну! Я же говорил тебе, что все в порядке, Стрекоза. Теперь ты успокоилась?

Да. Извини.

– С твоей стороны это был такой смелый поступок, – восхищалась Эми. – Твоя мама тоже так думает.

– Мама наверху?

– Она ушла в магазин. Сказала, что скоро вернется.

Эми отступила на шаг и оглядела Джиллиан, постукивая ножницами по ладони.

– Знаешь, я не уверена, что мне надо было их подравнять...

Не успев сообразить, что на это ответить, Джиллиан услышала, как открывается входная дверь и шуршат бумажные пакеты. Потом появилась мама, щеки были румяными от холода. Она держала в руках два пакета продуктов из бакалейной лавки.

– Доброе утро, девочки, – начала было она и осеклась: ее взгляд был прикован к голове Джиллиан. Она онемела.

– Не урони сумки, мама.

Джиллиан старалась выглядеть непринужденно, но внутри у нее все сжалось. Она напряглась, неестественно вытянув шею.

– Тебе нравится?

– Я... я... – Мама опустила сумки на столик. – Эми, зачем же ты совсем их отрезала?

– Это не Эми. Это я прошлой ночью. Я устала от таких длинных волос...

Которые намokли и обледенели.

– ...которые намokли и обледенели. Вот я их и отрезала. Ну, так вам нравится или нет?

– Я не знаю, – медленно проговорила мама. – Так ты выглядишь гораздо старше. Как парижская модель...

Джиллиан просияла.

– Ну, – мама покачала головой, – теперь уж дело сделано, после драки кулаками не машут. Дайка я подправлю немного. Только самые кончики.

Она забрала у Эми ножницы.

Когда они закончат, я буду лысой!

Нет, не будешь, детка. Твоя мама знает, что делает.

И странно, было что-то успокаивающее в том, как мама легко щелкала ножницами, и в аромате маминых духов, свежем, как лаванда, и в том, что не осталось и следа от ужасного запаха перегара. Джиллиан вспомнила о старых временах, когда мама работала учительницей в средней школе, вставала рано-рано и у нее были ясные красивые глаза и тщательно причесанные волосы. Все это было до того, как родители начали ссориться и мама попала в больницу.

Казалось, мама тоже об этом подумала. Она обмахнула плечи Джиллиан, сбросив на пол отрезанные волосы.

– Я принесла свежий хлеб. Сейчас приготовлю тосты с корицей и горячий шоколад.

Она еще раз обмахнула плечи дочери, потом заботливо спросила:

– Ты уверена, что не заболела? Ты, должно быть, совсем замерзла прошлой ночью. Мы можем вызвать доктора Кацмарека, если хочешь. Это займет ровно минуту.

– Нет, я в полном порядке. Правда. А где папа? Он уже ушел на работу?

Наступила пауза, потом мама сказала все так же спокойно:

– Папа ушел от нас этой ночью.

– Папа ушел?

Папа ушел?

Это случилось прошлой ночью, пока ты спала.

Сколько всего случилось прошлой ночью, пока я спала!

Таков мир, Стрекоза. Он меняется, даже когда ты этого не замечаешь.

– Мы потом поговорим об этом, – сказала мама и еще раз обмахнула плечи Джиллиан.

– Вот. Теперь отлично. Ты красавица, хотя и не выглядишь больше как моя маленькая девочка. Ты бы укуталась получше, сегодня очень холодно.

– Я уже оделась.

Настал решающий момент. Джиллиан совсем не волновало, шокирована ли мама ее видом. Отец опять ушел – ничего нового, но все равно она огорчилась. Душевная близость с мамой давно нарушена, и ей больше не хочется тостов с корицей.

Джиллиан вышла на середину кухни и сбросила розовый халатик. Черные брюки на бедрах, черная жилетка поверху прозрачной свободной черной блузы, на ногах черные сапоги, на запястье черные часы – и это все, что она надела.

– Джиллиан!

Эми и мама ошеломленно глядели на нее.

Джиллиан держалась вызывающе.

– Но ты никогда раньше не носила черное, – слабо запротестовала мама.

Разумеется. Потребовалось много времени, чтобы извлечь все это из недр комода. Например, жилетка была подарена ей прабабушкой Элспет на Рождество два года назад, и на ней все еще болтался ценник.

– А ты не забыла надеть сверху свитер? – съязвила Эми.

Стой на своем, детка. Ты выглядишь потрясающе.

– Нет, не забыла. Я собираюсь надеть пальто. На улицу, конечно. Как я выгляжу? Эми поперхнулась:

– Ну, роскошно. Очень классно. Но несколько устрашающе.

Мама подняла было руки и уронила их:

– Я просто тебя не узнаю.

Ур-ра!

Отлично, детка.

Джиллиан была настолько счастлива, что на ходу бросила маме воздушный поцелуй.

– Пойдем, Эми. Нам пора, если мы хотим заехать за Юджином.

И она потащила за собой подругу, как комета – хвост. Мама напомнила про завтрак...

– Дай нам что-нибудь с собой, ма! Ну где же мое черное пальто, которое я никогда не надевала?! Такое модное, ты мне его купила, чтобы ходить в нем в церковь, помнишь? Ладно, я и сама его найду.

Через пару минут они с Эми уже были в дверях.

– Подожди. – Джиллиан вдруг остановилась. Она порылась в черной брезентовой сумке, которую схватила вместо ранца, и вытащила оттуда маленькую пудреницу и помаду. – Надо же, чуть не забыла.

Она покрасила губы помадой. Помада была красная, не оранжевая или малиновая, а именно красная, как помидор или рождественская лента. Такого же яркого цвета. Ее губы стали полнее, почти пухлыми. Джиллиан надула губки и оценила свое отражение в зеркале, затем чмокнула зеркальце и щелчком захлопнула пудреницу.

Эми снова уставилась на нее.

– Джиллиан... что происходит? Что с тобой?

– Бежим, а то опоздаем!

– В таком прикиде ты выглядишь так, словно собираешься совершить кражу со взломом, а с этой помадой ты... ну, в общем... вроде девушки с сомнительной репутацией.

– Вот и отлично.

– Джиллиан! Ты меня пугаешь. В этом есть что-то... – Она схватила Джиллиан за руку и заглянула ей в глаза. – Что-то в тебе, в том, как ты выглядишь... Я не знаю, как сказать! Но все изменилось, в тебе появилось что-то нехорошее, темное.

Она говорила так взволнованно, так искренне, что на мгновение Джиллиан и сама испугалась. Она испытала резкий, словно удар ножа в живот, прилив страха. Конечно, Эми всегда была слишком впечатлительна, но она же не сумасшедшая. А что, если?..

Ангел...

Раздался автомобильный гудок.

Джиллиан удивленно обернулась. На обочине сразу за «джео» ее подружки стоял издававший виды, но все еще гордый «мустанг». Темноволосая голова высунулась из окна.

– Эй, вы не меня ли ищите? – крикнул Дэвид Блэкберн.

– Что это? – ахнула Эми.

Джиллиан, подчинившись приказу Ангела, помахала Дэвиду.

– По-моему, это машина, – сказала она Эми. – Я совсем забыла, Дэвид обещал отвезить меня в школу. Так что, наверное, мне лучше поехать с ним. Пока, увидимся.

Разумеется, лучше ехать с Дэвидом, ведь он первый предложил подвозить ее. Кроме того, Эми водила так, что это было опасно для жизни: она неслась на невероятной скорости, маниакально давя на газ, и гудела всю дорогу, потому что без очков ничего не видела.

Кроме того, надо же было восстановить справедливость. В конце концов, вчера Эми выставила ее из своей машины ради парня, всего-навсего такого, как Юджин Элфред. Но сейчас Джиллиан была слишком напряжена, чтобы испытывать торжество от реванша. Она немного опасалась реакции Дэвида на свой новый образ, ведь она изменилась так быстро и неожиданно.

Ангел, а что, если мне станет плохо и я упаду в обморок? Это произведет на него впечатление, как ты думаешь?

Дыши глубже, детка. Вдох-выдох. Ну-ну, не так быстро! И улыбайся.

Открывая дверь машины, Джиллиан не совсем справилась с улыбкой. Она вдруг почувствовала себя выставленной на обозрение. А что, если Дэвид подумает, что она просто кривляка? Маленькая девочка, которая вырядилась в мамины вещи?

А ее волосы? «Она вдруг вспомнила, как нежно Дэвид касался вчера ее волос. Что, если ему не понравится стрижка?

Стараясь дышать ровно, она юркнула в машину. Пальто распахнулось... Она едва смогла заставить себя посмотреть в сторону водительского кресла. Но все же взглянула и обмерла. У Дэвида был такой взгляд, какого ей никогда раньше не приходилось видеть ни у кого из ребят, во всяком случае, так на нее еще никто не смотрел. Правда, она замечала, что парни иногда бросали такие взгляды на других девчонок – на Штеффи Локхарт или Дж. З. Оберлин. Они словно не могли отвести глаз, и выражение лица при этом у них было жалкое, умоляющее. Всем своим видом они словно говорили: «Я повержен и ничего не имею против, если ты будешь топтать меня ногами, детка».

Дэвид смотрел на нее именно так. И тут же все ее страхи, в том числе и испуг, который вызвала реакция Эми, исчезли. Ее сердце все еще тяжело стучало и волны адреналина проносились по всему телу, но теперь это было просто радостным возбуждением. Ошеломляющим предчувствием счастья. Ей казалось, что она вдруг вскочила на роликовую доску и понеслась на ней по дороге жизни.

Дэвиду действительно понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя и собраться с мыслями, прежде чем он вспомнил о том, что надо повернуть ключ зажигания. И потом, вместо того чтобы следить за дорогой, он продолжал украдкой коситься на нее.

– Ты что-то такое сделала с твоими... с твоими...

Он неопределенно покрутил рукой вокруг собственной головы. Какие у него руки! Сильные, красивые, с длинными пальцами.

– Я отрезала волосы, – сказала Джиллиан.

Реплика должна была прозвучать равнодушно, как бы невзначай, но голос ее дрогнул, и получился глуповатый смешок в конце фразы. Она сделала вторую попытку:

– Мне надоело выглядеть слишком молодо.

– А! – Он понимающе кивнул. – Это моя вина, да? Ты слышала нашу болтовню вчера. Ну, мы с Таней говорили...

Скажи ему, что ты уже давно собиралась это сделать.

– Да нет, я уже давно собиралась постричься, – ответила Джиллиан. – Не велика важность.

Судя по взгляду, Дэвид был явно с этим не согласен. Нет, не то чтобы ему не понравилось, – скорее, он был потрясен... он сделал открытие, и чем больше он смотрел на нее, тем больше обожания было в его глазах.

– Я никогда раньше не замечал тебя в школе, – пробормотал он. – Наверное, я был слепым.

– Прости, что?

– Нет, ничего. Это ты прости.

Некоторое время он вел машину молча. Джиллиан заставила себя оторвать взгляд от Дэвида, выглянула в окно и увидела, что они проезжают как раз мимо того места, где она вчера

сошла с шоссе, услышав детский крик. Странно, насколько иначе выглядел пейзаж сегодня. Вчера он был диким и неприветливым, сегодня же радовал глаз мирной и тихой красотой, а снег казался пушистым и мягким, как взбитая перина.

– Послушай... – нарушил молчание Дэвид, но осекся и покачал головой.

Затем он сделал нечто поразительное: он съехал на обочину дороги, как можно дальше от транспортного потока, и остановился.

– Мне кое-что хотелось тебе сказать.

Сердце Джиллиан бешено забилося, его биение отдавалось во всем теле: в горле, в пальцах, в ушах. Она словно перестала существовать, как во сне, и превратилась в единое пульсирующее сердцебиение. Перед глазами поплыли круги.

Она ждала...

Но Дэвид сказал совсем не то, что она ожидала услышать.

– Помнишь, как мы встретились первый раз?

– Я? Да.

Ну конечно, она помнила. Четыре года назад ей было всего двенадцать, и для своего возраста она была очень маленькой. Она лежала в сугробе за домом, изображая снежного ангела. Ребячество, разумеется, но в то время только что выпавший снег приводил ее в такой восторг, что она не могла удержаться от дурачества. И вот, пока она лежала на спине и делала руками отпечатки крыльев ангела, с ветки у нее над головой свалился огромный ком снега. Все лицо облепил сырой снег. Ее словно завернули в снежную упаковку, мешавшую дышать. Она вскочила, задыхаясь и судорожно хватая ртом воздух. Но тут кто-то подхватил ее, аккуратно поставил на ноги и стал отряхивать снег с ее лица. Первое, что она увидела, когда опять смогла открыть глаза, была чья-то сильная рука и загорелое запястье. Потом она увидела его лицо: высокие скулы и темные озорные глаза.

– Я – Дэвид Блэкберн. Мы только что сюда переехали, – сказал мальчик.

Он продолжал вытирать ей лицо.

– Будь осторожней, Снегурочка. В следующий раз меня может и не оказаться поблизости.

У Джиллиан внутри что-то взорвалось и сердце готово было выскочить из груди. А когда, отряхнув снег, он погладил ее по голове, она словно воспарила над землей.

Остальной мир больше не существует. Только она и Дэвид – они одни во всем мире.

И даже голос Ангела звучал где-то очень далеко.

Ах, Стрекоза-Стрекоза! Вас застукали. Смотри – подъезжают.

Джиллиан не шелохнулась. Едва не задев «мустанг», мимо проехала чья-то машина. Через запотевшие стекла было плохо видно, но ей показалось, что на них кто-то смотрит.

А Дэвид и вовсе не заметил машины. Его взгляд был прикован к коробке передач. Он снова заговорил, и голос его был непривычно тихим.

– Я подумал... Извини, если я сказал что-нибудь обидное. Ты такая... я теперь вижу, какая ты!

Дэвид поднял голову, и Джиллиан вдруг поняла, что он собирается ее поцеловать.

Глава 7

Это был триумф! Джиллиан торжествовала, она испытывала восторг и еще какое-то глубокое сильное чувство, которое она не могла описать. Не было для него подходящих слов. Заглянув в карие глаза Дэвида, она словно почувствовала его душу, увидела мир таким, каким его видел он.

Ее состояние было похоже и на внезапное прозрение, и на восторг первого свидания, и на празднование Рождества, и на радость ребенка, потерявшегося в страшном месте и вдруг услышавшего мамин голос. Нет, на самом деле это не было похоже ни на одно из этих чувств – это было нечто большее. Нежданное счастье, потрясение от сознания, что ты не одинок, что ты кому-то принадлежишь... Она не могла собрать все свои эмоции воедино, потому что никогда не испытывала ничего подобного. И ни о чем таком не слышала. Но когда Дэвид ее поцелует, она сумеет все это выразить словами, потому что произойдет самое важное событие в ее жизни. И это случится сейчас. Дэвид придвигался все ближе, медленно, будто влекомый неведомой

силой, которой он не мог противостоять. Джиллиан потупилась, но она не отодвинулась и не отвернулась. Теперь он был так близко, что она слышала дыхание и чувствовала его тепло. Ее глаза непроизвольно закрылись. Она ждала поцелуя...

И вдруг ее сознание прояснилось. Неизвестно откуда всплыл едва различимый слабый укор: Таня! имя отрезвило Джиллиан, как холодный душ. Она попыталась было прогнать его, но поздно – она уже отстранилась и отвернулась к окну.

Ничего не видно. Окно слишком запотело, чтобы можно было различить, что там, снаружи. Они оказались в одном белом коконе.

– Я не могу, – сказала Джиллиан. – Я хотела сказать, что не могу так. Это нечестно. Ты уже... ты не можешь, то есть... А как же Таня?

– Я знаю. – Голос Дэвида прозвучал так, словно его окатили холодной водой. Он растерялся. – Ты права. Не понимаю, что со мной случилось... Я просто забыл... Видимо, это звучит глупо. Ты мне не веришь?

– Верю.

Наконец-то и он заговорил так же бессвязно, как она. Теперь он не будет думать, что она совершенная дура. Образ крутой девчонки не пострадал.

– Я вовсе не такой парень. Я хочу сказать, все выглядит, конечно, так, что именно такой, ну да, именно такой. Но я не такой. То есть я никогда не веду себя, как Брюс Фабер. Я так не поступаю. Я дал Тане клятву и...

– О боже! – Джиллиан ужаснулась. И закричала про себя:

Помоги!

Мне было интересно, когда же ты про меня вспомнишь.

Он дал ей клятву!

Разумеется, дал. Они же встречаются.

Но это ужасно!

Нет, это восхитительно. Отличный парень! А теперь скажи ему, что неплохо бы успеть на урок.

Я не могу. Не могу думать. Как мы с этим справимся?..

Прежде всего – учеба.

Джиллиан холодно произнесла:

– Думаю, нам надо ехать.

– Да.

Наступила пауза, наконец Дэвид включил зажигание.

Они ехали молча, Джиллиан все больше и больше погружалась в грустные думы. Казалось, все так легко! Достаточно изменить внешность – и все сразу изменится, как по волшебству. Но не тут-то было. Дэвид не мог так просто бросить Таню.

Не беспокойся, детка. У меня созрел потрясающий план.

Но какой?

Я скажу тебе, когда придет время.

Ангел, ты на меня сердишься? Ты обиделся, потому что я про тебя забыла?

Конечно, нет. Я здесь, чтобы устраивать все, как надо. Можешь совсем забыть про меня.

Тогда почему ты сердишься? Потому что я забыла про Таню? Я не хотела делать ничего плохого...

Да не сержусь я! Выше голову! Вот мы и приехали.

И все же Джиллиан не смогла избавиться от ощущения, что он рассердился. Или, по крайней мере, удивился ее поведению. Случилось что-то неожиданное для него.

Но у нее не было времени надолго задерживаться на этой мысли. Пора было вылезать из машины Дэвида и идти в школу.

– Мы ведь еще увидимся сегодня, – сказал Дэвид, касаясь ручки двери.

Его слова прозвучали как вопрос.

– Да. Позднее... – отозвалась Джиллиан.

У нее не было сил сказать что-нибудь еще. Она оглянулась – только раз – и увидела, как Дэвид сосредоточенно рассматривает переднее колесо машины.

Подходя к зданию школы, она заметила, что на нее все смотрят. Оказаться вдруг в центре

внимания! Какое новое и какое тревожное чувство!

Они что, надо мной смеются? Я глупо выгляжу? Я что-то не так сделала?

Дыши ровно, иди спокойно, – раздался веселый голос Ангела. – Вдох-выдох... правой – левой... выше голову... вдох-выдох...

Стараясь ни с кем не встречаться взглядом, Джиллиан пробежала наверх по лестнице, по коридорам и нырнула в класс истории.

И как раз вовремя: зазвенел звонок. Но тут она обнаружила еще одну проблему: ее учебник по истории вместе со всеми тетрадками сейчас плыл себе вниз по течению.

Она поймала взгляд Эми и с облегчением направилась к задней парте.

– Поделишься со мной учебником? Мой ранец утонул в ручье.

Она немножко побаивалась, что Эми приревновала или обиделась на нее за то, что она уехала с Дэвидом. Но Эми, по-видимому, не обиделась. Наоборот, она смотрела на Джиллиан испуганно, как на торнадо, которого следует опасаться, но на который невозможно сердиться.

– Держи. – Эми подождала, пока Джиллиан пододвинулась поближе, и зашептала: – Как ты умудрилась столько времени добираться до школы? Чем вы там с Дэвидом занимались?

Джиллиан порылась в сумочке в поисках ручки.

– А за Таней заехать? На это, по-твоему, не нужно времени?

– Таня уже давным-давно в школе и ищет Дэвида.

У Джиллиан бешено застучало сердце, и она сделала вид, что сосредоточенно слушает объяснения учителя. Однако это не помешало ей заметить, что ребята в классе поглядывают на нее, особенно мальчишки. Они украдкой бросали на нее такие взгляды, каких она никогда от них даже не ожидала.

Но эти-то все мелюзга. В классе не было никого из крутой компании. На следующем уроке – биологии – все будет иначе. Там будут самые классные ребята. И разумеется, Дэвид... И Таня.

Джиллиан почувствовала, как ее обдало холодком. Какая разница, что о ней думают другие, если она не сможет завоевать Дэвида? Но она безоговорочно верила Ангелу. Все как-нибудь само собой образуется. Ей надо просто оставаться спокойной и играть свою роль до конца.

Как только прозвенел звонок, она убежала, ловя на себе удивленный взгляд Эми, и скрылась в туалетной комнате. Ей нужна была свободная минутка.

Покрась еще раз губы. Помада куда-то делась, – сказал Ангел с мальчишеским недоумением.

Джиллиан подкрасила губы. Провела расческой по волосам. Собственное отражение вернуло ей уверенность в себе. Девушка в зеркале совсем не была похожа на прежнюю Джиллиан: там отражалась молоденькая и изящная роковая женщина, затянутая в черное, будто ночной вор. У нее были шелковистые пепельные волосы и слегка подчеркнутые макияжем темно-синие глаза. Взгляд таинственный, гипнотизирующий. Губы мягкие, красные, пухлые – само совершенство, губы рекламной модели косметической фирмы. На фоне черной одежды кожа словно светилась яблоневым цветом.

«Она красавица», – подумала Джиллиан, а Ангелу сказала:

То есть это я красавица. Как ты думаешь, мне нужно... придать лицу какое-нибудь выражение? Ну, например, на случай, когда меня разглядывают. Такой особенный взгляд, утомленный или слегка удивленный, а может быть, равнодушный или совершенно рассеянный. Как ты думаешь?

А как насчет задумчивого взгляда? Как будто ты погружена в собственный внутренний мир и тебе нет никакого дела до мира внешнего. И это действительно близко к истине, ты же знаешь: так оно и есть.

Джиллиан идея понравилась: задумчивый взгляд, углубленный в себя, прислушивающийся к музыке сфер! Или к музыке ангельского голоса? Она могла это изобразить. Она поправила сумку на плече и собралась ее открыть.

Ты что собираешься делать?

Достать учебник по биологии. Он, к счастью, не утонул.

Нет, у тебя его нет.

Джиллиан спускалась вниз по ступеням, сохраняя задумчивое выражение лица, ловя на себе долгие взгляды мальчишек.

Да нет же! Вот он, учебник! У меня есть учебник.

Нет его у тебя, нет. По независящим от тебя обстоятельствам ты потеряла учебник по биологии и все тетради, поэтому тебе нужно сесть рядом с кем-нибудь, чтобы заглядывать в его учебник.

Джиллиан потупила взгляд.

Я... ой! Ну да, ты прав. Конечно, я потеряла учебник по биологии.

Теперь дверь в биологический класс выглядела для Джиллиан как Врата Рая. Все с тем же задумчивым выражением лица она вошла в класс и окунулась в обычный школьный гам.

Хорошо, детка, умница. Выйди вперед и скажи господину... Волшебнику, что тебе нужен новый учебник. Все остальное он сделает сам.

Джиллиан последовала совету Ангела. Когда она стояла перед господином Леверетом и рассказывала свою историю, в классе у нее за спиной вдруг стало непривычно тихо. Она не обернулась и не стала говорить громче. Она продолжала свой рассказ, наблюдая, как на одутловатом некрасивом лице учителя вместо удивленного выражения: «Откуда ты взялась?» (ему пришлось открыть классный журнал, чтобы убедиться, что такая ученица есть в классе) – появляется выражение сочувствия.

– У меня есть лишний учебник, – успокоил ее учитель, – и ксерокопии краткого содержания лекций, но вот тетради с конспектами...

Он обратился ко всему классу:

– Так, ребята... Джилл... Джиллиан нужно немножко помочь. Нужно, чтобы кто-нибудь из вас дал ей свои тетради – она их ксерокопирует...

Не успел он закончить фразу, как в классе взметнулся лес рук.

Получилось так, что всеобщее внимание было обращено на Джиллиан. Она стояла перед всем классом, и весь класс смотрел на нее. В прежние времена этого было бы достаточно, чтобы привести ее в ужас. За первой партой сидели Дэвид с непроницаемым видом и Таня в явном негодовании. Остальные ребята, которые раньше никогда не смотрели в ее сторону, теперь с энтузиазмом тянули вверх руки.

Одни мальчишки. И среди них – Брюс Фабер, по прозвищу Брюс-Атлет: золотистые волосы, серо-голубые глаза, высокая атлетическая фигура. Обычно у него был такой заносчивый вид, будто он принимает аплодисменты. Теперь же он снизошел до того, что снисходительным и изящным жестом пригласил Джиллиан за свою парту.

А еще Мэкон Кингсли, которого она прозвала Денежный Мешок. Он был очень богат. Шатен с короткой стрижкой, с надменным взглядом полуприкрытых глаз и жестким изгибом чувственных губ. Мэкон носил часы «Ролекс» и ездил на новой спортивной машине. Он разглядывал Джиллиан, не скрывая готовности заплатить за нее кучу денег.

Среди желающих поделиться с ней конспектами был и Кори Заблински, Кори-Тусовщик, который то и дело устраивал вечеринки и находился либо в ожидании очередной тусовки, либо приходил в себя после предыдущей. В Кори, крепком, ловком парне с рыжими волосами и хитрым лисьим взглядом, было больше обаяния, чем внешней красоты. Он всегда был в гуще событий и сейчас энергично махал Джиллиан рукой. Даже новый парень Эми, у которого, по мнению Джиллиан, не было ни шарма, ни привлекательности, изо всех сил тянул руку.

Дэвид тоже поднял руку, несмотря на холодное выражение лица Тани. Он выглядел вежливым и упрямым. Интересно, сказал ли он Тане, что просто хотел помочь бедной малышке выбраться из затруднительного положения?

Выбери... Мэкона, – задумчиво сказал потусторонний голос в ухо Джиллиан.

Мэкона? Может, лучше Кори?

Конечно, под злобным взглядом Таниных глаз она не могла выбрать Дэвида. И на Брюсе ей было неловко остановиться по той же причине: его девушка Аманда Спенглер сидела сразу за ним. Вот Кори был бы вполне приемлем. А Мэкон – нет, он вызывал у нее неприязнь.

Ангел настаивал на своем:

Разве я когда-нибудь подсказывал тебе неверное решение? Я говорю тебе: Мэкон.

Зато Кори всегда все знает о вечеринках...

Впрочем, она уже шла к Мэкону. Джиллиан быстро поняла, что самое главное – полностью полагаться на Ангела.

– Спасибо, – сказала она бархатым голосом Мэкону, садясь на свободный стул рядом с ним, и повторила подсказанные Ангелом слова: – Держу пари, у тебя отличные конспекты. Ты очень внимателен на уроках.

Денежный Мешок слегка кивнул, прищурив тревожные зеленые глаза. Однако он хорошо себя вел весь урок. Пообещал, что отдаст тетради секретарше своего отца, чтобы она их ксерокопировала. Одолжил штрих. И все время смотрел на нее, будто она была своего рода произведением искусства.

И это еще не все. Кори-Тусовщик, проходя мимо – ему приспичило выбросить в мусорную корзину старую жвачку, – бросил бумажный комочек на ее лабораторный стол. Когда Джиллиан развернула скомканную бумажку, она обнаружила там отпечатанный поцелуйчик и вопросник: «Новенькая? Любишь музыку? Твой телефон?» А Брюс-Атлет упорно старался перехватить ее взгляд.

Джиллиан почувствовала внутри какой-то жар.

Но самое интересное было впереди. Господин Леверет, расхаживая взад-вперед перед классом, просил перечислить пять царств, на которые подразделяется все живое.

Подними руку, детка.

Но я не помню...

Доверься мне.

Рука Джиллиан поднялась будто сама по себе. Тепло внутри уступило место ужасу. Она никогда не отвечала на вопросы учителя в классе и понадеялась, что и на этот раз ее пронесет и Леверет не заметит ее руки, но он посмотрел прямо на нее и кивнул:

– Джиллиан.

А теперь просто повторяй за мной... – продолжал вкрадчивый голос в ее голове.

Итак, пять царств, начиная с наиболее развитых и кончая самыми примитивными, это: царство животных, царство растений, царство грибов, царство простейших и царство... Юджина.

Джиллиан медленно загибала пальцы, на последнем слове ее задумчивый взгляд остановился на Юджине.

Но это же нечестно! То есть я имею в виду...

Она так и не договорила, что она имела в виду. Весь класс взорвался от хохота. Даже господин Леверет закатил глаза к потолку и затряс головой.

Все решили, что она дерзкая. Остроумная. Одна из тех, кто способен заставить хохотать целый класс.

Но Юджин...

Посмотри на него.

Юджин залился краской, втянул голову в плечи и засмеялся. Нет, он не выглядел смущенным или обиженным. Он был польщен и явно доволен, что на него обратили внимание.

«И все же это нехорошо», – звучал вопреки Ангелу тоненький голос совести. Но он был заглушен всеобщим хохотом и смыт волной радости, поднимающейся внутри. Джиллиан никогда не чувствовала, чтобы ее настолько принимали, настолько считали своей. Теперь все будут смеяться, даже когда она скажет что-нибудь не очень остроумное. Потому что они хотели смеяться. Она угодила им, а они хотели угодить ей.

Правило первое, Стрекоза: красивая девушка может дразнить любого парня, и ему это будет нравиться. При этом совсем неважно, хороша ли шутка, Я прав или нет?

Ангел, ты всегда прав.

Джиллиан действительно верила в это всем сердцем. Она никогда и представить себе не могла, что ангелы-хранители могут быть такими, но была невыразимо рада, что они существуют и что один из них ей помогает.

На перемене чудеса продолжались. Вместо того чтобы выбежать из класса, как она обычно делала, Джиллиан медленно пошла между партами. Она не могла идти быстрее – и Мэкон, и Кори крутились перед ней, болтая наперебой.

– Я смогу передать тебе конспекты в конце недели, в выходные, – предложил Денежный

Мешок. – Я даже мог бы завезти их тебе домой.

Его прищуренные глаза, казалось, впились в нее, а чувственные губы готовы были ее съесть.

– У меня есть идея получше, – сказал Кори, пританцовывая вокруг них. – Мэк, тебе не кажется, что ты уже давно не устраивал вечеринок? Уже несколько недель. А у тебя такой большой дом... Как насчет субботы? Я всех соберу, и мы познакомимся с Джилл получше. – Он оживленно размахивал руками.

– Отличная идея, – поддержал Брюс-Атлет. – Я в субботу свободен. А ты, Джилл? – Он подошел сзади и как бы невзначай обнял ее за плечи.

– Спроси меня об этом в пятницу, – ответила Джиллиан с улыбкой, озвучивая подсказку Ангела, и сбросила его руку уже без подсказки Ангела, по собственному решению: Брюс принадлежал Аманде.

«Вечеринка для меня», – потрясенно размышляла Джиллиан. Ведь все, чего она хотела, это быть приглашенной, а о таком она и не мечтала! У нее защекало в носу, защекало глаза и засосало под ложечкой. Все происходило слишком быстро.

Вокруг них собралась толпа любопытных. Невероятно, но она снова оказалась в центре внимания, каждый хотел поговорить с ней или о ней.

– Эй! Ты новенькая?

– Это же Джиллиан Леннокс. Она всегда здесь училась.

– Я никогда ее раньше не видел.

– Ты просто никогда не замечал ее раньше.

– Эй, Джилл, а где ты потеряла свой учебник по биологии?

– Ты что, не слышал? Она упала в реку, спасая ребенка. И чуть не утонула.

– А я слышал, что ее вытащил из реки Дэвид Блэкберн и сделал ей искусственное дыхание.

– А я слышала, что они сидели сегодня утром вдвоем в припаркованной на шоссе машине.

Эта болтовня дурманила, волновала Джиллиан. Вокруг нее собрались не только парни. Она-то думала, что девчонки приревнуют и надуются, что они все объединятся против нее и не будут с ней дружить. Но здесь была Кимберли Черри, Гимнастка Ким, – маленький ураган с солнечно-желтыми кудряшками и детскими голубыми глазами. Еще Штеффи Локхарт, Певица, с матовой кожей и ласковым янтарным взглядом. Она воодушевленно жестикулировала и сияла улыбкой. Даже Аманда-Предводитель, девушка Брюса Фабера, стояла в этой толпе. Она расточала белозубые улыбки и то и дело откидывала назад блестящие каштановые волосы, ее свежее лицо пылало румянцем.

Джиллиан вдруг поняла: девчонки не могут ее ненавидеть, точнее, не могут показать, что ненавидят. Потому что Джиллиан мгновенно приобрела некий незыблемый статус. Она была красива, и ради нее парни выворачивались наизнанку. Она была восходящей звездой, силой и властью, с которой нельзя не считаться. И любая девчонка, которая рискнула бы задрать перед ней нос, могла потерять собственную популярность, если бы Джиллиан захотела расплатиться с ней той же монетой. Они боялись проявить к ней невнимание.

От всего этого у нее кружилась голова. Джиллиан чувствовала себе ангельски прекрасной и опасной, как змея. Она купалась в волнах обожания и восхищения. Но тут она увидела такое, что заставило ее вздрогнуть, словно она наступила на острый камень: Дэвид и Таня, взявшись за руки, спускались вниз по лестнице.

Глава 8

Джиллиан застыла. Она смотрела им вслед.

Еще не время осуществлять мой план, детка. Приободришься. Миллион за улыбку.

Джиллиан постаралась придать лицу бодрое выражение.

Странный день продолжался. На каждом уроке она просила учителя дать ей новый учебник. И в каждом классе ее забрасывали предложениями одолжить ей конспекты или оказать любую другую помощь. Ангел все время нашептывал ей в ухо, подсказывая правильные ответы для всех и каждого. Он был остроумен, дерзок и резок, – естественно, такой

же была и Джиллиан.

Она быстро осознала свое преимущество. Раз уж никто не замечал ее раньше, она стала вести себя как новенькая. Она могла быть любой, какой хотела, могла представить себя любым человеком, и ей бы поверили.

Золушка на балу. Таинственная незнакомка. – Голос Ангела звучал насмешливо, но нежно.

На уроке журналистики Джиллиан сидела за Дэрил Новак, апатичной девочкой с темными глазами, прикрытыми длинными ресницами. Дэрил-Богачка, Дэрил-Путешественница. Она говорила о Париже, Риме и Калифорнии, словно само собой подразумевалось, что Джиллиан там была.

Наступило время обеда. Джиллиан остановилась в нерешительности в дверях школьной столовой. Обычно она сидела с Эми в самом дальнем углу. Но с недавних пор с Эми сидит Юджин. За первым столом она увидела компанию, в которой были Аманда-Предводительница, Гимнастка Ким и другие крутые ребята из Клики. Дэвид и Таня сидели за соседним столиком.

Мне сесть с ними? Меня никто не приглашал.

Нет, не с ними, моя маленькая. Но рядом с ними. Сядь с краю в самом конце стола. Не смотри в их сторону, когда будешь проходить мимо. Смотри на свой обед. Начинай есть.

Джиллиан никогда раньше не обедала одна – во всяком случае, в общественном месте. В те дни, когда Эми не было в школе и ей не удавалось найти кого-нибудь из младших классов, с кем бы она чувствовала себя удобно, она пряталась в библиотеке и ела там.

В прежние времена Джиллиан чувствовала бы себя ужасно, оказавшись у всех на виду, но теперь она была не совсем одна, у нее был Ангел со своими шуточками у самого ее уха. Она обрела уверенность, будто видела себя со стороны: как она ест, спокойно и безразлично к окружающим, сосредоточенная на том, что надо сохранять вид витающей в облаках. Она старалась придать движениям немного лени, копируя Дэрил-Богачку.

Надеюсь, Эми не думает, что я ею пренебрегаю. То есть она же не одна там, в конце столовой. У нее есть Юджин.

Хорошо, мы еще поговорим об Эми, детка. А теперь тебя зовут. Улыбнись и будь милой.

– Эй, Джилл, спустись на землю!

– Джилл, иди к нам!

Они хотели, чтобы она к ним присоединилась. Она передвинула свой обед и ничего не пролила, не споткнулась и не поскользнулась. Она была маленькой, изящной и легкой в движениях. Ребята опять сгрудились вокруг нее в теплой компании.

Она больше их не боялась. И это было замечательнее всего. Эти школьники, казавшиеся ей звездами телешоу о молодежи, оказались вполне реальными людьми, которые сыпали крошки на одежду и обменивались вполне понятными для нее шутками.

Джиллиан всегда было интересно, над чем они так смеются, когда собираются вместе. Но теперь она знала: причина в самой атмосфере осознания того, что они особенные. И тогда было легко смеяться над всем. Она заметила, что Дэвид, сидевший тихо рядом с Таней, смотрел, как она смеется.

До нее доносились отдельные фразы тех, кто сидел с краю ее компании, тех, кого не принимали в Клику. Большею частью радостное щебетание и воркование в знак восхищения. Ей показалось, что кто-то упомянул ее имя...

Она прислушалась.

– А между прочим, ее мама – пьяница.

Эти слова прозвучали для Джиллиан ужасно громко и отчетливо, выпадая из общего гама. Она передернулась, как от озноба, и пропустила сюжетную развязку истории, которую рассказывала Гимнастка Ким.

Ангел, кто это сказал? Это было про меня – про мою маму?

Она не осмеливалась оглянуться.

– ...начала пить несколько лет назад и теперь у нее галлюцинации...

На сей раз голос был таким громким, что он оборвал добродушную болтовню компании Джиллиан. Ким остановилась на полуслове. Улыбка Брюса-Атлета стала вынужденной. Наступило неловкое молчание.

Волна гнева захлестнула Джиллиан, она была в ярости.

Кто это сказал? Я убью их...

Успокойся! Успокойся. Ты не должна вести себя так.

Но...

Я сказал, успокойся! Гляди в тарелку. Нет, в свою тарелку. А теперь скажи – и абсолютно спокойным голосом – «Ненавижу сплетни и сплетников. А вы? Что это за люди? Совершенно непонятная порода».

Джиллиан дважды вздохнула и послушалась, хотя ее голос и не был абсолютно спокойным. Он немного дрожал.

– Я тоже! – поддержал ее новый голос.

Джиллиан подняла глаза от тарелки и увидела, что Дэвид вскочил, его лицо потемнело от гнева, и он медленно обвел глазами стол за ее спиной, словно высматривая того, кто это сказал.

– Я думаю, это просто ненормальные и нам надо их наказать.

В его глазах появился тот стальной блеск, за который он и получил репутацию крутого парня.

Джиллиан почувствовала, будто сильная рука поддержала ее. Ее охватило чувство благодарности, и она потянулась к нему, но прикусила губы, останавливаясь.

– Я тоже ненавижу сплетни, – сказала Дж. З. Оберлин своим обычным равнодушным голосом.

Дж. З. Эта девушка всегда выглядела как живая реклама фирмы Келвин Кляйн и была сексуальной настолько, что дух захватывало. Но все, по мнению Джиллиан, портила безразличная маска, всегда присутствовавшая на ее лице. Но сейчас Дж. З. неожиданно проявила свои эмоции:

– В прошлом году кто-то распустил слухи, что я пыталась покончить жизнь самоубийством. Я так и не выяснила, кто это сделал. – Ее зелено-голубые глаза с поволокой были прищурены.

И затем все заговорили о сплетнях, и о тех, кто их распускает, и о том, что это за подонки. Компания сплотилась вокруг Джиллиан.

«Однако именно Дэвид был первым, кто за меня заступился», – подумала Джиллиан. Она посмотрела в его сторону, и тут раздался звенящий звук.

Он был почти мелодичным, но таким странным, что сразу привлек к себе внимание всего кафе. Кто-то разбил стакан. Джиллиан вместе со всеми озираясь вокруг: кто?

Никто не признался, не смутился, не посмотрел на пол. Все растерянно оглядывались вокруг.

Звук повторился, и двое стоявших у входа в столовую ребят посмотрели сначала себе под ноги, а потом вверх.

Высоко над входом красовалось окантованное красным кирпичом полукруглое окно. Джиллиан заметила, что свет, проходя через него, преломляется, как направленный через призму, и словно затуманивается. В стекле заиграли разноцветные радуги... И засверкали, падая вниз, «снежинки». Они ударялись об пол и позвякивали. Ребята у двери завороченно смотрели на них. Удивлению не было предела.

Джиллиан вдруг догадалась. Она вскочила на ноги, но единственное, что она могла вскрикнуть:

– О боже!

– Уходите оттуда! Сейчас все рухнет! Отойдите быстро! – Это был Дэвид, он махал рукой стоящим под окном ребятам. Потом побежал к ним.

«Как глупо», – подумала Джиллиан в оцепенении, ее сердце замерло.

Все остальные тоже кричали. Кори, и Аманда, и Брюс, и Таня. Гимнастка Ким отчаянно взвизгнула... И тут стекло полетело вниз, осколки падали дождем, крошась, сверкая и позвякивая. И падали, и падали, и падали. Как в замедленной съемке. Стекланные крошки разлетались по всей столовой, отскакивая от пола и играя радужными лучами, и устилали пол, как градины.

Наконец все закончилось, окно превратилось в дыру в форме арки с торчащими по краям острыми зубьями.

Ребята с крайних столов рассматривали отрикошетившие осколки. Но ни в кого не попало, и никто не был серьезно ранен.

«Благодаря Дэвиду!» – Джиллиан все еще была в оцепенении, но теперь уже от радости, что все обошлось. «Он сумел вывести всех вовремя из опасной зоны. О боже, он не ранен?»

С ним все в порядке. А почему ты думаешь, что это он один всех спас? Может, я тоже принял в этом некоторое участие. Я умею, ты знаешь. Я умею подталкивать людей к правильным действиям, а они даже и не догадываются, что это делаю я.

В голосе Ангела звучала обида.

Да? Это сделал ты? И правда, очень мило с твоей стороны.

Джиллиан видела, как Дэвид прошел через столовую к своему столику, как Таня рассматривала его руку, кивнула, пожала плечами, огляделась вокруг.

«Он не поранился. Слава богу!» – Джиллиан вздохнула с болезненным облегчением.

И только тогда ей пришло в голову поинтересоваться, что же на самом деле случилось. Перед тем как стекло упало, окно выглядело точно так же, как и зеркало в ее ванной комнате. Потрескалось ровно, по всей поверхности – из края в край паутинка трещин.

Зеркало в ванной треснуло, когда Таня насмеялась над комнатой Джиллиан. Теперь она вспомнила, о чем хотела спросить Ангела прошлой ночью. Она хотела спросить, почему зеркало разбилось таким странным образом.

Это окно... оно упало несколько минут спустя после того, как кто-то оскорбил маму Джиллиан. Впрочем, никто не заметил точно того момента, когда оно разбилось. Это могло случиться уже давно. Ерунда!

У Джиллиан по спине побежали мурашки, внутри все похолодело. Не может быть! Ангел еще тогда и не появился...

Но он же сказал, что никогда и не покидал ее...

Ангелы не могут ломать вещи...

Но ее Ангел отличался от других ангелов.

Эй, ты о чем это? Ты не хочешь поделиться со мной своими сомнениями?

Ангел!

Впервые с тех пор, как его мягкий голос стал звучать в ее ухе, Джиллиан почувствовала некоторое неудобство от перенаселенности в собственной голове. Ни минуты покоя! Ее беспокойство нарастало.

Ангел, я хотела... просто спросить... – Она вдруг беззвучно взорвалась: – Ангел, это не ты?! Это ты? Ты вытворяешь все это для моей безопасности... разбиваешь зеркала, окна и прочее?..

Пауза. И затем в ее голове раздался бурный взрыв хохота. Искренний смех. Ангел просто покатился со смеху.

Вдоволь нахохотавшись, он наконец выдал из себя:

Я?

Джиллиан смутилась.

Мне не следовало спрашивать. Но все это так таинственно...

Да. Еще бы!

На сей раз Ангел откровенно насмеялся.

Ладно, неважно. Ты опоздала на урок. Уже пять минут, как прозвенел звонок.

Два последних урока пронеслись как одно мгновение. Сколько всего случилось сегодня – от завтрака до обеда прошла целая жизнь.

Но день еще не закончился.

На последнем уроке – по изобразительному искусству – Джиллиан опять разговаривала с Дэрил-Богачкой. Дэрил была единственной из Клики, кто занимался искусством и журналистикой. В конце урока она испытующе взглянула на Джиллиан из под опущенных ресниц.

– Знаешь, о тебе ходят и другие слухи. Например, что ты путаешься с Дэвидом у Тани за спиной. Вы встречаетесь тайно по утрам и... – Дэрил повел; плечами и унизированной кольцами рукой откинула назад густые волосы.

Джиллиан насторожилась:

– И...?

– Тебе бы следовало разобраться с этим. Слухи распространяются быстро и растут, как снежный ком. Я знаю. Ты должна либо отрицать сплетни, либо... – губы Дэрил искривились в улыбке, – разоружить сплетников.

Да? А как я это сделаю?

Помалкивай и слушай ее, детка. Она умеет заваривать кашу.

– Если в слухах есть доля истины, то лучше признать это публично. Лучше сразу выбить у сплетников почву из-под ног. Всегда полезно обезоружить сплетника, если знаешь как.

Скажи ей, что знаешь и что собираешься поговорить с Таней после школы.

С Таней?.. То есть...

Просто скажи ей.

Джиллиан пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы повторить слова Ангела. Дэрил-Богачка посмотрела на нее с уважением.

– Ты круче, чем я думала. Может быть, тебе вовсе и не нужна моя помощь.

– Нет, нужна, – сказала Джиллиан без подсказок Ангела. – Я всегда признательна за любую помощь. Мир так жесток.

– Неужели? – Дэрил приподняла и без того высокие брови.

Итак, это Таня распространяет всякие гадости про мою маму.

Джиллиан чуть не споткнулась, выходя из класса. Она устала и чувствовала себя потерянной. Раньше ей казалось, что Таня выше этого.

Ей помогли. Чтобы сплетни распространились так быстро, необходимо иметь хорошо налаженную сеть. Но именно она была вдохновителем. Сейчас поверни налево.

Куда я иду?

Ты собираешься перехватить ее на выходе из класса по маркетингу. Сейчас она там одна. Учитель попросил ее задержаться после урока, а сам неожиданно побежал в туалетную комнату.

Джиллиан невольно улыбнулась. Все это, конечно, подстроил Ангел.

Когда она заглянула в класс по маркетингу, Таня и в самом деле была там одна. Она стояла у классной доски.

– Таня, нам надо поговорить.

Танины плечи окаменели. Затем она провела рукой по роскошным черным волосам и обернулась. Сейчас она даже больше, чем обычно, выглядела «Будущим управляющим»: ее лицо хранило абсолютное спокойствие, необыкновенные серые глаза глядели пренебрежительно. Без Ангела Джиллиан просто завяла бы под таким взглядом.

Таня произнесла только одно слово:

– Говори.

За этим последовал разговор, похожий на странный спектакль, в котором Джиллиан повторяла свою роль за суфлером. Она озвучивала шепот Ангела, не имея представления о том, что происходит. Единственным способом выстоять было полностью положиться на Ангела.

– Я знаю, Таня, ты сердисься на меня. Но я бы хотела окончательно прояснить ситуацию. – В соответствии с инструкциями Ангела она подошла к доске и провела пальцами по ее искусственному покрытию. – Не думаю, что мы должны вести себя по-детски.

– А я не думаю, что знаю, о чем ты говоришь.

– Разве? – Джиллиан посмотрела Тане прямо в глаза. – Ты отлично понимаешь, о чем я говорю.

Ангел, я чувствую себя героиней мыльной оперы...

– Ну, тогда ты ошибаешься. Кроме того, я занята...

– Я говорю о сплетнях, Таня. Я говорю о рассказах про мою маму. И я говорю о Дэвиде.

Таня оставалась совершенно спокойной. На мгновение показалось, что она удивлена тем, что Джиллиан говорит так прямо. Затем взгляд ее серых глаз потемнел – она принимала бой.

– Хорошо, давай поговорим о Дэвиде, – сказала она мурлыкающим голосом и по-тигриному шагнула в сторону Джиллиан. – О сплетнях я ничего не знаю. А вот о чем мне хотелось бы узнать, так это что вы с Дэвидом делали сегодня утром? Может, расскажешь?

Ангел, ей все это в удовольствие. Посмотри на нее! Она сильнее меня.

Доверься мне, детка.

– Мы ничего не делали, – сказала Джиллиан. Ей пришлось задрать подбородок, чтобы смотреть Тане в глаза. Затем она отвела взгляд в сторону и качнула головой. – Хорошо. Скажу честно. Мне нравится Дэвид, Таня. Он мне нравится с того самого дня, как приехал сюда. Он добрый, благородный, честный и красивый. Но все это не означает, что я хочу увести его у тебя. Все как раз наоборот.

Она повернулась к Тане спиной и отошла, глядя куда-то в пространство.

– Я думаю, Дэвид заслуживает лучшего. И я знаю, что он действительно очень привязан к тебе. Сегодня утром... он сказал мне, что вы дали друг другу клятву. Как видишь, у тебя нет причин подозревать меня.

Глаза Тани грозно сверкнули.

– Напрасно ты так вырядилась. Весь этот прикид... – Она помахала в воздухе рукой, изображая костюм Джиллиан и ее стриженую голову. – За один день ты превратилась из Мисс Невидимки вот в это и гарцуешь по всей школе, будто она твоя собственность. И не притворяйся, что тебе не хочется увести у меня Дэвида.

– Таня, то, как я одета, не имеет к Дэвиду никакого отношения. – Джиллиан произнесла эту ложь спокойно, глядя на испачканную мелом школьную доску. – Просто мне необходимо было это сделать. Я устала быть невидимкой. – Она медленно поворачивалась к Тане, все еще не глядя на нее. – Но речь не об этом. Главное – что лучше для Дэвида. Я думаю, ты для него лучшая... до тех пор, пока ты с ним честна.

– И что все это должно означать? – Таня начинала терять свое легендарное спокойствие. В ее голосе появился яд, она срывалась на крик.

– Это означает, что ты больше не будешь дурачить Дэвида, крутя интрижку с Брюсом Фабером.

О боже! Ангел! С Брюсом Фабером? С Брюсом-Атлетом? Она изменяла Дэвиду с Брюсом?

Танин голос превратился в визг:

– О чем это ты? Что ты знаешь?

– Я говорю о тех ночах, которые ты провела в коттедже Мэкона прошлым летом на вечеринках, якобы играя в пул. Дэвид тогда уезжал на север к бабушке. Я говорю о том, что происходило в машине Брюса после Дня. Всех Святых.

Ангел, в машине или в коттедже?

Таня молчала. Когда же она снова заговорила, то уже просто кричала:

– Как ты узнала?! Джиллиан пожала плечами:

– Сплетни могут оказаться палкой о двух концах.

– Я так и думала. Ах, Ким – отродье! Что за язык у нее... – Теперь Танин голос заскрежетал холодным металлом, она наступала на Джиллиан. – Полагаю, ты собираешься рассказать об этом Дэвиду?

– Что? – На мгновение Джиллиан слишком растерялась, чтобы следовать советам Ангела. Но она быстро собралась. – Нет. Я вовсе не собираюсь рассказывать Дэвиду. Именно поэтому я говорю с тобой. Я просто хочу, чтобы ты пообещала, что никогда больше не сделаешь ничего подобного. И я была бы тебе очень признательна, если бы ты перестала рассказывать небылицы про мою маму...

– Я сделаю гораздо хуже! – Таня подошла вплотную к Джиллиан. Теперь она уже орала во все горло не помня себя: – Ты и представить себе не можешь, что я с тобой сделаю, если ты еще хоть раз сунешься к Дэвиду, пигалица сопливая. Ты очень пожалеешь...

– Нет, не думаю. Ты и так сделала слишком много, – раздался голос из-за двери.

И в этот момент Джиллиан все поняла.

Глава 9

Разумеется, это был Дэвид.

Джиллиан обернулась, взглянула на него и зажмурилась. Он стоял в проеме двери, перекинув пиджак через плечо и сунув руку в карман брюк. Губы плотно сжаты, глаза

потемнели. Он смотрел на Таню.

Предгрозовое затишье.

Ангел! Как долго? Сколько времени он был здесь?

Хм... я бы сказал, примерно... да, пожалуй, с самого начала.

Господи!

Так вот почему Джиллиан играла свою роль так сдержанно и благородно и довела Таню до визга и воплей! Все это должно было выглядеть как разговор Элли и злой Бастинды.

В Джиллиан заговорило чувство справедливости. Не отдавая себе отчета в том, что делает, она шагнула в сторону Дэвида:

– Дэвид, ты не понимаешь...

Дэвид покачал головой:

– Я прекрасно все понимаю. И не выгораживай ее. Для меня лучше все знать.

Заткнись, слабоумная! Прими кроткий, расстроенный вид... добавь смущения. Ну догадайся, что им надо остаться одним.

– Ой, наверное, вы сейчас хотите остаться одни.

Как бы то ни было, тебе нужно торопиться, чтобы успеть на автобус.

– Как бы то ни было, мне нужно торопиться, чтобы успеть на автобус.

Меня не интересуют разборки недоносков.

– Меня не интересуют...

Я прибью тебя, Ангел!

Джиллиан поспешно извинилась и выбежала из класса.

Она шла, ничего не видя перед собой.

Ангел!

Извини! Не удержался. Но посмотри на себя, детка! Ты понимаешь, что ты только что сделала?

Догадываюсь... я избавилась от Тани.

По мере того как откатывала адренилиновая волна, этот факт начинал доходить до ее сознания. И это было отблеском будущего торжества, обещанием счастья.

Сообразительная девочка!

А я поступила честно? Все это правда, да? Она действительно путалась с Брюсом?

Все путались с Брюсом. Да, так оно и было.

А Ким? Она что, на самом деле распускает сплетни?

И быстрее, чем мажет маслом хлеб.

А я считала ее... такой милой. Когда мы говорили о сплетнях в столовой, она пожала мне руку.

Согласен. Она милая... но у тебя за спиной... Поверни-ка здесь налево.

Джиллиан вышла из школы. Когда она спускалась по ступенькам, то увидела, что три-четыре машины все еще стояли припаркованные во дворе. И среди них – БМВ с откидным верхом. Мэкон кивнул ей, приглашая в машину.

Остальные закричали:

– Эй, Джилл! Тебя подвезти? Ты же не хочешь опять заблудиться в лесу!

Джиллиан чувствовала себя королевой бала. Столько ребят хотели подвезти ее – было отчего закружиться голове.

Ангел проявил неожиданное безразличие:

...да выбирай любого!

Вдалеке она заметила «джео». Эми и Юджин стояли рядом с машиной, глядя на Джиллиан. Но сесть в машину вместе с Юджином Элфредом было бы катастрофой для ее нового статуса.

Джиллиан выбрала Кори-Тусовщика, и всю дорогу домой он без умолку болтал о предстоящей в субботу вечеринке у Мэкона. Ей стоило большого труда избавиться от него у дверей своего дома. Отделавшись от Кори, она вбежала наверх, в свою спальню, и, раскинув руки, упала на кровать, уставившись неподвижным взглядом в потолок.

«Уф!»

Это был самый невероятный день в ее жизни.

Она лежала, прислушиваясь к тишине в доме и стараясь собраться с мыслями.

Тепло все еще пульсировало внутри, хотя к нему примешивалось беспокойство. Ей хотелось снова увидеть Дэвида. Хотелось узнать, чем у них там с Таней все закончилось. Она не будет счастлива до тех пор, пока не удостоверится...

– Отдыхаешь?

Джиллиан села. Голос звучал не в голове, он шел из-за кровати. Ангел был там.

При виде его она почти физически почувствовала удар. Она не видела его с утра и забыла, какой он красивый.

Его волосы отливали красным золотом с платиновыми проблесками мерцающего света. Лицо – классическое совершенство мраморной скульптуры: правильное и бесстрастное. Глаза такого прекрасного синего цвета, что в них больно смотреть. Выражение лица задумчивое и возвышенное... Но тут он вдруг подмигнул, и оно стало озорным.

– Привет! – сдавленно прошептала Джиллиан.

– Привет, детка. Устала?

– Да. Я чувствую себя... выжатой.

– Ну, подреми, почему бы и нет. Мне есть куда пойти.

Джиллиан закрыла глаза. Куда он пойдет?

– Ангел... я никогда не спрашивала тебя. Какие они, Небеса? Я имею в виду, что с такими ангелами, как ты, они должны сильно отличаться от представлений большинства людей. Поляна, что я видела, – это же не Небеса, нет?

– Нет, это – не Небеса. Небеса – ну, это трудно объяснить. Это гармонизированное колебание пространства-времени... знаешь, то, что вы называете зоной турбулентности. Высочайшая вибрация всего сущего включает в себя гармонию...

– И ты этим занимаешься, да?

– М-да. В действительности все поддается классификации. Почему бы тебе не поспать? Глаза Джиллиан и без того слипались.

Она проснулась совершенно счастливой и потянула носом вкусный запах ужина. Но когда она спустилась вниз, дома была только мама.

– А папы нет дома?

– Нет, он звонил, дорогая, и просил тебе передать, что на некоторое время ему нужно уехать из города.

– Но он вернется на Рождество, правда?

– Уверена, он вернется.

Джиллиан больше ничего не спросила. Она молча жевала приготовленный мамой горячий гамбургер, отметив про себя, что мама не притронулась к еде. Потом она сидела одна на кухне и играла вилкой.

Ты в порядке?

Его голос принес облегчение.

Ангел, да, я в порядке. Я думаю... о том, как с мамой такое могло случиться. Раньше этого не было. Она работала учительницей в средней школе...

Я знаю.

Лет пять назад с ней что-то стало происходить. Она словно сошла с ума. Потом у нее появились видения... Я тогда ничего и не знала о пьянстве. Я думала, ей нравится вино на вкус... А потом папа начал находить повсюду пустые бутылки...

Я знаю.

Мне бы хотелось... чтобы все было иначе.

Пауза.

Ангел? Как ты думаешь, это возможно?

И еще одна пауза.

Затем он тихо сказал:

...я поработаю над этим, детка. Но... да, думаю, возможно.

Джиллиан закрыла глаза.

И через мгновение снова распахнула их.

Ангел, как мне тебя отблагодарить? То, что ты для меня делаешь... я даже не знаю, как сказать...

Неважно. И не вздумай плакать. Бодрое лицо дороже трех выигрышных облигаций. Кроме того, тебя к телефону.

К какому телефону?

Зазвонил телефон.

Вот к этому.

Джиллиан высморкалась и, чтобы убедиться, что голос у нее не дрожит, громко сказала: «Алло!», для пробы. Потом вздохнула и сняла трубку.

– Джиллиан?

Ее пальцы впились в телефон.

– Привет, Дэвид.

– Я только хотел узнать, все ли у тебя в порядке. Я не успел тебя спросить, когда... ты знаешь, сегодня днем.

– Я в порядке. Я сильная, ты же знаешь. – Джиллиан не нужен был Ангел, чтобы подобрать правильный ответ.

– Да. Таня иногда чересчур ревнива. После того как ты ушла, она... ну, не стоит об этом.

«Он не хочет говорить ничего плохого про Таню», – подумала Джиллиан и повторила:

– Я в порядке. – Она чувствовала душевную борьбу Дэвида.

Наконец его прорвало:

– Просто... Я не знал!

–Что?

– Я не знал, что она такая. Понимаешь, она же участвует в работе службы «Телефон доверия для подростков», и в центральном комитете по благотворительности, и в проекте «Бесплатные обеды», и... ну, я думал, она другая. Добрая.

Джиллиан мучили угрызения совести.

– Дэвид, по-моему, она как раз такая, как ты и думал. Она смелая. Когда окно...

– Перестань, Джиллиан. Это ты такая. Ты смелая, и смешная, и... слишком благородная, даже в ущерб себе. Ты хотела дать Тане еще один шанс. – Он перевел дыхание. – Но, понимаешь, у нас с ней все кончено. Я все сказал Тане. И теперь... – Его голос изменился. Он вдруг рассмеялся, вспомнив, зачем, собственно, позвонил: – Ты не будешь против поехать со мной на вечеринку в субботу?

Джиллиан тоже рассмеялась:

– Я не против. Совсем не против.

О, Ангел! Спасибо.

Она была очень счастлива.

Вся неделя была замечательной. Каждый день она одевалась по-новому, извлекая из комода что-нибудь неожиданное, броское и вызывающее. Каждый день приносил ей все большую популярность. Когда она входила в класс, на нее все оборачивались, старались поймать ее взгляд, приветственно махали ей руками. Во всех школьных коридорах ей то и дело кричали «привет!». Казалось, все хотели поговорить с ней и радовались, когда она о чем-нибудь их спрашивала. Это было похоже на взлет ракеты, которая уходит все выше и выше.

Ее покровитель и советчик всегда был радом. Ангел превратился в часть ее души, самую находчивую и остроумную часть. Он подсказывал шутки, сглаживал неловкие ситуации, советовал, с кем дружить, а кем пренебречь. Да и сама Джиллиан научилась вести себя в компании. Она чувствовала себя все увереннее, каждый день обнаруживая в себе новые способности, – становилась другим человеком.

Теперь она редко общалась с Эми. Но, в конце-то концов, у Эми же есть Юджин. А Джиллиан была так занята, что у нее даже на Дэвида времени не хватало.

В день, на который была назначена вечеринка, она с Амандой-Предводительницей и Штеффи-Певницей отправилась за покупками. Они смеялись, болтали о том о сем и находились по магазинам до одури. Джиллиан купила себе новое платье и сапоги с одобрения Ангела.

Когда вечером Дэвид заехал за ней, он даже присвистнул от восхищения.

– Как я выгляжу?

– Ты выглядишь... вызывающе и изысканно одновременно. Как тебе это удается?

Джиллиан улыбнулась.

У Мэкона – Денежного Мешка был роскошный дом по-настоящему богатых людей. Перед домом – парк с выстриженными фигурами северных оленей и газонами, вдоль которых мерцали лампочки. В доме – высокие потолки с подсветкой, восточные ковры, антикварный китайский фарфор и серебро. Джиллиан была ослеплена этим великолепием.

Мой первый настоящий бал! Я хочу сказать, моя первая Крутая Тусовка. И все это отчасти устроено для меня.

Твой первый настоящий бал, и все это только для тебя. Я подаю тебе весь мир на блюде, как устрицу. Возьми и открой ее.

Мэкон вышел ей навстречу. Остальные смотрели на них. Джиллиан задержалась в дверях для большего эффекта, понимая, что настало время для ее выхода на сцену, и наслаждалась моментом.

Ее до мелочей продуманный наряд лишь выглядел случайным. Черное платье-мини с мелким темно-красным узором, едва заметным на черном фоне. Мягкий креп обтягивал ее фигуру, как вторая кожа. Черные плотные колготки. И разумеется, высокие сапоги. Немного косметики: она решила, пусть лицо выглядит свежим и естественным. Подкрасила ресницы – чуть-чуть, – синий цвет ее глаз стал еще ярче.

Она была ошеломляющей... и хрупкой. И она прекрасно это знала.

Мэкон буквально пожирал ее глазами, и в его взгляде сквозила с трудом сдерживаемая страсть.

– Как дела? Неплохо выглядишь.

– У нас все хорошо, – ответила Джиллиан, беря Дэвида под руку.

Глаза Мэкона потемнели. Он уставился на пересечение рук Джиллиан и Дэвида так, словно это было для него оскорбительно.

Дэвид вернул ему совершенно бесстрастный взгляд, но в то же время в нем чувствовалась серьезная угроза.

Мэкон отступил на шаг и сухо сказал:

– Вот и отлично. Мои родители уехали на выходные, так что чувствуйте себя как дома. Здесь где-то было что пожевать.

«Что пожевать» было повсюду. Множество всяких вкусностей. В кабинете орала музыка, разносясь эхом по всему дому. Когда они вошли, Кори приветствовал их криком:

– Эй, ребята! Хватайте бокалы, они расходятся слишком быстро.

На прошлой неделе он сказал, что «осилит бочонок», а Джиллиан ослышалась и наивно подумала, что речь идет о печенье. Теперь она поняла, что речь шла о бочонке пива. Здесь пили все. И не только пиво. Вокруг стояли бутылки с виски и джином. Один парень лежал на столе, широко открыв рот, в который лилось спиртное из прямоугольной бутылки.

– Держи, Джилл, это тебе, – Кори протянул ей пивную кружку с обильной пеной, бегущей через край.

Но Джиллиан не воспользовалась его предложением. И здесь ей не нужна была подсказка Ангела.

– Спасибо, не надо. Так уж случилось, что я ценю свою голову. Если б и ты относился к собственному мозгу с большим уважением, то не провалил бы экзамен по биологии.

Все рассмеялись. Даже Кори, поморщившись, усмехнулся.

– Справедливо, – сказала Дэрил-Богачка, поднимая в честь Джиллиан бокал безалкогольного пива.

Дэвид тоже отмахнулся от Кори и взял кока-колу.

Никто больше не пытался давить на них, а парень на столе даже смутился. Джиллиан поняла: можно делать все, что угодно, если тебя считают крутой и если ты не отступаешь. Чувство успеха опьяняло сильнее вина.

Ангел, я правильно поступила? Да?

А?... да, замечательно. Казалось, Ангел о чем-то задумался. Хотя говорят, что «вино радует сердце»...

Ангел, перестань дурачиться. Ты ведешь себя как Кори! Джиллиан едва не рассмеялась вслух.

Все было замечательно. Музыка, огромный дом с пышными рождественскими украшениями. Компания. Девчонки то и дело обнимали Джиллиан и чмокали, будто они не виделись с ней целую вечность. Кое-кто из ребят тоже было рискнул, но ретировался под взглядом Дэвида. И это тоже было замечательно. Пусть все знают, что она пришла вместе с Дэвидом Блэкберном и что теперь он принадлежит ей. Ее статус поднялся выше крыши.

– Не хочешь осмотреть дом? – спросил Дэвид. – Я могу показать тебе верхний этаж, Мэкон разрешает.

Джиллиан взглянула на него:

– Тебе здесь скучно? Он усмехнулся:

– Нет, но я был бы не прочь остаться с тобой наедине на пару минут.

Они пошли наверх по длинной, покрытой ковром лестнице, по обеим сторонам которой на стенах висели картины. Комнаты на втором этаже были такими же красивыми, как и залы внизу: царственная роскошь вызывала благоговение. Это настроило Джиллиан на лирический лад. Музыка здесь была не такой громкой, а из-за обилия холодного мрамора вокруг она чувствовала себя как в музее.

Она смотрела в окно, в бархатную темноту с мерцающими огоньками.

– Знаешь, я рад, что ты не стала там пить, – тихо сказал Дэвид, стоя у нее за спиной.

Она обернулась, пытаясь прочесть его мысли по выражению лица.

– Но... ты был удивлен?

– Ну... ты иногда ведешь себя так по-взрослому... даже по-светски.

– Я? Я думала... это ты себя так ведешь. – «И именно это нравится тебе в девушках», – договорила она про себя.

Он отвернулся и рассмеялся:

– Ах да. Я же крутой! Дикий и неуправляемый. Мы с Таней обычно отрывались тут на славу. – Он пожал плечами. – Никакой я не крутой. Я всего лишь провинциальный парень, пробивающий себе дорогу в жизни. Я не ищу трудностей. И даже стараюсь избегать их, когда могу.

Джиллиан готова была рассмеяться в ответ на это заявление, но Дэвид был так серьезен, что она осеклась.

– Согласен, раньше я старался быть крутым, – помедлив, продолжал он, – и совершал поступки, которыми нельзя гордиться. Но, ты знаешь... я бы хотел измениться, если это возможно.

– Будто другая сторона твоей личности хочет проявить себя?

Он был поражен. Потом окинул ее взглядом с головы до ног.

– Да. Что-то в этом роде.

Джиллиан почувствовала неожиданное воодушевление.

– Я думаю, – сказала она медленно, собираясь с мыслями, – иногда людям нужно выразить все стороны своего «я». И только тогда они... становятся цельными.

– Да. Если это возможно, – с видимым сомнением проговорил он.

Джиллиан молча ждала продолжения. Она понимала: он хочет сказать ей что-то важное. У него была веская причина, чтобы привести ее сюда и поговорить с ней наедине.

– Есть что-то роковое... – проговорил он через минуту. – Я не чувствую себя чем-то целым. И правда в том... – В темноте комнаты Джиллиан был виден только его профиль. Дэвид наклонил голову, набрал в легкие побольше воздуха. – Ну да, это должно прозвучать даже глупее, чем я думал, но я все-таки скажу. Не могу не сказать.

Он повернулся к ней с решительным видом и... смутился.

– С того дня, когда я нашел тебя в снегу, у меня возникло чувство, что я не буду цельной личностью без... – Дэвид запнулся, – ...без тебя, – наконец выговорил он обреченно.

Ее сердце, казалось, выросло и заполонило собою весь мир. Джиллиан слышала, как его биение отдается эхом во всем ее теле.

– Я... – начала она.

– Я знаю. Я знаю, как это по-дурацки звучит. Извини.

– Нет, – прошептала Джиллиан. – Это не то, что я собиралась сказать.

Он уставился в окно. Потом повернулся к ней, и на его лице засветилась надежда.

– Я собиралась сказать, что я знаю.

Дэвид смотрел на нее так, словно боялся поверить собственным ушам.

– Правда?

– Мне кажется, что и я тоже...

Он придвинулся к ней совсем близко, она вскинула руки и невольно обняла его за шею. Странно, но Джиллиан тянуло к нему не только физически... ее душа стремилась к нему. Они принадлежали друг другу.

Дэвид обнял ее. Это было невероятно и в то же время абсолютно естественно. Глаза Джиллиан закрылись, и она прижалась головой к его плечу. Всего лишь простое объятие, но оно значило для них так много.

Новое чувство поразило ее. Ей казалось, что, если она вдруг заглянет в глаза Дэвида, весь мир преобразится...

Детка, – прозвучал в ее ухе тихий голос, – очень жаль, но придется мне прервать эту сцену. Тебе нужно срочно спуститься вниз, в комнату хозяйки дома.

Джиллиан почти ничего не услышала и не обратила внимания на его слова.

Джиллиан! Тебе действительно придется спуститься вниз. Там происходит нечто такое, о чем тебе следует знать.

Ангел?

Скажи ему, что вернешься через пару минут. Это очень важно!

Она не могла игнорировать его требование. Джиллиан шевельнулась.

– Дэвид, мне нужно уйти на секунду. Я скоро вернусь.

Дэвид кивнул:

– Конечно.

Джиллиан высвободилась из его рук, но она все еще ощущала его объятия.

«Ангел велел, значит, причина должна быть важной!» Выйдя на свет, она зажмурилась.

Спустись вниз и иди прямо до конца коридора. Там спальная комната родителей Мэкона. Войди в нее. Не включай свет.

Спальня была похожа на пещеру, темную, полную таинственных силуэтов, напоминающих спящих мамонтов. Джиллиан с ходу наскочила на угол тяжелой кровати.

Осторожнее! Видишь вон там полоску света?

В глубине комнаты сквозь щель под дверью пробивался свет. Дверь была закрыта.

И заперта. Там ванная. Теперь вот что ты сделаешь. Иди осторожно направо вдоль стены, там еще одна дверь. Я хочу, чтобы ты тихонечко открыла ее и вошла.

Что?!

Ангел терпеливо объяснил:

Зайди в кладовую и прижмись ухом к стене.

Джиллиан закрыла глаза. Затем на ощупь, как настоящий вор, она медленно повернула ручку двери и юркнула в темную комнату.

Это было очень просторное кладовое помещение, очень длинное и душное из-за одежды, развешанной по стенам. Джиллиан поняла, что она зашла слишком далеко, вторглась в чужой мир, нарушила частные владения. В этот момент Ангел остановил ее.

Так, хорошо. Это здесь. Приложи ухо к левой стене.

Джиллиан с закрытыми глазами – так ей было легче двигаться в абсолютной темноте – пролезла между каким-то длинным платьем в полиэтилене и чем-то тяжелым из бархата. Зарывшись со всех сторон в одежду, она прислонилась головой к стене, и ее ухо коснулось деревянной обшивки стены.

Ангел, я не могу поверить, что все это делаю. Я чувствую себя на редкость глупо. Я боюсь... вдруг кто-нибудь обнаружит меня здесь?..

Ты будешь слушать, наконец?!

Сначала удары ее собственного сердца заглушали все остальные звуки. Но потом она услышала два голоса, тихие, но отчетливые, и узнала их.

Глава 10

– Но только если клянешься, что не делала этого. – Ну сколько раз можно клясться? Я же тебе всю неделю твержу, что это не я! Я ни слова никому не сказала. Клянусь.

Первый голос, натянутый и раздраженный, был Танин. Второй принадлежал Гимнастке Ким. Несмотря на уверенный тон, Ким казалась испуганной.

Ангел? Что происходит?

Беда.

– Хорошо, – продолжала Таня, – я даю тебе шанс доказать это – ты поможешь мне.

– Тань, знаешь, мне очень жаль, что ты рассталась с Дэвидом. Но может быть, она не виновата...

– Виновата. Интрижка с Брюсом давно закончилась. Ты же знаешь. Дэвид просто не мог узнать об этом до тех пор, пока она не открыла свой рот. А что касается того, как она узнала...

– Только не начинай все сначала! – Голос Ким зазвучал плаксиво. – Я не говорила ей.

– Хорошо, я тебе поверю. – Таня заговорила спокойнее. – В таком случае у нас нет повода ссориться. Мы должны держаться друг друга. Дай-ка мне щетку для волос. – На мгновение наступила тишина. Джиллиан представила себе, как Таня расчесывает свои темные волосы, приводя их в идеальный порядок, и с довольным видом смотрит в зеркало.

– Ну и что мы собираемся сделать? – спросила Ким.

– Избавиться от них обоих. Его я ненавижу даже больше. Я обещала, что он пожалеет, если бросит меня, а я всегда выполняю свои обещания.

Зажатая между висящей справа и слева тяжелой одеждой, Джиллиан почувствовала, как к горлу подкатывает предательский безудержный смех.

Она догадалась, что будет дальше. Все это настолько напомнило ей ситуацию из мыльной оперы, что она с трудом убедила себя в реальности происходящего. Вот она стоит, слушая разговор двух девиц, которые самым натуральным образом готовят против нее заговор. Она подслушивала их план будущей с ней расправы. Абсурд! Сюжет для плохого детективного романа. Не может быть, чтобы это происходило наяву.

Она сделала слабую попытку вернуться к реальности и слегка выпрямилась.

Ангел, на самом деле люди не вынашивают планов мщения? Правда? Они просто болтают. Я не могу верить в то, что слышу своими ушами... Это так... нелепо...

Ты «слышишь своими ушами» только потому, что это я позвал тебя сюда. У тебя есть невидимый друг, который приводит тебя в нужное место в нужное время. И тебе бы лучше поверить, что люди «вынашивают планы мщения». А Таня привыкла воплощать в жизнь все свои планы.

«Будущий управляющий», – мелькнуло в голове Джиллиан.

Будущий советник по экономике. Она предельно серьезна, детка. И она умна. Она сумеет осуществить свой план.

У Джиллиан пропало желание хихикать.

Когда она опять прикинула ухом к стене, стало ясно, что она упустила часть разговора.

– ...сначала Дэвида? – спрашивала Гимнастка Ким.

– Да, потому что я знаю, как с ним расправиться. Тебе известно, что он хочет поступать в Университет в Огайо? Он выслал туда документы еще в октябре. Для него это будет не так-то легко, его отметки оставляют желать лучшего. Правда, он получил высокие баллы за работу по английской литературе. Но поступить ему все равно будет нелегко, а я собираюсь сделать это... – Таня помедлила и проговорила самым сладким голосом, – ...абсолютно невозможным.

– Как? – Ким была поражена.

– Я напишу в Университет. И директору школы, и мисс Ренквист, учительнице по английской литературе, и отцу Дэвида, который платит за колледж.

– Что ты напишешь? Если ты напишешь какую-нибудь гадость, они подумают, что это просто сплетни...

– Я расскажу им, как ему удалось так хорошо написать сочинение по английской литературе в прошлом году. Тогда мы все должны были сдать свои работы в установленный срок. Но Дэвид-то ничего не писал. Он купил выполненное задание по английской литературе у

одного парня из Филадельфии, отличника.

Ким ахнула, и Джиллиан услышала, как шумно она задышала от волнения.

– Как ты узнала?

– Это я все сама и организовала. Я хотела, чтобы он подтянулся по учебе, смог поступить в Университет и добиться солидного положения. Только он никогда не сможет доказать, что я принимала в этом участие. Платил-то он.

Наступило молчание. Потом Ким произнесла с деланной легкостью в голосе:

– Но, Таня, ты же разрушишь всю его жизнь...

– Я знаю. – Голос Тани прозвучал спокойно и удовлетворенно.

– Но... хорошо, а что я должна делать?

– Будь наготове – надо распустить слухи. Уж в этом-то тебе нет равных. А я к понедельнику напишу письма. И тогда, в понедельник, ты начнешь нашептывать понемногу... Я хочу, чтобы все знали! Он у меня наестся досыта! – Таня смеялась.

– Хорошо. Конечно. Считай, что дело сделано. – Ким была явно напугана. – А теперь я лучше пойду. Можно щетку на минуточку?

– Держи! Ким, ты должна помочь мне уничтожить и Джиллиан тоже. Я расскажу потом, что придумала для нее.

– Конечно, – ответила Ким едва слышно. Через несколько секунд скрипнула дверь и все стихло.

Джиллиан застыла в пыльной кладовой.

Ей стало плохо. Как будто она наткнулась на нечто отвратительное, мерзкое и грязное. Таня была сумасшедшей... и порочной. Джиллиан только что заглянула в сознание, искореженное ненавистью. К тому же она изобретательна. Ангел предупреждал об этом.

Ангел, что мне делать? Неужели она действительно сделает это? Она собирается уничтожить его. И я никак не смогу ей противостоять.

Ну, кое-что можно сделать.

И никакие доводы разума здесь не помогут. Я знаю, ее ничем не остановишь. Никто не сможет уговорить ее отказаться от мести. А угрозы не приведут ни к чему хорошему...

Я же сказал, есть кое-что, что ты можешь сделать.

Джиллиан пришла в себя:

Что?

Это сложно. И... дело в том, что, возможно, ты не захочешь этого делать, детка.

Я все сделаю для Дэвида. – Джиллиан ответила мгновенно и без колебаний. Удивительно, но есть вещи, в которых ты полностью уверен.

Что же, только сохрани свою решимость. Я все тебе объясню. Когда мы вернемся домой... Кстати, нам надо вернуться быстро. Но сначала я хочу, чтобы ты кое-что взяла из ванной комнаты.

Джиллиан чувствовала себя спокойной и собранной, как молодой солдат на первом задании в тылу врага. У Ангела была идея! А до тех пор, пока она следует его советам, все должно идти хорошо.

Она вошла в ванную и, не задавая вопросов, в точности выполнила инструкции Ангела. Потом она вернулась к Дэвиду и попросила отвезти ее с вечеринки домой.

– Я готова. Говори, что надо делать.

Джиллиан в пижаме с маленькими мишками сидела на кровати. Было уже за полночь, в доме тихо и темно, за исключением горящего у нее на столике ночника.

– Знаешь, я тоже думаю, ты готова, – нарушил тишину комнаты тихий, задумчивый голос. В воздухе в двух футах от кровати начал сгущаться свет.

Потом явился и сам Ангел, сидящий в позе лотоса, руки его лежали на коленях. Сохраняя эту позу, он завис в воздухе примерно на уровне кровати Джиллиан. Ангел смотрел на нее изучающе. Какое у него открытое прекрасное лицо, а вокруг бледный, переливающийся свет, похожий на северное сияние.

И как всегда, при первом взгляде на него Джиллиан пережила физический шок. Настолько он совершенный, неземной, не похожий ни на кого другого.

На сей раз взгляд его казался напряженным и озабоченным – таким она Ангела еще не видела.

Это ее пугало, но она отбросила все страхи: надо думать только о Дэвиде. О Дэвиде, который так доверчиво отвез ее домой час назад, когда ей якобы «вдруг стало плохо», и который понятия не имел о том, что поджидало его в понедельник.

– Ангел, скажи, что я должна делать?

Джиллиан внутренне собралась. Она понятия не имела, что могло бы остановить Таню, но в любом случае ей придется сделать что-то малоприятное и вряд ли легальное. Неважно. Она готова на все.

Слова Ангела обескуражили ее.

– Ты знаешь, что ты особенная?

– Что?

– Ты всегда была особенной. И в глубине сознания ты всегда понимала это.

Джиллиан не знала, что и сказать. Это прозвучало так обыденно, но это было правдой. Она была особенной. Она побывала на том свете и вернулась обратно с Ангелом. Разумеется, такое происходит только с особенными людьми. А ее нынешняя популярность в школе! Все были уверены, что она особенная. Но внутренняя уверенность в том, что она не такая, как все, появилась давно, еще в детстве. Ей представлялось, что все чувствуют нечто подобное: мол, я не такой, как все: может быть, лучше, может быть, хуже, но уж во всяком случае – я особенный.

– На самом деле все так думают, – произнесла Джиллиан и содрогнулась от ощущения, что ее мысли не были больше ее полной собственностью.

– Однако, – продолжал Ангел, – в том, что касается тебя, – это правда. Скажи, ты что-нибудь знаешь о своей прабабушке Элспет?

– Что? – Джиллиан растерялась. – Она – весьма пожилая дама... Живет в Англии и всегда присылает мне подарки на Рождество...

Она смутно припомнила фотографию женщины с седыми волосами, в очках в серебряной оправе, в твидовой юбке и в домашних туфлях, которая держала на руках китайского мопса в красной попонке.

– Ну что ж, слушай: она выросла в Англии, хотя и родилась в Америке. Ей был всего год, когда ее забрали от старшей сестры Эдит, которая заботилась о ней. Это случилось во время Первой мировой войны. Маленькую девочку как сироту отдали одной английской паре на воспитание.

– Действительно? Как интересно. – Джиллиан не только недоумевала, она была возмущена болтовней Ангела. – Но при чем тут...

– При том, что все это касается Дэвида. Твоя прабабушка росла не вместе с сестрой и не в собственной семье. Иначе она бы знала свое предназначение. Она бы знала...

– Ну!

– ...что родилась колдуньей.

Наступило долгое-долгое молчание. Джиллиан несколько раз пыталась заговорить, но слова почему-то застревали у нее в горле.

Оправившись от неожиданной новости, она уже была готова расхохотаться: «Это же смешно! Ее прабабушка в домашних туфлях – и вдруг колдунья! Кроме того, колдунов вообще не существует. Все это сказки...»

– ...такие же, как и про ангелов...

– Ангел... – сдавленно выговорила Джиллиан. Она отказывалась верить. Привычные законы вдруг перестали действовать.

Ангелы-то явно существовали. Она вот сейчас смотрит на одного из них. А он, не имея под собой никакой опоры, парит себе в воздухе на расстоянии двух с половиной футов от пола. И он может слышать ее мысли, и исчезать, и вдруг появляться – и он вполне реален. А если ангелы реальны...

Чудеса случаются. Она видела такую надпись где-то на афише. Она зажала рот обеими руками. У нее внутри что-то бурлило – то ли крик, то ли смех.

– Моя прабабушка – колдунья?

– Ну, не совсем. Она стала бы колдуньей, если бы знала, из какой она семьи. У нее был

ключ. Ты должна знать. В жилах твоей прабабушки текла колдовская кровь... и у твоей мамы... и у тебя. Теперь ты знаешь.

Последние слова он произнес очень мягко, очень осторожно. Словно Ангел аккуратно раскладывал по своим местам отдельные части головоломки.

У Джиллиан пропало настроение смеяться. У нее закружилась голова, как если бы она вдруг очутилась на краю обрыва и заглянула в пропасть.

– Я... у меня тоже колдовская кровь?

– Не бойся называть вещи своими именами: ты колдунья.

– Ангел, пожалуйста... – Сердце Джиллиан забилося тяжелыми медленными ударами. – Я не очень понимаю... и... да нет, я не...

– Не колдунья? Ты просто ничего еще не умеешь. Но факт остается фактом, детка, ты уже демонстрируешь свою силу. Помнишь, как разбилось зеркало в ванной?

– Я...

– И окно в столовой? Ты спросила, не я ли разбиваю стекла. Нет, не я. Это ты. Ты разозлилась и дала выход энергии... но ты не осознавала этого.

– О боже! – прошептала Джиллиан.

– Страшная вещь – колдовская сила, особенно когда не знаешь, как ею управлять. Она может вызывать ужасные разрушения. И вокруг, и внутри тебя. Ох, детка, разве ты не понимаешь? Посмотри, что случилось с твоей мамой.

– Что – с моей мамой?

– Она... колдунья. Потерянная колдунья, как и ты. У нее есть сила, но она не умеет управлять ею, не понимает и боится ее. Когда у нее начались видения...

– Видения?! – Джиллиан выпрямилась. В голове словно все прояснилось, объясняя события последних пяти лет.

Ангел смотрел на нее пристально и неумолимо.

– Да, галлюцинации начались перед тем, как она стала спиваться, а не после. Это были образы того, что должно случиться, или могло случиться, или происходило много-много лет назад. Но она, конечно, ничего не понимала.

– О господи! – Джиллиан напряглась, по коже побежали мурашки. На глаза навернулись слезы – не от горя, а... от прозрения. – Так вот оно что! О господи, мы должны помочь ей. Мы должны сказать ей...

– Согласен. Но сначала тебе надо успокоиться. Это не совсем подходящая новость, чтобы стремглав броситься с ней к маме, не подготовив ее предварительно. Ты так больше навредишь, чем поможешь. Мы должны все продумать.

– Да-да. Конечно, ты прав. – Джиллиан зажмурилась, стараясь поскорее справиться с волнением и подумать.

– Сейчас состояние твоей мамы стабильно. Она несколько подавлена, но спокойна. Она может подождать. А вот Таня – нет.

– Таня? – Джиллиан почти забыла изначальный предмет разговора. – Ах да. Таня... Таня. – «И Дэвид!» – добавила она про себя.

– Теперь, когда ты знаешь, кто ты, можно кое-что сделать, что остановит Таню.

– Хорошо. – Джиллиан облизнула губы. – Ты думаешь, папа вернется, если мама сумеет поправиться?

– Я думаю, это вполне вероятно. Но послушай! Чтобы помешать Тане...

В душе Джиллиан шевельнулось беспокойство.

– Ангел, я думаю... разве колдуны не плохие! Разве ты не должен осуждать их?

Ангел уронил на руки свою златовласую голову.

– Если бы я думал, что это плохо, разве я сидел бы здесь и помогал тебе?

Джиллиан чуть не рассмеялась. Уж очень нелепое сочетание – сияние вокруг него и слова, брошенные сквозь зубы.

Затем неожиданная мысль поразила ее. И она спросила с сомнением в голосе:

– Ты пришел сюда, чтобы учить меня этому? Он поднял голову и пронзил ее взглядом своих неземных глаз.

– А ты как думаешь?

Джиллиан решила, что мир не совсем такой, каким кажется. И тем более ангелы.

На следующее утро она долго рассматривала себя в зеркало. И вообще она стала чаще смотреться в зеркало после того, как Ангел впервые пришел к ней и заставил отрезать волосы. Ей нравилось любоваться своей новой внешностью и не терпелось узнать, как выглядит Джиллиан-колдунья.

Во внешности будто бы не появилось ничего особенного. Но она-то знала, что должна увидеть то, чего раньше не замечала. В глубине глаз таилась древняя мудрость. Черты лица приобрели мистический характер. Она чувствовала себя персонажем волшебной сказки.

– Хватит любоваться, нам пора за покупками, – сказал Ангел, формируясь из света у нее за спиной.

– Резонно, – согласилась Джиллиан и наморщила нос.

Она взяла внизу ключи от маминого пикапа и выскочила на улицу. Воздух был свежим и холодным, выпавший за ночь снег сверкал и искрился на солнце. Пьянящий воздух наполнил легкие Джиллиан.

Я чувствую себя стопроцентной колдуньей. – Она дала задний ход. – Итак, куда мы сейчас поедem? В Хьютон?

Нет. Там нет того, что нам надо. Мы поедem в Вудбридж. На север!

Джиллиан постаралась вспомнить Вудбридж. Это был маленький городишко, и она там никогда не была.

Нам надо ехать в Вудбридж, чтобы разобраться с Таней?

Ты рули, рули, Стрекоза.

Главная улица Вудбриджа вела к городской площади, вокруг которой стояли десятки украшенных деревьев. Лавки тоже были расцвечены рождественскими гирляндами лампочек. Площадь напоминала картинку с новогодней открытки.

О' кей! Припаркуйся здесь.

Джиллиан последовала указаниям Ангела и оказалась рядом с домом 5/10. Это была деревянная лавка, в которой, как в старые времена, продавалась всякая всячина. Время будто повернулось вспять на 50 лет назад. В магазинчике по обеим сторонам тесных проходов развешаны полки, заставленные корзинами с товаром. Пахло затхлостью.

Джиллиан мечтательно уставилась на кувшин с дешевыми леденцами.

Иди по проходу в самый конец. Открой дверь и войди в заднюю комнату.

Джиллиан толкнула шаткую дверь и с опаской заглянула в комнату. Но там оказался просто другой отдел магазина. Здесь пахло и того хуже: не то кухней, не то аптекой. Тусклый свет едва освещал помещение.

– Эй! Есть здесь кто-нибудь? – позвала Джиллиан, послушавшись Ангела, который поторапливал ее. И заметила движение за прилавком.

Там сидела девушка. На вид ей было лет девятнадцать. Темные каштановые волосы, необычная внешность. То есть лицо само по себе – обычное лицо деревенской девушки, но вот взгляд необыкновенно живой и напряженный.

– Вы не возражаете, если я осмотрюсь тут? – произнесла Джиллиан вслух слова Ангела.

– Пожалуйста. Проходите, – сказала девушка. – Я Мелусин.

С открытым любопытством она дружелюбно наблюдала, как Джиллиан слонялась вдоль полок, делая вид, будто знает, что ищет. Все, что она видела, было странным и незнакомым: какие-то камни, нечто, похожее на траву, и разноцветные свечи.

Это не здесь, – то и дело звучал голос Ангела. – Надо спросить ее.

– Извините, – тут же обратилась Джиллиан к девушке, подойдя к ней поближе, – у вас есть Кровь Дракона? Активированная?

Мелусин переменилась в лице. Она бросила на Джиллиан пронизывающий взгляд и сказала:

– Я никогда ни о чем таком и не слышала. Странно, а почему вы спрашиваете?

Джиллиан вздрогнула. У нее неожиданно возникло отчетливое чувство, что она в опасности.

Глава 11

Голос Ангела прозвучал натянуто, но спокойно. Возьми ручку с прилавка. Вон та, черная, подойдет. Теперь приступим. Расслабься и позволь мне двигать ею.

Джиллиан не мешала ручке двигаться. Это был процесс, который она не смогла бы описать словами, даже если бы и попыталась. Зачарованная ужасом, она наблюдала за ручкой: ее собственная рука непроизвольно рисовала на чеке.

Поверх цифр и строчек возникал рисунок. К сожалению, в ручке не оказалось чернил, и можно было различить только бледные вдавленные линии.

Покажи ей чек под копиркой.

Джиллиан оторвала верхний листочек. Под ним на копии проявился ее рисунок. Он выглядел как темный цветок. Георгин! И был сильно заштрихован – черный георгин.

Ангел, что это?

Пароль. Если ты не предъявишь его, она не продаст тебе то, что нам нужно.

Выражение лица Мелусин снова изменилось. Она была явно удивлена.

– Единство! – поприветствовала она Джиллиан. – Я заинтересовалась тобой, как только ты вошла. У тебя такой вид... но я никогда не видела тебя здесь раньше. Ты недавно приехала?

Скажи: «Единство». Они так здороваются. И скажи, что ты проездом.

Ангел, она колдунья? А здесь есть и другие колдуны? И как получается, что мне приходится врать?..

Быстрее, она тебя заподозрит!

Девушка смотрела на Джиллиан довольно странно, будто пыталась перехватить их немой разговор. Это испугало Джиллиан.

– Единство! Я здесь проездом, – сказала она поспешно и добавила, озвучивая шепот Ангела: – И мне нужна Кровь Дракона и... м-м... две восковые фигурки. Женские. Нет ли у вас также насыщенной Селкетской пудры?

Мелусин слегка отпрянула.

– Ты принадлежишь к Полночному Кругу? – спросила она утвердительно.

Что? Что это за Полночный Круг? И почему я ей больше не нравлюсь?

Это своего рода Ассоциация колдунов. Клуб. Там иногда произносят заклинания, одно из которых тебе понадобится сейчас.

Ага. Наводят порчу, ты хочешь сказать.

Я хочу сказать – сильные заклинания. И в твоем случае – необходимые.

Мелусин передвинулась за прилавком вместе со стулом. Почему она не встала? Но когда Мелусин доехала до края прилавка, Джиллиан все поняла.

Стул оказался инвалидным креслом: у Мелусин не было правой ноги до колена.

Правда, казалось, что отсутствие ноги совсем ей не мешает. Через мгновение она уже подъехала обратно с парой пакетов и коробкой на коленях. Она поставила коробку на прилавок и достала из нее двух кукол из розового воска. В одном из пакетов были похожие на темно-красный мел камушки, в другом – зеленая пудра, переливающаяся, как перья павлина.

Не скрывая своей неприязни, Мелусин даже не удостоила Джиллиан взгляда, когда та расплачивалась.

– Единство! – холодно сказала Джиллиан, убирая кошелек и собирая с прилавка покупки. Раз уж они говорят это вместо приветствия, то можно сказать то же самое и на прощание.

Темные глаза Мелусин вспыхнули, она взглянула на Джиллиан пристально и насмешливо. Потом медленно произнесла:

– Счастливо... и до новых встреч.

Слова прозвучали почти как приглашение.

Ой! Я промахнулась.

Просто скажи «счастливо» и уходи отсюда, детка.

На улице Джиллиан по-новому увидела городскую площадь.

Ведьмы Вудбриджа. Похоже, они здесь повсюду. Им принадлежит и молочный магазин, и лавка скобяных изделий, да?

Ты гораздо ближе к истине, чем полагаешь. Но у нас нет времени озираться по сторонам.

Пора произнести заклинания.

Джиллиан бросила прощальный взгляд на тихую площадь, по краям которой были высажены деревья. Задумчиво держа в руках пакеты с покупками, она кивнула собственным мыслям и направилась к машине.

Заперевшись в спальне на ключ, она уселась на середину кровати и разложила свои покупки. Два полиэтиленовых пакета с камушками и пудрой, куклы и волосы, которые она сняла с расчески прошлой ночью в ванной у Мэкона.

Два-три выходящих волоска солнечно-желтого цвета. Три-четыре длинных черных блестящих волоса.

– И тебе не нужно объяснять мне, для чего они, – сказала она в воздух. – Пришло время шаманить, да?

Догадливая девочка! – Ангел мерцал, превращаясь в видимое существо. – Волосы нужны, чтобы персонифицировать куклы, связать их магически с их человеческими двойниками. Тебе нужно обвязать волосок вокруг каждой куклы и назвать их имена вслух. Назови одну куклу – Таня, вторую – Кимберли.

Джиллиан не шелохнулась.

– Ангел, видишь ли... когда я брала эти волоски, я и представления не имела, зачем я это делаю. Но когда я увидела эти маленькие восковые фигурки... ну, тогда я поняла. И то, как Мелусин посмотрела на меня...

– Она не знает, против кого ты. Забуди ее.

– Я просто хочу назвать вещи своими именами, хорошо? – Она крепко сцепила руки на коленях и посмотрела на него в упор. – Я никогда не хотела причинять людям зло... ну ладно... иногда хотела. Иногда ночью я представляла себе, как нога великана наступает на учителя по геометрии. Но я же не хотела раздавить его на самом деле.

– А кто говорит, что ты собираешься причинить зло? – терпеливо возразил Ангел. – Эти вещи могут быть использованы для чего угодно. Стрекоза, они просто вспомогательный материал для твоей природной колдовской силы. С их помощью ты только фокусируешь силу, направляя ее на практическую цель. Но что в действительности случится с Таней и Ким, зависит только от тебя. Тебе нужно лишь остановить их.

– Мне необходимо удержать их от того, что они задумали! – Сознание Джиллиан уже было направлено к действию. – Таня планирует написать клеветные письма. А Ким распустиť сплетни...

– Итак, что, если Таня не сможет писать? И если Ким не сможет говорить? Это будет своего рода... романтической справедливостью. – Лицо Ангела было мрачным, но глаза озорно сверкали.

Джиллиан прикусила губу:

– Я думаю, Ким умрет, если не дать ей поболтать!

– О, держу пари, она выживет! – И оба они рассмеялись. – Что, если у нее вдруг начнется сильная ангина?.. А у Тани парализует руку?.. Джиллиан посерьезнела:

– Только не паралич!

– Я имею в виду – временно. Нет? Даже на время? Хорошо, что же еще может помешать ей печатать или держать ручку? А что, если сильная сыпь?

– Сыпь?

– Конечно. Инфекционная! Да такая, что ей придется забинтовать руку и она не сможет шевелить пальцами. Это остановит ее на время, пока мы не придумаем еще что-нибудь.

– Сыпь... да, это могло бы сработать. Это было бы неплохо. – Джиллиан вздохнула и осмотрела колдовские принадлежности. – Хорошо, скажи мне, как это делается.

И Ангел посвятил ее в странную процедуру. Обвязав кукол волосами и громко произнеся их имена, она натерла фигурки крошками Крови Дракона – меловой пылью темно-красного цвета. Затем намазала руку одной и горло другой люминесцентно-зеленой Селкетской пудрой.

– А теперь заклинания должны обрести силу слов Гекаты. Повторяй: это – не я, кто произносит их, это – не я, кто повторяет их. Это – Геката произносит их, это – Геката повторяет их.

Черт возьми, кто такая Геката? – Она обратилась к Ангелу телепатически, побоявшись,

что слова нарушат заклинания.

Тише! Сосредоточься. Возьми куклу Тани и думай: стрептококковая пиодермия. Эти бактерии должны вызвать у нее сыпь. Представь себе это мысленно. Постарайся увидеть в воображении сыпь на руке у Тани.

Процесс доставлял некоторое чувство удовлетворения. Джиллиан не смогла бы отрицать это даже самой себе. Она вообразила изящную, с гладкой оливковой кожей, правую руку Тани. Вот она собирается подписать письмо, предназначенное для того, чтобы испортить будущее Дэвида. Потом Джиллиан представила себе, как появляются зудящие красные волдыри и Таня расчесывает их другой рукой. Краснота разливается по всей коже. Зуд усиливается. И Таня опять расчесывает сыпь...

Ух ты! Да это весьма занятно!

Затем она занялась куклой Ким. Покончив с заклинанием, Джиллиан положила обеих кукол в коробку из-под обуви и пихнула ее под кровать.

Она поднялась, покрасневшая и торжествующая.

– И все? У меня получилось?

– У тебя получилось. Теперь ты настоящая колдунья. Кстати, Геката – богиня чародейства, древнейшая королева колдунов. А к тебе она относится особенно благосклонно. Ведь ты – потомок ее дочери Элвайзы по прямой линии.

– Я? – Джиллиан подтянулась. Ей казалось, что колдовская сила разливается по всему телу, как сверкающая энергия. Будь у нее точка опоры, она бы перевернула мир. В этот момент вокруг нее непременно должна была распространиться аура. «Ах, неужели?»

– Твоя прабабушка Элспет одна из Харман – Хранительниц Очага. Эта ветвь идет от Элвайзы. Эдит, старшая сестра прабабушки, стала Старшей Ведьмой – предводительницей всех современных ведьм и колдунов.

И как это только Джиллиан могла думать, что она обыкновенная, даже меньше чем обыкновенная?! Нет, с такими фактами не поспоришь. Она принадлежала к древней колдовской династии. Она – часть древнейшей традиции. Она особенная.

Она могущественная!

Вечером позвонил отец. Он интересовался, все ли у нее в порядке, и сказал, что любит ее.

Джиллиан спросила, приедет ли он на Рождество.

«Конечно, я буду дома. Я люблю тебя», – ответил отец.

Но, повесив трубку, она не чувствовала себя счастливой.

Ангел! Может быть, есть заклинание, которым я могу ему помочь?

Я подумаю об этом.

На следующее утро она бодро вошла в школу и поискала глазами кого-нибудь, с кем можно поболтать. Заметила стриженую голову Дж. З. Модели и приветственно помахала ей рукой.

– Что нового, Дж.З.?

Дж. З. лениво подняла на нее свои зелено-голубые глаза с поволокой и подошла.

– Ты слышала про Таню?

У Джиллиан слегка екнуло сердце.

– Нет!

Она и правда не слышала.

– У нее ужасная сыпь – какая-то инфекция или еще что-то. Как ожог крапивы. Это сводит ее с ума.

Дж. З. говорила с равнодушным, отсутствующим видом, как обычно растягивая слова. И все л Джиллиан уловила блеск злорадства в ее ничего не выражающих глазах.

Она пронзила Дж. З. острым взглядом.

– Ну, это очень плохо.

– Разумеется, – промурлыкала Дж. З., и улыбка скользнула по ее губам.

– А больше никто не заболел? – поинтересовалась Джиллиан, надеясь услышать что-нибудь о Ким.

Но Дж. З. только сказала:

– По крайней мере, Дэвид не заразился, – и лениво удалилась.

Ангел, эта девочка не любит Таню.

Многие не любят Таню.

Странно. Я думала, быть популярным означает, что все тебя любят. Теперь я думаю, популярность – это, скорее, когда тебя боятся не любить.

Правильно. Но пусть себе ненавидят тебя до тех пор, пока они тебя боятся. Видишь, ты для всех сделала полезное дело, убрав Таню.

На уроке биологии Джиллиан узнала, что Ким тоже не пришла в школу и отменила занятия гимнастикой. У нее заболело горло, да так сильно, что она даже не может говорить. Никто, впрочем, и о ней сильно не сокрушался.

Быть популярной означает, что все радуются, когда с тобой случается что-нибудь плохое.

Детка, это волчий мир. – Ангел усмехнулся.

Джиллиан улыбнулась ему в ответ.

Зато она сумела защитить Дэвида. Это замечательно! Она может защитить его, позаботиться о нем. Хотя вовсе не одобряла его действий: купить контрольную работу и выдать ее за свою.

Наверное, он и сам жалеет об этом. Он же говорил, что совершал поступки, которыми не может гордиться. Может быть, он мог бы все исправить. Написать другую работу, сдать ее и все объяснить мисс Ренквист. Как ты думаешь, Ангел?

А? Что? Ну да, да... Отличная идея.

Сожалеть – недостаточно, ты же знаешь. Надо что-нибудь сделать. Ангел! Ангел?!

Я здесь. Просто я думаю о твоём следующем уроке. О твоей силе и о многом другом. А ты знаешь, что есть заклинание на деньги?

Правда? Это действительно интересно. То есть меня не интересуют деньги ради денег. Но мне бы так хотелось машину...

Вечером Джиллиан лежала в кровати, зарывшись головой в подушки и свернувшись калачиком под одеялом, и размышляла о том, какая она счастливая.

Ангел, видимо, куда-то ушел ненадолго. Она не видела и не слышала его. Но думала она именно об Ангеле.

Он так много дал ей. А главное – это он сам! Иногда он казался ей величайшим из всех даров. Разве не бывает так, что у девушки сразу два классных парня, и она честна с ними обоими, и никого не заставляет ревновать? Разве не бывает, что любишь сразу обоих, не совершая ничего предосудительного?

Она думала об Ангеле как о своей величайшей любви. Он больше не был для нее пятном света или пугающе прекрасным видением с пламенным голосом. Он стал почти обычным парнем, только красивым до невозможности, невероятно остроумным и сверхъестественным. Узнав, что и сама она обладает сверхъестественной силой, Джиллиан решила, что он для нее вполне достижим.

Он абсолютно понимал ее. Никто никогда не знал и не мог бы узнать ее так, как Ангел. Он знал все ее заветные секреты, самые потаенные страхи – и все равно любил ее. Его любовь становилась очевидной каждый раз, когда он заговаривал с ней, каждый раз, когда он появлялся и смотрел на нее сверкающими глазами.

Я влюблена и в него тоже! Джиллиан это несколько не беспокоило. Это же совсем не то, что любить Дэвида. В какой-то мере это чувство было даже сильнее, потому что никто не смог бы стать ей ближе, чем Ангел, но их близость не была физической. Она сливалась с Ангелом на духовном уровне, недостижимом для обычных людей. Их отношения находились вне обыденного мира. Они были уникальны.

– Привяжи моего кенгуру, коллега! – Луч света появился в углу за кроватью.

– Где ты был? В Австралии?

– Навещал Таню и Гимнастку Ким. Рука у Тани забинтована от плеча до самых пальцев, и она уже не собирается ничего писать. Ким сосет лекарство и стонет. Беззвучно.

– Прекрасно!

Джиллиан торжествовала, что, конечно, было нехорошо – ей бы не следовало радоваться

чужой боли. Но она не смогла скрыть от Ангела свою радость, да и девчонки это заслужили. Они очень пожалеют, что связались с Джиллиан Леннокс.

– Однако нам придется придумать, как решить проблему раз и навсегда, – сказала она. – И еще, как наладить отношения моих родителей.

– Я уже работаю над этим. Ангел откровенно разглядывал ее.

– Что-то не так?

– Нет. Просто люблюсь тобой. Сегодня ты выглядишь особенно красивой, что звучит абсурдно, конечно, учитывая, что на тебе фланелевая пижама с мишками.

У Джиллиан сладко забилося сердце. Она посмотрела на пижаму.

– Эта с котятами. Но пижама с мишками – моя любимая.

Она снова взглянула на него и озорно улыбнулась.

– Спорим, я смогу ввести в школе моду на пижамы с мишками. Можно сделать все, что угодно, – хватило бы решимости.

– Да, ты сможешь все, что угодно, уж это точно. Сладких сновидений, красавица.

– Глупый. Перестань.

Джиллиан махнула на него рукой. Однако ее щеки все еще пылали от смущения, когда она улеглась под одеяло и закрыла глаза. Она получила массу комплиментов и была совершенно счастлива. И красива. И могущественна. И исключительна.

– Ты слышала про Таню? – спросила ее Аманда-Предводительница на следующий день, когда они во время перерыва на обед забежали в комнату для девочек.

Джиллиан смотрелась в зеркало. Она притронулась к волосам расческой... отлично. Может быть, чуть подкрасить губы? Сегодня она выглядела очаровательно. Подведенные гипнотические глаза и четкие смеющиеся красные губы. Или лучше нарисовать не «смеющиеся», а «надутые» губы? Она испробовала обиженную гримаску и обронила равнодушно:

– Старые новости.

– Нет, у меня есть и новые. У Тани начались осложнения.

Джиллиан перестала экспериментировать с губами:

– Какие осложнения?

– Я не знаю. Температура, я думаю. И вся рука стала бордовой.

Как – бордовой? Ангел!

Ну, я бы сказал, скорее, розово-лиловой. Расслабься, детка. Температура – естественная реакция организма на инфекционную сыпь. Как на ожог крапивой.

Но...

Посмотри на Аманду. Она не слишком расстроена.

Возможно, она знает, что Таня путалась с ее парнем. Или у нее есть какая-то другая причина ее недолюбливать. Но я-то не собиралась действительно вредить Тане.

Разве? А по-честному?

Ну, не то чтобы совсем... но чтобы она не сильно страдала, ты же знаешь. Страдала бы... так... не очень. И все.

Не думаю, чтобы в данный момент она собралась умирать, – заметил Ангел весьма сдержанно.

Ладно. Хорошо.

Джиллиан немного смутилась из-за того, что она придала ерундовой сыпи такое значение. В то же время ей захотелось проверить самой, как у Тани дела. Впрочем, мимолетное желание было легко забыто. Таня получила по заслугам. Это всего лишь

сыпь. Ну какую опасность может представлять собою сыпь?]

Кроме того, Ангел присматривает за процессом, а Джиллиан ему доверяет.

Она добавила последний штрих помадой и улыбнулась своему отражению в зеркале. Определенно, она выглядела настоящей колдуньей.

На шестом уроке посыльные принесли леденцы на палочке, заказанные в джаз-клубе еще на прошлой неделе. К леденцу привязывалась красной ленточкой записка, и подарок с пожеланиями отправлялся в школе кому угодно.

Джиллиан набрала себе целую кучу конфет – такую большую, что все рассмеялись, а Сет Пайлс подбежал и снял их на фото для школьного ежегодника. После уроков подошел Дэвид и рассыпал всю кучу леденцов, рассматривая записки и шутливо грозя в воздух кулаком, изображая ревность.

Это был очень хороший день.

– Ну как? – спросил Ангел вечером.

Джиллиан сидела дома одна. Дэвид был занят: мама поручила ему тяжелую работу – убрать дом перед рождественскими праздниками. Поэтому Джиллиан и оказалась одна – это означало, что в комнате были она и Ангел.

Она складывала носки и напевала свой любимый рождественский гимн.

– Уверуем в Господа-а-а... Ангел, ты почему молчишь?

– Я не могу говорить, когда ты так шумишь!.. Ты действительно счастлива? Она подняла на него глаза:

– Конечно. Если не считать отношений между родителями, я совершенно счастлива.

– Ну да... популярность... и это все, что тебе надо для счастья?

– Не-ет... это немного не то, чего я ожидала, – Джиллиан смешалась. – И это не все, не предел всего, о чем я мечтала. К тому же я теперь другая.

– Ты колдунья. И тебе нужно больше, чем леденцы на палочке и вечеринки. Она искренне удивилась:

– Что ты хочешь этим сказать? Я должна заняться заклинаниями?

– Я хочу сказать, что быть колдуньей – это нечто большее, чем просто произносить заклинания. Я мог бы показать тебе, если ты мне доверяешь.

Глава 12

– Да, – сказала Джиллиан просто. Ее сердце забилось сильнее, но не от предвкушения приключений, а от страха. Ангел выглядел очень таинственным.

Он принял позу «смотрящего в пространство» и спросил:

– У тебя никогда не возникало чувства, что ты на самом деле не знаешь реальности?

– Постоянно, – заявила Джиллиан, – с того момента, как я встретила с тобой. Он усмехнулся.

– Я имею в виду, до этого. Тебе не доводилось слышать о безутешной тоске, которая есть в каждом из нас. О стремлении вернуться в нашу собственную далекую страну и пережить то, чего мы никогда не испытывали. Все мы жаждем однажды перелететь зияющую пропасть между этой и другой реальностью... и слиться с мирозданием, от которого мы чувствуем себя оторванными...

Пораженная Джиллиан резко выпрямилась.

– О да! Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь сказал лучше... о пропасти... Постоянно чувствуешь, что есть еще что-то там, куда ты не можешь войти. Я думала, это мир знаменитостей... но нет... ничего общего...

– Ты чувствуешь, что в мироздании сокрыта тайна и тебе хочется заглянуть в нее?

– Да, да, да! – Она смотрела на него с обожанием. – Ты говоришь о колдовском мире, правда? И я всегда чувствовала присутствие в мире тайны. Значит, это правда. Значит, для меня существует другая реальность...

– Нет, – Ангел поморщился, – на самом деле все чувствуют приблизительно одно и то же. И ничего это не значит.

Джиллиан расстроилась:

– Как же так?

– Для других. Для других нет никакого тайного мира. Что же касается тебя... нет, это не то, о чем ты думаешь, и вовсе это не более высокая реальность астральных планов. Все столь же реально, как вон те носки. Столь же реально, как Мелусин из магазина в Вудбридже. И это тот мир, которому ты предназначена. Мир, где тебе откроется суть вещей.

Сердце Джиллиан бешено колотилось.

– Где это?

– Это – Царство Ночи.

Серо-голубые тени скользили по холмам. Джиллиан вела машину сквозь сумерки, направляясь в непроглядную тьму на востоке.

– Объясни еще раз, – попросила она вслух, хотя и не могла видеть Ангела. Вместо него над правым сиденьем дрожал то ли воздух, то ли легкий туман. – Ты говоришь, там не только колдуны?

– Далеко не только. Колдуны – лишь одна семья; а там будут все создания ночи. Все существа, о которых тебя учили думать как о сказочных героях.

– Они реальны? Они живут рядом с людьми...! и раньше жили?

– Да. Понимаешь, все это просто. Внешне они совсем как люди – во всяком случае, на первый взгляд. Ровно настолько, насколько и ты выглядишь как человек.

– Но я-то человек. Я хочу сказать, по большей части, да? Моя прабабушка – колдунья, но она вышла замуж за человека, и моя бабушка, и мама. Итак, получается, что моя колдовская кровь... разбавленная.

– Для них это неважно. Ты можешь поклясться своей колдовской кровью. А твоя сила вне сомнения. Доверься мне, и они с радостью примут тебя.

– Кроме того, у меня есть ты. Ведь обычные люди не имеют собственных невидимых покровителей?

– Ну... – Перелетев на заднее сиденье, Ангел стал постепенно оформляться в живое существо, и, насколько она смогла разглядеть его лицо, он нахмурился. – Дело в том, что тебе нельзя рассказывать обо мне. Не спрашивай почему, мне не велено объяснять. Но я буду с тобой, как всегда. Я подскажу, что говорить. Не волнуйся, ты отлично справишься.

Джиллиан и не волновалась. С затаенным восторгом она чувствовала, как погружается в сказку. Весь мир казался ей волшебным и неведомым.

Даже снег выглядел иначе – голубым и светящимся изнутри. Дорога бежала по полям, а на севере за холмами на небе появилось серебряное сияние – вставала огромная полная луна, заливая весь мир тревожным светом.

Оставляя обычный мир позади, Джиллиан летела все быстрее и быстрее в зачарованное место, дальше и дальше в сказку, где могло произойти все, абсолютно все.

Она не удивилась бы, заведи ее Ангел на заснеженную поляну поискать волшебное колечко. Но он сказал:

– Поверни здесь.

И они выехали на главную дорогу, которая вела на дальнюю окраину города.

– Где мы?

– Это Стэрбек. Местечко, где в стене есть маленький проход на ту сторону. Туда-то мы и едем. Остановись здесь.

«Здесь» оказалось неопишуемым зданием, видимо построенным в викторианском стиле. Оно давно обветшало в напрасном ожидании ремонта.

Джиллиан вышла из машины и посмотрела на отражение лунного света в окнах. Здание могло бы служить сторожкой. Оно стояло в стороне от жилого района, тоже темного и тихого. Налетел сильный порыв ветра. Джиллиан вздрогнула от холода.

Не похоже, чтобы в доме кто-нибудь был.

Иди к двери. – Голос Ангела привычно успокаивал ее.

На двери никакой вывески, ничего, что бы указывало, что это общественное место. Темное стекло над дверью слабо осветилось изнутри. На стекле смутно проступил рисунок – цветок. Черный ирис.

«Черный ирис» – название клуба. Это клуб...

Ангела прервал взрыв. Так сначала почудилось Джиллиан. В первое мгновение она не поняла, что это было: огромная черная тень шумно налетела на нее, и она едва не свалилась с крыльца. Потом до нее дошло, что этот грохот был лаем. Чудовищных размеров цепная собака рычала и скалилась, стараясь дотянуться до нее.

Я займусь псом. – Голос Ангела стал страшен, и мгновение спустя Джиллиан ощутила

теплую волну в воздухе. Собака как подкошенная упала на месте и закатила глаза.

У подъезда вновь наступила мертвая тишина. Джиллиан стояла, тяжело дыша от резкого прилива адреналина. Перед тем как она смогла что-либо произнести, у нее за спиной скрипнула дверь.

Дверь приоткрылась, и высунулась чья-то голова...

Джиллиан не смогла разглядеть лица, заметила лишь, что глаза дико сверкнули.

– Ты кто? – злобно спросил низкий тягучий голос. – Что тебе надо?

Джиллиан повторила шепот Ангела:

– Я Джиллиан из клана Харман и хочу войти. Здесь холодно.

– Харман?

– Я Хранительница Очага, дочь Элвайзы, и, если ты не вступишь меня, глупый волк-оборотень, я поступлю с тобой так же, как с твоим двоюродным братцем вон там. – Она указала пальцем в перчатке на скрюченную собаку.

Волк-оборотень? Ангел, разве оборотни действительно бывают?

Все сказочные создания реальны. Я тебе говорил.

Джиллиан показалось, что ее засасывает какой-то ирреальный мир. Словно во сне, она продолжала делать все, что говорил Ангел, хотя от тяжелого предчувствия засосало под ложечкой.

Дверь медленно открылась. Джиллиан шагнула в прихожую, и дверь сама собой захлопнулась у нее за спиной со странным звуком окончательного приговора.

– Я не узнал тебя, – проворчал оборотень. – Думал, шатается тут всякий сброд.

– Ты прощен, – милостиво ответила Джиллиан и махнула перчатками в направлении, подсказанном Ангелом. – Вниз по ступеням?

Он кивнул, и она последовала за ним к двери, которая вела на лестницу. Едва открыв дверь, Джиллиан услышала музыку.

Она спускалась, с каждым шагом чувствуя себя все более... неземным существом. Полуподвальное помещение находилось глубже, чем обычно, и было просторнее. Внизу перед ней предстал совершенно иной мир.

Здесь совсем не было окон, да и света было не больше, чем наверху. Старинный зал, холодный каменный пол со стертым рисунком, в воздухе запах плесени и сырости. Однако в зале царил оживление. Кто-то сидел на стульях, расставленных вдоль стен и вокруг карточного стола в дальнем конце зала. Кто-то стоял перед старомодными кегельбанами и толпился возле стойки бара.

Джиллиан направилась к бару. Она чувствовала, что за каждым ее шагом следит множество глаз.

«Я слишком маленькая и слишком юная», – думала она, забираясь на один из высоких стульев у стойки. Она небрежно опустила локти на стойку и постаралась успокоиться.

Бармен повернулся к ней. Это был парень лет двадцати. Он шагнул к Джиллиан, и при взгляде на его лицо она испытала шок.

В нем было что-то... неправильное. Не то чтобы парень был настолько уродлив, что мог вызвать суматоху, войдя в автобус. Джиллиан не увидела даже, а, скорее, почувствовала в нем патологию благодаря своим новым чувственным возможностям. Но у нее возникло ясное впечатление, что лицо неправильное, обезображенное мрачными мыслями, на фоне которых интриги Тани выглядели, как залитый солнцем сад.

Джиллиан не смогла сдержать отвращения. И парень из бара заметил это.

– Ты новенькая, – сказал он, становясь все мрачнее, и она поняла, что он наслаждается ее страхом. – Откуда ты?

– Я Харман, – ответила она настолько спокойно, насколько смогла. – И ты прав – я новенькая.

Хорошо, детка. Не позволяй ему запугать тебя. Теперь ты должна показать им, кто ты на самом деле...

Подожди, Ангел, подожди! Дай мне прийти в себя.

Джиллиан и правда совсем потеряла самообладание. Чувство ледящего ужаса росло с той самой минуты, как она вошла, и стало невыносимым. Это место – она поискала эпитеты –

нецелое, поврежденное, страшное.

Она заметила и еще кое-что. Раньше у нее не было возможности рассмотреть в полутьме другие лица – она видела только блеск глаз и случайные всполохи белозубых улыбок. Но теперь эти «люди» подошли ближе и обступили ее. Это напомнило ей передачу про акул, которые плавают будто бы бесцельно, но на самом деле собираются все вместе вокруг жертвы. Они столпились у нее за спиной – со всех сторон ее окружали темные фигуры. Джиллиан оглянулась и отчетливо увидела их лица.

Холодные, мрачные, порочные. Нет, не просто порочные – дьявольские. Эти существа могли бы совершить любое преступление и наслаждаться им. Глаза их блестели... не просто блестели... светились... как глаза животных ночью. Они сладко заулыбались, и Джиллиан увидела зубы. Длинные острые волчьи зубы... клыки...

«Все сказочные существа...»

Ее охватила настоящая паника. И в тот же миг она почувствовала, что кто-то схватил ее за плечи.

– Почему бы нам не прогуляться вместе?

Затем все смешалось. Кажется, Ангел что-то кричал, но Джиллиан не могла слышать его из-за громких ударов сердца. Сильные руки сдавили ее, понемногу отталкивая от бара. Заговорщически усмехаясь, существа с дьявольскими лицами расступились.

– Развлекись с ней на славу! – крикнул кто-то им вслед.

Джиллиан быстро потащили вверх по лестнице, вон из темного здания. Распахнулась входная дверь, холодный воздух отрезвил ее, сознание прояснилось. Она постаралась высвободиться из зажавшей ее плечи в тиски железной хватки. Но безуспешно.

Джиллиан очутилась на заснеженной улице. Улица была пуста.

– Это твоя машина?

Руки на мгновение ослабили хватку. Она отчаянно дернулась и обернулась.

Вокруг нее разливался по сугробам призрачный лунный свет, придавая снегу вид белого шелка. И тени на нем выглядели как темные пятна на сверкающем ковре.

Тот, кто вытащил ее сюда из подвала, оказался парнем на вид лишь несколькими годами старше ее. Высокий и элегантный, со светлыми пепельными волосами и слегка раскосыми глазами. Что-то в его манере держаться напомнило ей обманчивую лень животных. Но лицо его не было столь же порочным, как у других. Застывшее, суровое, возможно, несколько пугающее, но не дьявольское.

– Теперь вот что, – заговорил он быстро и отрывисто, и голос его тоже не показался ей дьявольским, – я не знаю, кто ты и как тебе удалось войти туда, но тебе лучше немедленно вернуться домой. Кто бы ты ни была, но ты не Харман.

– Откуда ты знаешь? – вырвалось у Джиллиан до того, как Ангел смог подсказать ей, что отвечать.

– Харман – моя родня. Я – Эш Редферн. Ты ведь даже не знаешь, что это значит, так? Если бы ты была Харман, то знала бы. Между нашими семьями есть родственные связи.

Ты Харман. И ты колдунья! – звенел в ушах голос Ангела. – Скажи ему! Скажи ему!

Пепельный блондин продолжал:

– Они бы сожрали тебя живьем, если бы узнали это наверняка. Они не настолько... терпимы к людям, как я. И вот тебе мой совет: залезай в машину, уезжай и никогда больше не возвращайся сюда. И никому никогда не говори об этом месте.

Ты потерянная колдунья! Ты не человек. Скажи ему!

– А почему ты стал таким терпимым к людям? – Джиллиан рассматривала его. Глаза... наверное, изначально были янтарного цвета, как у Штеффи, но теперь стали изумрудно-зелеными.

Он как-то странно посмотрел на нее. Потом улыбнулся. Это была ленивая улыбка, внутри которой затаилась душераздирающая боль.

– Прошлым летом я встретил девушку, – сказал он тихо. Видимо, это, по его мнению, должно было объяснить Джиллиан все.

Затем он кивнул на ее машину.

– Уезжай отсюда и никогда не возвращайся. Я просто проходил мимо. В следующий раз

меня может и не оказаться рядом, чтобы спасти тебя.

Не садись в машину! Не уезжай! Скажи ему, что ты колдунья, что ты принадлежишь к Полночному Кругу. Не уезжай!

Впервые Джиллиан решительно не послушалась приказаний Ангела. Она открыла машину трясущимися руками, прыгнула на сиденье и в последний раз оглянулась на парня. Эш – надо же!

– Спасибо, Эш!

– Пока! – Он помахал рукой вслед отъезжающей машине.

Немедленно вернись обратно! Ты принадлежишь их миру. Ты одна из них. Они не могут отпустить тебя. Развернись и возвращайся!

– Ангел, прекрати! – сказала она громко. – Я не могу. Ты что, не видишь? Я не могу. Они ужасны. Они – порождение дьявола.

Теперь, когда она осталась одна, началась реакция. Она вдруг разревелась, сотрясаясь всем телом. Безудержные рыдания душили ее.

– Нет, они не порождение дьявола! – возразил Ангел, светясь на заднем сиденье, и в его голосе прозвучало непривычное волнение. – Они могущественные...

– Нет, они дьявольские. Они охотились на меня. Я видела их глаза! – Джиллиан впала в истерику. – Зачем ты привел меня туда? Ты ведь даже не позволил мне поговорить с Мелусин! Мелусин не такая, как эти.

Она вся дрожала. Машину занесло, и она едва смогла выровнять ее. В одно мгновение все вокруг стало чужим и страшным, она ехала по бесконечной, пустынной дороге, и была ночь, и за ней на сиденье сидело бесплотное существо.

Она больше не знала, кто он на самом деле. Она лишь понимала, что никакой он не ангел. Логическая альтернатива сразу возникла в голове. Она была одна невесть где рядом с демоном...

– Джиллиан, прекрати!

– Кто ты? Кто ты в действительности? Кто ты?!

– Что ты имеешь в виду? Ты знаешь, кто я.

– Нет, я не знаю! – закричала она. – Я ничего о тебе не знаю! Зачем ты привел меня туда? Почему ты хотел, чтобы они растерзали меня? Почему?

– Джиллиан, останови машину. Останови маши-ну!

Он говорил таким командным, не терпящим возражений, приказным тоном, что она послушалась и остановилась. Она не могла удержать рыданий, отпустила руль и ничего не видела из-за слез. Когда машина остановилась, она почувствовала, что теряет сознание.

– Посмотри на меня. Вытри лицо и посмотри на меня.

Через минуту она кое-как справилась с истерикой и взглянула на Ангела. Он весь сиял и светился. Свет исходил из каждой клеточки его тела: от золотых нитей волос, от классически прекрасного лица, от совершенных линий фигуры. Теперь и он успокоился. Лицо приобрело возвышенное выражение, безмятежность которого нарушало лишь искреннее беспокойство за нее.

– Мне очень жаль, – сказал он, – что все это так тебя испугало. Новые впечатления иногда отталкивают только потому, что они непривычные. Но мы не будем говорить сейчас об этом, – поспешно добавил он, так как Джиллиан всхлипнула. – Важно только одно – что я не хотел причинить тебе зла.

И его глаза засияли еще сильнее – чистым синим пламенем.

Джиллиан вздохнула:

– Ноты...

– Я никогда не смогу причинить тебе зла, Джиллиан. Потому что у нас с тобой одна, общая душа.

Он произнес эти слова так, будто сделал величайшее открытие. И хотя Джиллиан представления не имела, что все это значит, она почувствовала странное волнение и почти нежность.

– Что это значит?

– Такое иногда случается с людьми, которые входят в Царство Ночи. Каждому дана

только одна большая любовь. И когда ты встречаешь эту любовь, ты ее узнаешь. Мы принадлежим друг другу, и ничто не может нас разлучить.

Он говорил правду. Каждое слово отдавалось эхом в сердце Джиллиан, словно пробуждая древнюю память предков. Он говорил о том, что знали их праотцы.

Ее слезы высохли. Она больше не плакала. Но очень устала и измучилась.

– Но если это так... – Она не смела договорить.

– Сейчас не надо ни о чем волноваться, – утешал ее Ангел. – Мы обо всем поговорим позже. Я все тебе объясню. Я просто хотел, чтобы ты знала, что я никогда не причиню тебе зла. Я люблю тебя, Джиллиан. Разве ты не видишь?

– Да, – прошептала Джиллиан. Она была как в тумане. Ей не хотелось думать, не хотелось понимать, о чем говорил Ангел.

Ей хотелось домой.

– Успокойся, я помогу тебе вести машину, – сказал Ангел. – Ни о чем не беспокойся. Все будет хорошо.

Глава 13

На следующий день Джиллиан постаралась сосредоточиться на обыденных вещах.

Она торопилась в школу, чувствуя, что за ночь совсем не отдохнула (что с ней было? ночной кошмар?) и что ей необходимо развлечься. В школе она весь день была слишком деятельна, весела и болтлива. Она то и дело собирала вокруг себя большую компанию, болтая о рождественских праздниках, вечеринках и фотографиях для школьной газеты.

Ну, вот ей и полегчало. Ангел вел себя тактично и помалкивал. Сегодня все ребята в школе были взбудоражены, ведь до каникул всего два дня. И к полудню Джиллиан была уже в приподнятом настроении.

– До Рождества всего пять дней, а у меня нет елки! Надо бы вытащить маму на елочный базар и купить елочку.

– Не надо ничего покупать, – улыбнулся Дэвид. – Я знаю одно место – поехали! Там красиво и елки можно брать совершенно бесплатно. – Он заговорщически подмигнул.

– Я подгоню мамин пикап, – обрадовалась Джиллиан. – Туда влезет большое дерево, – я люблю высокие елки.

Дома они с мамой торопливо заворачивали подарки и вытирали пыль с рождественских гирлянд из пластмассовых цветочков. И им было не до разговоров про колдовские родственные связи.

После ужина в самом замечательном расположении духа она заехала за Дэвидом. Он выглядел несколько подавленным, но Джиллиан была не в настроении задавать вопросы. Она без умолку болтала о вечеринке, которую Штеффи Локхарт устраивала в пятницу вечером.

Путь был долгим, и тема про вечеринку у Штеффи совсем иссякла, когда Дэвид наконец изрек:

– Кажется, где-то здесь.

– Хорошо! Мне подойдет одна из тех елок, – пошутила Джиллиан, показывая на шестифутовые ели вдоль шоссе.

Дэвид натянуто улыбнулся:

– Здесь есть и поменьше, в глубине.

Их было так много, что Джиллиан замучилась, выбирая. В конце концов она остановилась на елочке с красивым силуэтом, похожей на стройную леди, приподнявшую свои юбки. Срубленная Дэвидом ель источала великолепный хвойный аромат, когда они вдвоем тащили ее волоком в машину.

– Ах, я обожаю этот запах и даже не жалею, что моим перчаткам пришел конец, – восторгалась Джиллиан.

Дэвид молчал. Он молча обвязал ель, положил ее в багажник и закрыл его. Молча сел в машину рядом с Джиллиан.

Нет, она не могла больше этого терпеть. У нее засосало под ложечкой.

– Что случилось? Ты ни слова не обронил за весь вечер.

– Извини. – Он вздохнул и отвернулся к окну. – Я считал, что... я думал о Тане. Джиллиан прищурилась:

– О Тане? Мне пора ревновать?

– Нет, я хотел сказать – о ее руке.

У Джиллиан кольнуло сердце, и все вокруг навсегда переменялось. В гнетущей тишине ее следующий вопрос прозвучал фальшиво:

– А что с ее рукой?

– Ты не слышала? Я думал, ты слышала по телефону. Сегодня днем ее забрали в больницу.

– О боже!

– Дело плохо. Та болезнь, что врачи приняли за сыпь, приводит к отмиранию тканей... каким-то образом... знаешь, эти бактерии пожирают плоть...

Джиллиан открыла рот, но не смогла издать ни звука. Дорога впереди совсем потемнела.

– Кори сказал, что к ней никого не пускают. Рука у нее раздулась и стала в три раза толще обычного. Ее разрезали от плеча до кончиков пальцев и поставили дренажные трубки. Врачи боятся, что придется ампутировать палец...

– Прекрати! – У Джиллиан вырвался сдавленный крик.

Дэвид бросил в ее сторону быстрый взгляд.

– Извини...

– Нет! Не говори ничего! – Она рефлексивно продолжала вести машину, почти не воспринимая внешний мир. Все внимание было сосредоточено на драме, развернувшейся внутри ее сознания.

Ангел! Ты слышал?! Что происходит?

Конечно, я все слышал. – Он цедил слова медленно и задумчиво.

Ну? Это правда? Да?

Знаешь, давай поговорим об этом позже. Хорошо, детка ? Давай подождем...

Нет! С тобой всегда так: «подождем» или «поговорим об этом позже». Я хочу знать немедленно: это правда?

Что «правда»?

Таня действительно так тяжело больна?

У нее просто инфекция. Стрептококковая пиодермия. Ты же сама наслала на нее эту болезнь.

Так ты признаешься, что это правда?! Да, это правда. Я сделала это своими заклинаниями. Я наслала на нее бактерии, которые поедают мышечную ткань.

Мысли скакали дико, бессвязно, и Джиллиан не совсем понимала, о чем говорит.

Джиллиан, пойми, мы должны были удержать ее, чтобы она не вредила Дэвиду. Мы вынуждены были это сделать.

Нет! Нет! Нет! Ты же знал, я не хотела причинять Тане зло.

Джиллиан впадала в истерику – странную немую истерику. Она смутно осознавала, что все еще ведет машину и мимо проносятся изгороди, деревья. Ее тело продолжало вести машину, все сильнее давя на газ, но сама она словно перенеслась в другую реальность.

Ты лгал мне. Ты сказал, с ней все в порядке. Почему ты так поступил?

Спокойно, Стрекоза...

Не называй меня так! Как ты можешь просто... просто сидеть здесь... и не волноваться? Что ты за личность?

И тогда... Ангел вдруг изменился. Он не возмущался и не оправдывался – гораздо хуже. Его голос зазвучал спокойнее. Мелодичнее. Приятнее.

Я лишь распределяю судьбы. Этим и занимаются ангелы, как известно.

Ледяной ужас охватил Джиллиан: он ненормальный!

– О боже! – вырвалось у нее неожиданно громко. Дэвид вздрогнул.

– Эй! Ты в порядке?

Но она вряд ли что-нибудь слышала. Джиллиан с лихорадочным напряжением продолжала телепатический бой.

Я больше не знаю, кто ты. Но только не ангел!

Джиллиан, послушай. Мы не должны ссориться. Я люблю тебя...

Тогда говори, как вылечить Таню.

Молчание.

Я и сама узнаю. Я поеду к Мелусин...

Нет!

Тогда скажи мне. Или вылечи Таню, если, конечно, ты ангел!

Пауза. И затем:

Джиллиан, у меня появилась идея. Можно сделать, чтобы Дэвид полюбил тебя сильнее.

О чем ты говоришь?

Ему нужен «околосмертный» опыт. Тогда он сможет по-настоящему понимать тебя. Нам надо сделать так, чтобы он умер.

Перед глазами у Джиллиан поплыл туман. Она знала, что подъезжает к Сомерсет, и уже узнавала улицы, но вдруг словно на нее упала серая пелена и посыпались искры.

– Джиллиан!

Она почувствовала, как чья-то рука – реальная рука – схватилась за руль и выровняла машину.

– Что с тобой? Давай лучше я поведу?

– Все хорошо. – Зрение вернулось. Домой, быстрее домой... она должна как можно скорее достать ту самую коробку из-под туфель и как-нибудь снять с Тани заклинание. Домой... в безопасное место...

Но нет, для нее нигде нет безопасного места.

В ушах опять раздался мягкий вкрадчивый голос:

Разве ты не понимаешь? Дэвид не станет похожим на тебя до тех пор, пока не побывает, как и ты на том свете. Нам надо, чтобы он умер...

– Нет! – услышала она свой крик. – Прекрати говорить со мной! Уходи!

Дэвид вздрогнул.

– Джиллиан...

Я не хочу ранить тебя, Джиллиан. Только его. И он вернется – обещаю. Он, возможно, станет немного другим. Но он будет по-настоящему любить тебя.

Другим... тело Дэвида. Ангел хочет захватить тело Дэвида! Как только Дэвид покинет свое тело, в нем поселится Ангел...

Они приближались к дому. Но она никак не могла отделаться от голоса. Как можно освободиться от того, что находится в твоей собственной голове? Она не могла заставить его заткнуться...

Отпусти руль, Джиллиан. Позволь мне вести машину за тебя. Я люблю тебя, Джиллиан.

«Нет!» Ее пальцы до боли впились в кожаную обмотку руля. Тяжело дыша, она отрывисто проговорила:

– Дэвид! Веди машину. Я не могу...

Успокойся, Джиллиан. Ты не пострадаешь. Я обещаю.

Ей никак не удавалось отпустить руль. Голос будто заполнил все ее тело, окутал мышцы. Она уже не могла убрать ногу с педали газа.

– Джиллиан, тормози! – отчаянно кричал Дэвид. – Смотри куда едешь!

Это займет одну секунду...

Реальность превратилась для Джиллиан в старое кино. Черно-белое мерцание. И с каждым новым кадром телефонная будка впереди становилась все больше и больше. Все происходило, как в замедленной съемке, но с очевидной неизбежностью. О, как медленно неслись они в сторону будки, в которую должны были врезаться... правой дверью, где сидел Дэвид.

Нет! Ангел, я возненавижу тебя навеки... – закричала она про себя, и последнее слово отозвалось бесконечным эхом в ее сознании. Время остановилось.

Удар и чернота.

– Мне можно его увидеть?

– Еще нет, дорогая. – Мама быстро передвинула стул поближе к кровати, стоявшей в приемном покое «Скорой помощи». – Не сегодня, может быть...

– Я должна!

– Джиллиан, он без сознания. Он даже не узнает, что ты была у него.

– Я должна видеть его. – Джиллиан почувствовала, что у нее снова начинается истерика, и сжала зубы. Не надо ей никаких уколов. Медсестра сказала, что сделает ей укол, когда она начала было кричать и плакать.

Прошло несколько часов с той минуты, как подъехали машины с мигалками, открыли двери пикапа и достали ее. Дэвида тоже вытащили. Но в то время как она совсем не пострадала («Чудо! Ни царапинки!» – сказал врач ее маме), Дэвид был без сознания. И он все еще не пришел в себя.

Приемное отделение «Скорой помощи» было холодным, и подогретые одеяла, в которые ее заворачивали, совсем не помогали. Джиллиан трясло. Пальцы онемели.

– Папа уже летит домой, – сказала мама, поглаживая ее руку, – Он взял билет на первый же рейс. Ты увидишь его завтра утром.

Джиллиан бил озноб.

– Это та же больница, куда положили Таню Джан? Нет, не спрашивай никого. Я ничего не хочу знать. – Она зажала руки под мышками. – Мне так холодно...

... И одиноко. Она больше не слышала вкрадчивого голоса. И это было хорошо, потому что – Господи! – меньше всего она хотела общения с Ангелом... или тем, кто называл себя так. Но странно, после столь долгого присутствия в ее сознании он пропал... и она не знает, где он может ее подстергать. Он может слушать ее мысли прямо сейчас...

– Я возьму другое одеяло, – сказала мама и направилась к шкафу с подогревом, который показала ей нянечка. – Если ты ляжешь, то, может быть, тебе удастся немного поспать, дорогая.

– Я не могу спать! Я должна видеть Дэвида!

– Родная моя, я же говорю – ты не сможешь увидеть его сегодня.

– Ты сказала, я не должна его видеть. Ты не сказала, я не увижу. Ты сказала – возможно!

Джиллиан срывалась на крик и ничего не могла с этим поделать. Слезы застилали глаза и катились по щекам. Напрасно она пыталась сдержать их.

Вбежала медсестра. Задернула белую занавеску вокруг кровати.

– Ничего-ничего. Это естественно, – успокоила она маму, потом строго сказала Джиллиан: – Ну-ка облокотись на подушки и лежи тихонько. Немного пощиплет. Но это поможет тебе успокоиться.

Джиллиан почувствовала укол и жжение. Спустя минуту все вокруг поплыло и глаза ее закрылись.

Она проснулась в собственной постели.

Было утро. Солнечный свет падал в окно.

Прошлой ночью... она с трудом вспомнила, как их соседка, госпожа Билер, на своей машине привезла ее из больницы домой. Она вспомнила, как ее пронесли наверх по лестнице, раздели и уложили в кровать. И потом – так замечательно, – она надолго куда-то провалилась и ни о чем не думала.

Джиллиан проснулась отдохнувшей, с ясной головой. Не успев даже скинуть одеяло, она уже точно знала, что надо делать.

Она бросила взгляд на старый будильник на ночном столике и ужаснулась: без двадцати пяти час! Неудивительно, что она выпалась.

Проворно, стараясь не шуметь, она натянула джинсы и свитер. Никакой косметики. Махнула расческой по волосам. Замерла, прислушалась. Не только к дому, но и к себе. К собственному внутреннему миру.

Мертвая тишина. Ничто не шевельнулось. Разумеется, это ни о чем еще не говорит.

Джиллиан опустила на колени и вытащила коробку из-под кровати. Восковые куклы были ярко раскрашены красным и зеленым – чудовищная пародия на новогодние игрушки. Ее первым порывом при взгляде на ядовито-зеленый воск было избавиться от него: отломать у одной куклы руку, а у другой – голову.

Но что при этом произойдет с Таней и Ким – даже трудно себе представить. Она заставила себя принести мочалку из ванной, намочила ее и осторожно стерла люминесцентно-зеленую

пудру.

Она плакала. Надо сосредоточиться, как и во время заклинания, – увидеть Танину руку, увидеть, что она заживает и Таня выздоравливает.

– А теперь, – прошептала она, – приди ко мне, сила слов Гекаты. Это – не я, кто произносит их, это – не я, кто повторяет их, это – Геката произносит их, это – Геката повторяет их.

Когда пудра была стерта, она уложила кукол обратно в коробку. Потом порылась в столе в поисках маленькой с розовыми цветочками записной книжки.

Вот. Номер мобильного телефона Дэрил Новак.

Она быстро набрала его и закрыла глаза. Ответь. Ответь. Ответь!

– Алло, – раздался в трубке ленивый голос. Глаза Джиллиан тут же открылись.

– Дэрил, это Джиллиан. Помоги мне, пожалуйста. Прямо сейчас. Я ничего не могу объяснить...

– Джиллиан, с тобой все в порядке? Мы все за тебя волновались.

– Я в порядке, но я не могу говорить. Найди Эми Новик. Срочно! У нее сейчас... – Джиллиан судорожно вспоминала расписание, – ...ага, химия. Пусть приедет на перекресток Хазел и Эплбатер и ждет меня там.

– Ты хочешь, чтобы она сбежала с урока?

– Да, и немедленно. Скажи ей, я знаю, что прошу слишком много, но мне это необходимо. Это действительно очень важно.

Она ждала вопросов. Но вместо этого Дэрил только сказала:

– Не волнуйся, я найду ее.

– Спасибо, Дэрил. Ты спасаешь жизнь.

Джиллиан повесила трубку. Схватила лыжную куртку и, сунув под мышку коробку из-под туфлей, тихонько пошла вниз по ступеням.

Она слышала голоса на кухне. Низкий голос – папин. Ей очень захотелось подбежать к отцу. Но что сделают ее родители, когда увидят ее? Они снова уложат ее в постель, укутают в одеяло, оставят дома. Они не поймут, что ей надо торопиться.

Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы сказать им правду. Это приведет лишь к еще одному уколу. И очень может быть – к клинике для умалишенных, куда однажды отправили ее маму. Все подумают, что у нее это наследственное.

Она незаметно проскользнула к входной двери, тихонько открыла ее и выскочила на улицу.

Ночью шел дождь, а к утру подморозило. Во дворе на ветвях орешника льдинки висели, как капли росы.

Джиллиан втянула голову в плечи и побежала по улице. Она надеялась, что ее никто не заметит, но ей все время казалось, что из-за кустарника и из каждой тени ее преследуют чьи-то взгляды.

Она стояла на углу Хазел и Эплбатер, обхватив коробку руками и притоптывая, чтобы немного согреться.

«Я слишком много прошу...»

Конечно, много, особенно если учесть, как она недавно избегала Эми. Смешно: у нее столько новых друзей, но в трудную минуту она интуитивно обратилась к Эми.

В Эми было что-то надежное, настоящее, доброе. И Джиллиан знала: Эми приедет.

«Джео» вылетел из-за угла с визгом тормозов и остановился, пройдя пол-улицы юзом. Типичная манера вождения Эми-без-очков. Девочка выпрыгнула из машины и встревоженно бросилась навстречу Джиллиан. Ее широко открытые голубые глаза блестели от слез.

Они обнялись и расплакались. Обе.

– Мне так жаль. Я вела себя отвратительно на прошлой неделе...

– А я раньше вела себя отвратительно...

– Мне стыдно. Ты в полном праве сердиться на меня.

– Я слышала про аварию, я волновалась... Джиллиан отступила на шаг.

– Нельзя медлить ни минуты. У меня нет времени. Я понимаю, как это звучит в устах того, кто прошлой ночью врезался в телефонную будку... но мне нужна твоя машина. Для

одного дела – я должна увидеть Дэвида.

Эми кивнула, утирая слезы:

– Можешь не говорить больше ничего.

– Я могла бы забросить тебя домой...

– Это в другую сторону. Мне не повредит немного пройтись. Я люблю гулять.

Джиллиан чуть не рассмеялась. Вид Эми, наматывающей на голову шарф и постукивающей каблучками по обледенелой дороге, решительно собиравшейся идти пешком, согрел ее сердце.

Она порывисто обняла подругу.

– Спасибо. Я никогда этого не забуду. И я никогда больше не буду вести себя так ужасно, по крайней мере...

Она осеклась, чуть было не сказав: «по крайней мере, если останусь жива», и вскочила в машину. Она совсем не была уверена, что выживет.

Итак, сначала надо добраться до Дэвида.

Она должна была увидеть его собственными глазами. Убедиться, что с ним все в порядке... и что он – это он.

Она повернула ключ зажигания и поехала в Хьютон.

Глава 14

В приемном покое она узнала номер палаты Дэвида и, не спрашивая, пускают ли к нему посетителей, пошла по коридору.

Она мысленно твердила одно слово: «Пожалуйста!» Пожалуйста! Лишь бы с Дэвидом все было в порядке, тогда у нее есть шанс все исправить.

Перед дверью она остановилась и замерла.

Воображение рисовало ей всевозможные картины. Дэвид в коме, подключенный к трубочкам и проводкам, изменившим его до неузнаваемости. И гораздо страшнее: Дэвид жив, здоров и улыбается, глядя на нее... синими глазами.

Она догадалась, в чем состоял план Ангела. По крайней мере, она думала, что догадалась. Вопрос в том – удался ли ему этот план?

Затаив дыхание, она заглянула в палату.

Дэвид сидел на постели. Никаких проводков... Только к локтю тянулась трубочка капельницы. В палате была еще одна кровать. Пустая.

Он повернулся в сторону двери и увидел ее.

Джиллиан медленно пошла к нему. Ее лицо застыло и не выражало никаких чувств, глаза были прикованы к его лицу.

Темные волосы. Худощавое лицо с еще сохранившимся летним загаром. Скулы – умереть, да и только... глаза – утонуть...

Вот только улыбка, полунасмешливая-полудружеская, куда-то пропала. Он смотрел на нее таким же непроницаемым взглядом, как и она. Раскрытая книга незаметно соскользнула с его колен.

Джиллиан приблизилась к краю больничной кровати. Они продолжали неотрывно смотреть друг другу в глаза.

Что мне сказать?! Спросить: Дэвид, это действительно ты? Я не могу. Слишком глупо. И что, собственно, он скажет мне в ответ? Нет, Стрекоза, это – не он, это – я?

Молчание становилось неловким. Наконец очень тихо парень на кровати спросил:

– Ты как?

– Нормально, – ответила она и, запинаясь, повторила вопрос: – А... ты как?

– Да ничего... мне повезло... Сегодня ты выглядишь иначе...

– А ты выглядишь... равнодушным. В его глазах промелькнуло смущение. Потом – обида.

– Я... ну, ты вошла сюда с таким безразличным видом, таким холодным... – Он было опустил голову, но снова впился в нее глазами. – Джиллиан, что я сделал?.. За что ты влипла меня в ту будку?

– Я же не нарочно! – Она бросилась к нему, взяла его за руку.

Он пожал плечами:

– Ладно...

– Дэвид, я не нарочно. Я делала все, что могла, чтобы не врезаться. Я никогда не причиню тебе вреда. Разве ты не знаешь?

Его лицо просветлело. А глаза у него карие и взгляд спокойный.

– Да, я знаю, – сказал он просто. – Я верю тебе.

Странно, он действительно ей верил. Пусть все факты говорят против нее – он все равно ей верил.

Они держались за руки, не в силах отвести друг от друга влюбленных глаз. Им казалось, что они приближаются друг к другу, хотя никто из них и не сдвинулся с места.

И тут – свершилось!.. то, что должно было случиться по крайней мере уже дважды. Ее захлестнуло сильное сладостное чувство, она едва могла вынести это. Неожиданное счастье... потрясение от чувства, что ты кому-то принадлежишь...

Глаза Джиллиан сами собою закрылись, и Дэвид поцеловал ее. Она ощутила тепло его губ. И все вокруг стало светлым и замечательным... словно завеса, разделявшая двух людей, вдруг растаяла.

Джиллиан вдруг поразила мысль, что именно об этом и говорил ей Ангел. Интуиция подсказала ей, хотя она никогда не знала таких слов раньше, что у них с Дэвидом одна, общая душа. Она нашла свою половинку. Свою единственную любовь на этой земле. Человека, которому она предназначена. Человека, с которым ее никто не сможет разлучить. И им был не Ангел. Им был Дэвид.

И еще одно она знала с непоколебимой уверенностью: это был Дэвид, настоящий Дэвид. Он держал ее в своих объятиях, целовал ее. Ее – обыкновенную Джиллиан, одетую в старый серый свитер и без всякой косметики. Раньше она была уверена, что все дело во внешнем виде. Абсурд! Ну какое это имеет значение?

Дэвид был жив, и это единственное, что имело значение. Джиллиан не смогла бы вынести ответственности за его гибель. И если им удастся остаться в живых после всего, что им предстояло сделать, они станут счастливее, чем можно себе представить.

Устав от поцелуев, они держали друг друга в объятиях. И это тоже было замечательно.

Джиллиан вдруг отстранилась:

– Дэвид...

– Джиллиан, знаешь... я, кажется, люблю тебя, – сказал он удивленно.

– Знаю.

Джиллиан понимала, что ведет себя недостаточно романтично, но ей было некогда. Наступило время решительных действий.

– Дэвид, я должна кое-что тебе рассказать. Наверное, ты не сможешь мне поверить. Но ты все-таки попытайся.

– Джиллиан, я же сказал: я люблю тебя. Я действительно люблю тебя. Мы... – Он замолчал на полуслове, словно впервые увидев ее лицо. Казалось, он заметил в ней нечто такое, что заставило его засомневаться. И потом он повторил совсем другим тоном: – Я люблю тебя, поэтому я поверю тебе.

– Прежде всего, я вовсе не такая, как ты обо мне думаешь. Я не смелая, не благородная, не остроумная и... ничего подобного. Все было подстроено. Вот, ты только послушай.

И она начала рассказывать.

Все с самого начала, с того дня, когда она услышала плач в лесу, и пошла искать ребенка, и умерла, и нашла Ангела.

Она рассказала ему о том, как Ангел ночью появился в ее комнате и как он изменил всю ее жизнь. О шепоте, который с тех пор руководил ее действиями. И о самых плохих вещах. О ее колдовском наследстве. О порче, которую она навела на Таню и Ким. О Царстве Ночи. Обо всем, вплоть до дорожной аварии тем вечером.

Закончив, она села на край кровати и вопросительно посмотрела на него:

– Ну?

– Ну... мне, вероятно, полагается думать, что ты спятила. Но я так не думаю. Может, это я спятил. Дело в том, что однажды я тоже умер...

– Да, ты начал рассказывать... Помнишь, когда подобрал меня в лесу?.. А что с тобой случилось?

– Когда мне было семь лет, у меня начался приступ аппендицита. И я умер на операционном столе. Потом я попал в похожее на твою поляну место. И странная вещь: я тоже чувствовал, что на меня надвигается огромная крылатая тень, – ты говорила, что видела ее, покидая поляну. Только меня она настигла. И оказалась вовсе не темной и не страшной. Она была белой – прекрасной и сияющей – и с великолепными крыльями за спиной.

– А потом?

– Меня отправили обратно. И не было никакого выбора. Я ощутил себя окутанным любовью, но мне надо было обязательно возвращаться. Итак, в-жик! – назад вниз по туннелю... и – хлоп! – обратно в тело... Я никогда этого не забуду. Я не могу объяснить почему, но я точно знаю, все это было в реальности. И тебе я верю.

– Тогда, может быть, ты знаешь, что мне делать. Я ведь понятия не имею, кто на самом деле Ангел... он может оказаться каким-нибудь демоном. Все равно мне надо его остановить... Или прогнать как-нибудь.

Дэвид выразительно посмотрел на нее:

– Ты не сможешь! Ты не знаешь как!

– Но, возможно, Мелусин знает. Либо она, либо тот парень из клуба – Эш. Он выглядел нормально. У него только одна неприятная черта – он, видимо, вампир.

Дэвид напрягся.

– Ну уж нет, я выбираю колдунью...

– Я тоже.

– Но я хочу, чтобы ты подождала меня. Меня отпустят сегодня вечером.

– Я не могу. Из-за Тани и Ким. Мелусин, наверное, скажет, как их вылечить. Что бы там ни было, я спрошу ее. Мне нельзя терять ни минуты.

Дэвид нервно провел по волосам свободной рукой.

– Хорошо. Дай мне пять минут, и мы поедем туда вместе прямо сейчас.

– Нет!

Он разглядывал капельницу, явно прикидывая, как бы отключиться от нее.

– Да! Подожди-ка...

Джиллиан была уже у двери, она бросила ему воздушный поцелуй на прощание и убежала, прежде чем он успел перевести взгляд.

Он ничем ей не поможет. Нельзя победить Ангела обычным путем. А Дэвид окажется лишь заложником в руках Ангела, предметом угроз и средством для достижения порочных целей.

Джиллиан вышла из больницы и направилась к стоянке машин. Нашла «джео». Все замечательно. Теперь только бы Мелусин была в магазине...

На самом деле ты же не хочешь этого делать.

Джиллиан резко захлопнула дверь. Села прямо, глядя в никуда. Пристегнула ремень безопасности и завела машину.

Послушай, детка. У тебя никогда не будет такого друга, как я.

Джиллиан выехала с парковки.

Перестань, дай мне передышку. Можем же мы, по крайней мере, обсудить это? Есть вещи, которых ты не понимаешь.

Она старалась не слушать его. Она не осмеливалась отвечать ему. Прошлый раз он как-то загипнотизировал ее, заставил расслабиться и передать ему управление. Это не должно повториться.

Но она не могла заставить его замолчать. Она не могла отделаться от него.

Кроме того, тебе нельзя любить его. Есть правила, запрещающие это. Я вполне серьезен. Отныне ты принадлежишь Царству Ночи. Тебе не позволено любить человека. Если они узнают, они убьют вас обоих.

А ты что собирався с нами сделать?

Черт, она ему ответила! Никаких разговоров!

Тебе я не причинил бы вреда. Мне нужен был только он. Я занял бы его тело, как только

оно освободилось бы...

«Не слушай», – приказала себе Джиллиан. Должен же быть какой-то способ заблокировать его, заставить уйти из ее сознания... Она начала петь.

«Украсим дома к Рождеству... ла-ла-ла...»

Однажды, когда она напевала рождественский гимн, он не мог слушать ее мысли. Казалось, пение сработало и теперь. Она громко распевала рождественские гимны. Радостные гимны «Храни тебя Бог...» и «Возрадуйтесь миру...» помогали лучше всего. А еще «Двенадцать дней Рождества» – на них она продержалась последние несколько миль до Вудбриджа.

«Пожалуйста, Мелусин, будь там...»

«Пять золотых колец...» – распевала она во весь голос, подбегая к дому 5/10 с коробкой из-под туфель под мышкой. «Все подумают, что я сошла с ума, – ну и пусть!»

«Четыре поющих птички, три курочки...»

Она подлетела к двери в заднюю комнату.

«Две горлицы...»

Мелусин удивленно взглянула на нее из-за прилавка.

«И один...»

Она прервала песню и стремглав бросилась к Мелусин.

– Умоляю, ты должна помочь мне! Во мне поселился Ангел, который убивает людей!

– В тебе... что?

– Это... нечто потустороннее. Я не могу заставить его замолчать...

Джиллиан вдруг обнаружила, что Ангел перестал говорить.

– Ага! Он испугался, когда я вошла сюда. Но мне все равно нужна твоя помощь. Пожалуйста.

Ее глаза наполнились слезами.

Мелусин облокотилась на прилавок и опустила подбородок на руки. Она не скрывала своего удивления и... готовности помочь.

– Почему бы тебе не рассказать мне все по порядку?

Джиллиан уже во второй раз в тот день рассказывала свою историю. Всю. Она надеялась, что подробности объяснят Мелусин ее спешку и неопытность.

– Понимаешь, я даже не настоящая колдунья, – вздохнула она в заключение.

– Ну, колдунья-то ты колдунья. Да еще какая! – отозвалась Мелусин. У нее на щеках заиграл румянец и в темных глазах появилась мистическая таинственность. – Он сказал тебе правду. Все знают о потерянных детях Харман. Летопись говорит, что малышка Элспет погибла в Англии. Но, очевидно, она не погибла. И ты – ее прямой потомок.

– Значит, я могу произносить заклинания? Мелусин рассмеялась.

– Каждый может произносить заклинания, из тех, кому положено, по-моему... некоторые думают иначе...

– А ты сможешь мне снять заклинания? – Джиллиан открыла коробку из-под туфель. Ей было стыдно показывать куклы, хотя она и купила их здесь. – Я бы не стала этого делать, если бы только знала, – слабо пробормотала она, когда Мелусин взглянула на кукол.

Но та жестом приказала ей замолчать.

– Я знаю.

Джиллиан смотрела на нее с напряжением и ждала приговора.

– Хорошо, похоже, ты уже начала снимать порчу. Но я думаю... может, приложить целительный бальзам... или освященный чертополох...

Она засуетилась, почти летая по лавке на своем инвалидном кресле. Она чем-то обвязала кукол. Попросила Джиллиан сосредоточиться вместе с ней и произнести заклинание, которого Джиллиан не знала.

В завершение ритуала она завернула восковых кукол в материал, похожий на белый шелк, и положила их обратно в коробку.

– И это все? Все уже сделано?

– Ну, я думаю, пока лучше поддержать кукол при себе на тот случай, если потребуется дополнительное лечение. Потом мы сможем снять с них имена и выбросить.

– А Таня и Ким поправятся? – Джиллиан ужасно хотелось, чтобы Мелусин еще раз

подтвердила это. Ее терзали сомнения, и она не смогла удержаться от быстрого взгляда в сторону отсутствующей ноги колдуньи.

Мелусин перехватила ее взгляд и ответила со всей прямолинейностью:

– Если Тане уже ампутировали палец, заклинание его не спасет. Мы не можем вырастить новые конечности. – Она притронулась к своей ноге: – Это случилось во время катания на лодке. Несчастный случай. Но твоим девочкам в любом случае станет легче.

Джиллиан облегченно вздохнула, чего не позволяла себе уже несколько часов. Она закрыла глаза.

– Спасибо. Спасибо тебе, Мелусин. Ты не представляешь, как замечательно чувствовать, что никого больше не уродуешь. – Немного помолчав, она открыла глаза. – Но самая трудная часть еще впереди.

– Ангел?

– Да.

– Ты права: это будет нелегко, – она посмотрела Джиллиан прямо в глаза, – и опасно.

– Я уже поняла это. – Джиллиан нервно прошла по комнате. – Он может проникать в мой мозг и заставлять меня совершать поступки...

– Не только в твой. В мозг любого человека.

– И я уверена, он умеет передвигать предметы. Может отправить машину в занос. Он все видит. – Она подошла поближе к прилавку. – Мелусин, кто он? И почему он все это делает? И почему со мной?

– Ну, последний вопрос самый легкий. Потому что ты умерла. – Мелусин быстро подкатилась к книжной полке в конце прилавка и бережно достала оттуда ветхий фолиант. – Он перехватил тебя на Переходе с Земли на Другую Сторону и завел в Потерянный Мир, на существование в котором был осужден, – сказала она, катясь обратно. – Он притворился одним из проводников на Другую Сторону. А та огромная крылатая тень, появившаяся в последний момент, и была настоящим ангелом. Однако твой «Ангел» успел вытащить тебя из Перехода за мгновение до того, как Встречающий настиг тебя.

– Значит, он не настоящий ангел?

– Нет.

Джиллиан поежилась.

– Он дьявол?

– Я так не думаю, – успокоила ее Мелусин. Она открыла книгу и углубилась в нее, медленно перелистывая страницы. – Судя по тому, как ты притащила его сюда, он – дух. Приводить духов на Землю можно двумя путями: их можно вызвать или... «сходить» за ними. Ты сделала это наиболее трудным путем.

– Подожди минутку. Так ты говоришь, я сама привела его?

– Ну, не осознанно. Уверена, ты и не подозревала. Похоже, он просто прицепился к тебе и скатился вместе с тобой вниз по туннелю – мы зовем это Узкой Тропой. Духи, населяющие Потерянный Мир, могут наблюдать за нами, иногда говорить с нами, но они не могут самостоятельно воздействовать на нас. Открыв ему путь на Землю, ты дала ему возможность свободно взаимодействовать с людьми.

– Только этого не хватало! Получается, что с самого начала это моя вина? – Джиллиан растерянно озиралась вокруг. – Мелусин, кто они такие, эти духи? Умершие люди?

– Несчастные умершие люди. – Мелусин еще полистала страницы и процитировала: – Околоземные духи – это поврежденные души. – Она захлопнула книгу. – Смотри, все так просто. Когда дух действительно несчастлив – совершил преступление или умер, не закончив важного дела, – он не может перейти на Другую Сторону и оказывается зажатым в пространстве... в книге это место называется «астральные планеты рядом с Землей». Мы же зовем его Потерянным миром.

– Зажатым?..

– Духи не в состоянии пройти через Переход. Они чересчур злы или отчаялись и в своей гордыне не принимают помощи. И если им удастся добраться сюда, они могут совершать страшные, из ряда вон выходящие преступления.

– Но как от них избавиться? Мелусин вздохнула:

– Это самое трудное. Их можно отправить обратно в Потерянный Мир... если у тебя есть их кровь и волосы, а также набор особых веществ, которые я не смогу достать. И разумеется, если ты знаешь специальное заклинание, которого я не знаю.

– Понятно.

– Но и в этом случае он просто снова будет зажат в Потерянном Мире. Душа его не будет спасена. Однако, Джиллиан, я кое-что должна тебе сказать. – Лицо Мелусин стало очень серьезным, и она перешла на официальный тон: – Не тебе просить у меня совета.

– Что ты имеешь в виду?

– Джиллиан... Я думаю, что ты действительно не понимаешь, кто ты на самом деле. Дух объяснил тебе, насколько могущественны Харман?

– Он сказал, что сестра моей прабабушки Элспет стала важной особой среди колдунов.

– Самой главной. Она – королева, она правит всеми нами. И все Харман для нас – своего рода королевская семья.

Джиллиан слабо улыбнулась:

– Итак, я принцесса?

– Ты говорила, что Элспет – мать матери твоей матери. Ты ее прямой потомок по женской линии. Потрясающе! Девочек Харман почти не осталось. Было только две во всем мире, и вот теперь еще ты. Разве ты не понимаешь? Стоит тебе только сообщить об этом Царству Ночи – и все они сбегутся к тебе на помощь. Уж они-то позаботятся об Ангеле.

Джиллиан спросила без особого энтузиазма:

– А сколько времени на это уйдет?

– Пока они соберутся и все такое... проверят твою принадлежность к семье, все подготовят... я не знаю. Возможно, несколько недель.

– Слишком долго. Этот путь слишком длинный. Невозможно даже себе представить, что натворит Ангел за эти несколько недель.

– Тогда сама попытайся его одолеть.

– Но как?

– Тебе придется узнать, кем он был при жизни и какое дело оставил незавершенным. Надо завершить его дело и только потом убедить его уйти. Он должен захотеть покинуть Потерянный Мир и уйти на Другую Сторону. – Мелусин искоса поглядела на Джиллиан. – Я говорила, это трудно.

– Не думаю, что он будет мне помогать. Ему все это не понравится.

– Нет. Скорее, он постарается убрать тебя. Джиллиан кивнула.

– Неважно. Я уже приняла решение.

Глава 15

Проницательные глаза Мелусин смотрели на нее изучающе.

– Ты сильная. Я думаю, ты справишься, дочь Элвайзы.

– Я не сильная. Я боюсь.

– Я думаю, это вполне совместимо, – возразила Мелусин, криво улыбаясь. – Джиллиан, если ты сумеешь пройти через это, пожалуйста, возвращайся. Я хочу поговорить с тобой кое о чем. О Царстве Ночи и о том, что зовется Рассветным Кругом.

Тон, которым это было сказано, насторожил Джиллиан.

– Это важно?

– Это могло бы быть важно для тебя – колдуньи, рожденной от человека и окруженной людьми.

– Хорошо, я вернусь, если... – Джиллиан еще раз окинула взглядом магазинчик. Может, есть какой-нибудь талисман или еще что-то, что она могла бы взять...

Но она знала, что обманывала себя. Если бы было что-нибудь полезное, Мелусин уже дала бы ей это.

Ей оставалось только уйти.

– Удачи, – сказала Мелусин на прощание, и Джиллиан направилась к двери.

Нельзя сказать, чтобы она знала, куда идет. Уже прикоснувшись к ручке скрипучей

входной двери, она услышала, что Мелусин окликнула ее:

– Постой! Я забыла одну вещь. Кем бы ни был твой Ангел, он родом отсюда. Околоземные духи обычно шатаются рядом с местом, где они умерли. Хотя, вероятно, тебе это не особенно поможет.

Джиллиан застыла на месте и зажмурилась.

– Нет-нет, это очень полезная информация. Замечательно! У меня появилась одна идея.

Она решительно повернулась, прошла через двери, не видя их, и вышла на площадь, не слыша рождественской музыки, которую наигрывал на свирели уличный музыкант.

Наконец-то она знала, куда ей идти.

Джиллиан поехала обратно на юг, в сторону Сомерсета, затем повернула на извилистую дорогу, ведущую на восток, в горы. За плавным поворотом она увидела раскинувшееся по обе стороны кладбище.

Это было старое, но все еще действующее кладбище. Обычное городское кладбище, разделенное на множество участков. Дедушка Тревор был совсем недавно похоронен здесь на новом участке кладбища. Однако на поросшем лесом холме находились и очень древние захоронения.

Что ж, если у нее и был шанс найти Ангела, то именно здесь.

Единственная дорожка на территорию старого кладбища вела к плохонькой деревянной лестнице, которая едва держалась на расшатанных рельсовых болтах. Цепляясь за перила, Джиллиан осторожно поднялась по ней. Наверху она остановилась и огляделась.

Высокая смоконница и дубы. Будто костлявые пальцы, они протянули свои черные ветви во все стороны. Солнце медленно садилось за горизонт, и в закатных лучах деревья отбрасывали длинные фиолетовые тени.

Джиллиан собралась с духом и крикнула громко, как только могла:

– Эй! Появись! Ты знаешь, чего я хочу!

Молчание.

«До чего глупо я выгляжу со стороны», – подумала Джиллиан и быстро отбросила от себя эту мысль. Зажав замерзшие руки под мышками, она снова закричала в безмолвную тишину:

– Эй! Ты меня слышишь? Я знаю, ты рядом! Эй, ты здесь?

Она толкнула ногой покрытый снегом могильный камень.

Конечно, ей нечего было делать здесь одной. Получить необходимую информацию о том, кем был Ангел при жизни, какое преступление он совершил или какое дело оставил незавершенным, можно было только от него самого.

Никто больше ей в этом не поможет.

– Это ты? – Джиллиан очистила от снега гранитную плиту и прочла: «Томас Эвинг, 1775. Пролил кровь и умер за Свободу». – Ты Томас Эвинг?

В порыве поднимающегося ветра обледеневшие ветви дерева над ее головой ударились друг о друга с хрустальным звоном.

– Нет, он слишком смел для тебя. А ты... обыкновенный трус.

Она стала расчищать надписи на других памятниках.

– Эй, может быть, ты Вильям Кэйс? «Погиб в расцвете молодости, свалившись с дилижанса» – это более похоже на тебя. Ты был Вильямом Кэйсом?

У тебя совсем пропала охота петь?

Джиллиан вздрогнула... от холодного ветра.

А то я подобрал для тебя подходящий репертуарчик.

И знакомый голос запел хрипло и мрачно:

«Призрак оперы здесь, в твоей голове...»

Да будет тебе, Ангел! Ты мог бы спеть и получше. Почему ты не позволяешь мне увидеть тебя? Боишься встретиться со мной лицом к лицу?

На снегу появился мерцающий свет – прекрасное бледно-золотое свечение, переливающееся и мерцающее, как шелк. Свет усиливался. В глубине его появилась фигура. И через мгновение Ангел предстал перед нею. Его ступни едва касались снега.

Он выглядел самым совершенством. Прекрасный юноша в золотистом сиянии. Но теперь красота его пугала. Джиллиан знала, что за ней скрывается.

– Привет, – сказала она шепотом. – Полагаю, ты догадываешься, о чем я пришла поговорить с тобой.

– Нет, и меня это не волнует. Однако как неразумно прийти сюда одной! Кто-нибудь знает, где ты?

Джиллиан шагнула к нему и заглянула в его синие, как небо, глаза.

– Я знаю, кто ты, – начала она, стараясь удержать его взгляд и ставя акцент на каждом слове. – Ты не ангел и не демон. Ты просто человек. Такой же, как я.

– Нет. Это не так.

– Ты испытываешь те же чувства, что и любой другой человек. Ты не мог быть там счастлив. Никто не смог бы. Ты не хочешь быть похороненным в Нигде. Если бы я была мертва, я бы возненавидела это место.

Последние слова она произнесла с такой силой, что и сама удивилась. Ангел отвернулся.

Джиллиан почувствовала свое преимущество. Она наступала.

– Да, возненавидела бы! Вертеться, как на привязи, вокруг одного и того же места, глядя на то, как другие живут и чувствуют. Быть ничем, заниматься ничем, не считая мелких пакостей, насылаемых на людей. Разве это жизнь?.. – Она осеклась, поняв свою ошибку.

Он болезненно усмехнулся:

– Жизни у меня нет.

– Ладно, не придирайся. Разве это существование? Ты знаешь, что я имела в виду. Это же гадко, мерзко, это отвратительно!

Лицо Ангела передернулось, как от боли. Он вихрем унесся от нее. И впервые с момента их встречи Джиллиан заметила, что он в смятении. Он метался, как животное в клетке, и его волосы развевались, будто на ветру...

Джиллиан торопилась закрепить отвоеванное преимущество.

– Это ничем не лучше, чем гнить там. – Она пнула сухую траву у могилы.

Он стремительно вернулся обратно, и глаза его сверкнули неестественно ярко.

– Джиллиан, ты что, не понимаешь? Я и есть там!

Вся ее кожа покрылась мурашками, и она на мгновение лишилась дара речи. Невероятным усилием воли она заставила себя успокоиться и спросила ровным голосом:

– В этой могиле?

– Нет, но я покажу тебе где. Хочешь?

Королевским жестом он пригласил ее спуститься с лестницы, пропуская вперед. Джиллиан заколебалась... и пошла, чувствуя его присутствие за спиной.

Сердце у нее дико колотилось. Они словно соревновались, кто кого быстрее уничтожит.

Но она должна была это сделать, должна заставить его говорить, добраться до его гнева, боли и отчаяния и все узнать.

Они соревновались, чья воля сильнее, кто крикнет громче, в ком меньше жалости, кто дольше продержится...

Приз – душа Ангела.

Она чуть не слетела с лестницы. Слишком темно, чтобы разобрать, куда ступаешь. «Кроме того, – отметила она про себя, – становится все холоднее». Что-то похожее на ледяной ветер пронеслось мимо нее – и сияние осветило тропинку впереди. Ангел шел по ней, не оставляя следов на снегу. Джиллиан, спотыкаясь, спешила за ним.

Они направлялись в сторону нового участка кладбища. И мимо него – на самый новый.

– Здесь, – сказал Ангел и повернулся к ней лицом. Его глаза блестели, словно от слез. Он стоял, облокотившись на могильный памятник, и освещал его сиянием собственного тела.

Джиллиан охватил озноб.

Это было именно то, что ей нужно, именно то, о чем она его просила... Но все же при виде его могилы у нее волосы встали дыбом.

Он похоронен здесь. Здесь, под этим могильным холмом, покоится тот, кому она так доверяла... и кого так любила... Под звук его голоса она засыпала вечером и просыпалась по утрам...

И этот человек, оказывается, лежит в гробу! Если только уже не рассыпался в прах. Нет ни золотых волос, ни прекрасного лица, ни мягкой улыбки... Осталось лишь прочесть его имя,

выгравированное на камне.

– Я здесь, Джиллиан, – пропел он с завыванием из-за гранитной плиты, изображая из себя вампира. – Подойди и поздоровайся со мной.

Он рассмеялся... с ненавистью. Дико, безрассудно, горько. Сейчас он способен на все.

Но, вопреки логике, сковывавший Джиллиан ранее болезненный ужас вдруг рассеялся.

И слезы хлынули у нее из глаз в три ручья, леденя на щеках. Она рассеянно вытирала их, медленно опускаясь на колени перед могилой. Казалось, она забыла о том, что Ангел стоит рядом.

Джиллиан молитвенно сложила руки, склонила голову и застыла в немой мольбе Богу, божеству, кем бы он там ни был.

Потом она сняла перчатку и голой рукой аккуратно расчистила надпись.

На гранитной плите с округлым верхом было написано: «С любовью нашему сыну Гари Фаджеону».

– Гари Фаджеон, – прошептала она нежно и взглянула на фигуру за камнем. – Ты – Гари?

В ответ он попытался рассмеяться, но смех получился натянутым и фальшивым.

– Приятно познакомиться. Я жил в Стэрбеке, мы почти соседи.

Джиллиан опустила глаза. Дата рождения – восемнадцать лет назад. А дата смерти – прошлый год.

– Ты умер в прошлом году. Тебе всего семнадцать?!

– Маленькая дорожная авария, – объяснил он. – Я был мертвецки пьян.

И опять дико расхохотался.

Джиллиан вспомнила о своей задаче.

– Господи, неужели? Значит, ты на славу повеселился при жизни?

– Что есть жизнь? – Он зло оскалился. – «Гори, сгорай, короткая свеча...» или что-то в этом роде.

Джиллиан не позволила ему себя отвлечь.

– Что ты натворил? Самоубийство? Это и есть твое преступление? А что за незавершенное дело?

– А тебе необходимо все у меня выпытать, да?

Ладно, отступим, – он пока не поддается. Может, стоит испробовать некоторые женские приемы?

– Я думала, ты доверяешь мне, Ангел. Я думала, мы предназначены друг другу и у нас одна душа...

– Думала? Но теперь ты знаешь, что нет... потому что ты нашла свою настоящую любовь – этого ублюдка. – Гари внезапно улыбнулся своей великолепной улыбкой. – Ну и пусть! Пускай у нас и не общая душа, но, знаешь, мы связаны. Мы родственники. Дальние, однако родство прослеживается.

Джиллиан уронила руки. Догадка поразила ее, она впилась в него взглядом. Нет, она была не совсем уверена.

Впрочем, она и раньше чувствовала...

– Тебя никогда не удивляло, почему у нас одинаковый цвет глаз? – Он смотрел на нее сверху вниз. И в обступившей их тьме глаза его сияли, как синее пламя. – Я имею в виду, они не совсем обычные. Такие глаза были у твоей прабабушки Элспет, а также у ее брата-близнеца Эммета.

Близнецы!

«Ну конечно! Потерянные дети Харман, сказала Мелусин. Элспет и Эммет».

– И ты...

Он ухмыльнулся.

– Неужели дошло? Да, я правнук Эммета.

Теперь Джиллиан многое поняла. Ее мысли неслись галопом.

– Так ты тоже колдун. Поэтому ты знаешь и заклинания, и магические ритуалы, и еще много чего. Но как ты узнал о своем происхождении?

– Пришли какие-то идиоты из Рассветного Круга, – сказал Гари. – Они искали потерянных колдунов и смогли вычислить потомков Эммета, Мне рассказали достаточно для того, чтобы я

понял, какой силой обладаю. А потом я велел им убираться.

– Почему?

– Они лохи. Все, о чем они заботятся, – это свести вместе людей и обитателей ночи. Но я знал, что Царство Ночи – для меня. А люди вполне заслуживают того, что имеют.

Джиллиан замерзла. Пальцы покраснели и опухли. Она напрасно пыталась натянуть перчатку обратно на руку.

– Гари, ты человек. Частично, так же как и я.

– Нет. Мы выше их. Мы особенные...

– Мы не особенные. Мы не лучше, чем кто-либо другой.

Гари неприятно усмехнулся.

– Вот здесь ты ошибаешься. Создания ночи по праву рождения охотники. Есть законы, утверждающие это.

Джиллиан вздрогнула, и на сей раз уже не от ветра.

– На самом деле? Поэтому ты и заставил меня пойти в клуб? Ты хотел, чтобы они на меня поохотились?

– Нет, ну что за идиотка! – Глаза Гари вспыхнули. – Я же сказал, ты – одна из них. Я просто хотел, чтобы ты осознала это. Ты могла бы остаться и присоединиться к ним...

– Но зачем?

– Тогда ты стала бы такой же, как и я! И опять сильный порыв ветра. Обледеневшие ветви деревьев стонали, будто от боли.

– Но зачем?

– Тогда ты могла бы прийти ко мне в Потерянный Мир. Мы могли бы быть вместе. Навсегда. Если бы ты присоединилась к ним, ты бы уже никогда не смогла перейти на Другую Сторону...

– ...после смерти! Ты хотел, чтобы я умерла.

– Только сначала... – начал было смущенно оправдываться Гари.

Джиллиан взорвалась от возмущения.

– Ты все спланировал! Ты заманил меня. Скажешь, нет? Нет? Тот плач, что я слышала в лесу, – это был ты!

– Я...

– Все, что ты делал, ты делал для того, чтобы убить меня! И тогда я бы составила тебе там компанию!

– Я был так одинок!

Его слова подхватило эхо. Потом глаза Гари потемнели, и он отвернулся.

– Я был так одинок... – повторил он с таким отчаянием в голосе, что Джиллиан невольно шагнула к нему. – Однако же я не сделал этого. Я мог бы жить с тобой здесь...

– ...убив Дэвида и захватив его тело. Да, грандиозный план!

Он не шевельнулся. Джиллиан потянулась к нему, и ее рука прошла сквозь его плечо.

Она удивленно посмотрела на свою руку и тихо сказала:

– Гари, расскажи мне, что ты натворил. Какое такое незавершенное дело?

– И ты попытаешься отправить меня обратно.

– Да.

– А что, если я не хочу обратно!

– Ты должен! – Джиллиан настаивала, стиснув зубы. – Ты не принадлежишь *больше* этому миру! Это больше не твой мир! И тебе нечего здесь делать, кроме... кроме того, чтобы творить зло! – Она тяжело вздохнула.

Он обернулся – снова этот дикий взгляд.

– Может быть, мне нравится творить зло.

– Ты не понимаешь. Я не позволю тебе. Я не собираюсь останавливаться или сдаваться. Я сделаю все, что потребуется, чтобы отправить тебя обратно.

– А вдруг у тебя больше не будет возможности?

Порыв ветра. И словно тысячи жгучих игл впились в лицо Джиллиан.

– А вдруг сейчас начнется буря?

– Гари, прекрати!

Метель сбивала ее с ног.

– Внезапно налетевший ураган, которого никто не ожидал.

– Гари...

Стало очень темно. Луну и звезды заволокло тучами. Джиллиан не видела ничего, кроме беснующегося вокруг снежного вихря. От холода она стучала зубами.

– А что, если машина Эми не заведется? Если что-то случилось с мотором...

– Не делай этого! Гари!

Теперь она уже не видела его. Он будто растворился в метели. Снег все сильнее бил ей в лицо.

– Никто не знает, где ты... Ах, как неблагоприятно с твоей стороны, Стрекоза. Нужно, чтобы кто-нибудь приглядывал за тобой.

Джиллиан ловила воздух открытым ртом. Она попыталась сделать шаг, но ветер прижал ее к чему-то твердому. К могильному камню.

Случилось именно то, чего она так боялась. Ее Ангел восстал против нее и стремился ее уничтожить. Но даже теперь она не отказалась от своего плана.

Ветер доносил до нее голос Гари:

– А что, если я просто уйду и оставляю тебя здесь ненадолго?

Глаза Джиллиан слезились, и слезы замерзали на ресницах. Она едва дышала. Но она собралась с силами и, хватаясь за могильный камень, крикнула:

– Ты не сможешь! Ты знаешь, что не сможешь!..

– Почему это?

Она ответила вопросом на вопрос:

– Почему ты не убил Дэвида?

Ответом послужило лишь завывание ветра.

В глазах сплошной туман. Обжигающий холод. Она пыталась держаться руками за камень, но пальцы всем онемели.

– Ты не смог, Гари! Ты не можешь убить человека. Когда дошло до дела – ты не смог!

Она ждала. Сначала она подумала, что ошиблась, что он оставил ее одну замерзать. Но потом она почувствовала, что ветер стихает. Снежная завеса стала прозрачнее. Снегопад прекратился. И в воздухе опять возник сияющий силуэт Гари. Она его ясно видела. Она видела даже выражение его глаз. В них была горечь, гнев и еще что-то, может быть, мольба.

– Я смог, Джиллиан. Это именно то, что я и сделал. Я убил человека.

Джиллиан содрогнулась.

«Какой ужас! Но может быть, тому было оправдание? Борьба. Самозащита...»

Она тихо спросила:

– Кого?

– Ты не догадываешься? Паулу Белицер.

Глава 16

Джиллиан остолбенела, словно ее запорошенное снегом тело превратилось в лед. Это было худшее, самое худшее из всего, что она могла себе представить.

«Он убил ребенка!»

– Ты убил маленькую девочку, которая пропала в прошлом году на Хиллкрест Роуд.

Странно, именно о ней подумала Джиллиан, хотя это было совершенно неразумно, когда услышала в лесу детский плач.

– Я исполнял заклинание, – пробормотал Гари, – великое заклинание. Я быстро всему научился. Это было заклинание на огонь – поэтому я ушел в лес. В снег, где нечему гореть. Девчонка выскочила совершенно неожиданно. Она бежала за своей собакой.

Он смотрел в пространство невидящим взглядом, лицо его смертельно побледнело. Нет, Гари выглядел не ночным охотником, а, скорее, жертвой. Джиллиан понимала, он был не с ней в ту минуту: он был далеко, с Паулой.

– Они прорвали круг, очерченный для ритуала. Все произошло слишком быстро. Огонь был везде – огромная белая вспышка, как молния. Затем все исчезло. – Он помолчал. – Собака

успела выбежать, а она нет.

Джиллиан закрыла глаза, пытаясь представить себе...

– О боже! – И тут у нее внутри все перевернулось. – Гари...

– Я положил ее тело в машину. Я хотел отвезти ее в больницу, но она была мертва. И я... я испугался. В конце концов я остановился и закопал ее в лесу.

– Гари, Гари...

– Я приехал домой. И пошел на вечеринку. Видишь, при жизни я был легкомысленным парнем. Все больше по тусовкам... Думал лишь о развлечениях и о себе, о себе, о себе! В этом вся жизнь колдунов.

Впервые его чувство вырвалось наружу – это была ненависть. Он ненавидел себя.

– Я напился, отчаянно напился.

Джиллиан догадалась.

– Ты никому не сказал!

– На обратном пути я разбил машину о дерево. Вот и все. – Он рассмеялся, но это трудно было назвать смехом. – Я очнулся в Потерянном Мире. Там не с кем говорить, не к кому прикоснуться, но оттуда можно все видеть. Я наблюдал за тем, как ее искали. Они прошли всего в шаге от ее тела.

Джиллиан отвернулась, пытаясь удержать слезы. У нее внутри будто что-то сломалось. Это же несправедливо! Впрочем, у нее не было времени на философские размышления.

Допустим, на самом деле он не виноват... разве теперь это имеет значение? Исполнил роль – получи по заслугам. Гари сыграл свою роль плохо.

У него было все: прекрасная внешность, проницательный ум и огромная колдовская сила. И все это он растратил.

Неважно. Начнем с того, что есть.

– Гари, ты должен сказать мне, где она. Ты что, не понимаешь? Это и есть твое незаконченное дело. Ее родители не знают... – Джиллиан говорила, глотая слезы и напрасно стараясь сдержать дрожь в голосе, – ...жива она или мертва. Ты не думаешь, что им нужно знать это?

Продолжительная пауза. Затем он сказал, как упрямый ребенок:

– Я никуда не хочу идти.

«Испуганный ребенок», – подумала Джиллиан. Но она не отвернулась от него.

– Гари, они имеют право знать, – уговаривала она его мягко. – Когда они успокоятся...

Он почти закричал:

– И что с того?! Мне все равно нет покоя! – Он не просто испуган – он в панике. – Мне некуда идти. Они не примут меня!

Джиллиан покачала головой. Ей нечем было его утешить.

– Все равно мы должны. Я останусь с тобой, если хочешь. Ведь мы родственники, Гари. – Потом очень тихо она попросила: – Отведи меня к Пауле.

Он долго молчал. Джиллиан показалось, что она никогда в жизни не ждала так долго. Гари смотрел куда-то в ночное небо, и его глаза были полны горечи.

Наконец он перевел взгляд на нее и кивнул.

– Здесь?

Дэвид наклонился и прикоснулся рукой к сугробу. Его темные глаза смотрели на Джиллиан немного испуганно. Но губы были решительно сжаты.

– Да. Как раз здесь.

– Странное место...

Дэвид принялся работать лопатой. Джиллиан отгребала снег, скатывая снежные комья. Она старалась думать о том, как делала это в детстве, как весело и забавно ей было тогда. Она упорно цеплялась за эту мысль до тех пор, пока Дэвид не сказал:

– Я нашел ее.

Джиллиан отступила назад, отряхивая рукава и перчатки.

День был ясный, и полуденное солнце ярко сияло в холодном голубом небе. От маленькой полянки веяло покоем – вечным покоем. Нетронутую белизну снега нарушал лишь тоненький

след мышки-полевки, которая устроила здесь свою норку.

Джиллиан пару раз глубоко вздохнула, сжала кулаки и с опаской посмотрела на сугроб.

Дэвид раскопал не так уж много. Он стоял на коленях перед вырытой им неглубокой канавой, на дне ее четко выделялся обгоревший кусок красного вязаного шарфа.

Джиллиан расплакалась.

– Давай скажем, что в последний учебный день перед Рождеством мы отпросились с уроков, чтобы поиграть в снежки в лесу. И решили построить снежную крепость...

– ...и случайно нашли тело. – Дэвид встал и положил ей руку на плечо. – Звучит весьма странно, но все же не так странно, как правда.

– Разве нас могут заподозрить? Мы даже не были знакомы с Паулой Белицер. Они поймут, что она была убита, потому что тело закопали. Но они никогда не узнают, как она погибла. Подумают, что кто-то пытался сжечь тело, чтобы избавиться от него.

Дэвид обнял ее за талию, и она прижалась к нему. Они стояли так несколько минут, поддерживая друг друга. Теперь это казалось таким естественным. И раньше он столь же просто, не колеблясь ни минуты, согласился откопать тело... а Джиллиан даже не удивилась. Она ожидала именно этого. У них ведь одна душа. Они вместе. Наконец он тихо спросил:

– Ты готова?

– Да.

Они вышли из леса, и Дэвид спросил еще тише:

– Он здесь?

– Нет. Я не видела его с того момента, как он показал мне это место. Он просто исчез и больше не говорит со мной.

Дэвид крепко прижал ее к себе.

Господин Белицер приехал поздно, когда почти все полицейские машины уже уехали.

Было слишком темно и ничего не видно. Вот уже час, как Дэвид уговаривал Джиллиан уйти отсюда. Родители тоже торопили Джиллиан. Они были здесь. И мама и папа. То и дело подходили к ней, брали за руку. Отец Дэвида и его мачеха стояли тут же недалеко.

Последние несколько дней оказались тяжелыми, для всех и собрали всех вместе. Дэвид был бледен, но держался спокойно, Джиллиан отчаянно дрожала, но никак не соглашалась уйти.

По крайней мере, никто не заподозрил их в убийстве Паулы Белицер.

И вот теперь приехал отец Паулы. Один. Приехал, чтобы увидеть последнее пристанище своей дочери, хотя следователь уже увез ее тело.

Полиция пропустила его, и он пошел на полянку, светя под ноги карманным фонариком.

Джиллиан потянула Дэвида за руку.

Он секунду сопротивлялся, но потом последовал за ней. Джиллиан слышала шепот за спиной. Что они делают? Зачем они пошли за несчастным отцом Паулы? Боже – это же бесчеловечно! Однако никто не решился остановиться их.

Они шли на небольшом расстоянии от Белицера. Джиллиан старалась заглянуть ему в лицо.

Проблема в том, что она многого не знала о духах. Она, например, не знала, как теперь освободить Гари из Потерянного Мира. Что сказать отцу Паулы? Как объяснить, что тот, кто совершил убийство, жалеет об этом, хотя и не может сам покаяться?

Она могла бы попасться, проявив слишком большой интерес и излишнюю осведомленность в преступлении. Но странно, все это не очень ее пугало – не так, как должно было. Они с Гари родственники, и, значит, она будет платить по его долгам. Она должна все расправить! Но как?!

Пока она стояла в нерешительности, Белицер опустился на колени на истоптанный снег.

О господи! Как больно! Если бы сильные руки не поддерживали Джиллиан, она бы просто упала.

Но Дэвид крепко держал ее. Он опустил голову и зарылся лицом в ее волосы. Джиллиан не могла отвести взгляда от человека на коленях.

Он плакал. Она никогда не видела, чтобы мужчина в его возрасте плакал, и от этого было

больно и страшно. Он долго стоял на коленях, его пальто расстегнулось и накрыло снег... Однако, когда он поднял голову, она заметила, что в его лице появилось что-то похожее на облегчение... умиротворение.

– Я знаю, моя дочь теперь в лучшем мире, – чуть слышно проговорил он. – И кто бы ни совершил это убийство, я прощаю его.

Холодная молния пронзила сердце Джиллиан, и потом по телу разлилось тепло. Она разревелась. Безудержно. Слезы ручьями полились из глаз. В то же время душа ее наполнилась надеждой. Потом она почувствовала, как Дэвид вздрогнул и резко поднял голову. Его взгляд был прикован к чему-то поверх головы Белицера.

Там в небе парил Гари Фаджеон.

Он плакал, повторяя снова и снова: «...мне жаль, мне так жаль...»

Прощение было испрошено и получено. Ну, пусть не совсем в том порядке.

Вот оно.

У Джиллиан задрожали колени.

Дэвид прошептал:

– Ты видишь?

Но, кроме них, никто больше не видел его. Белицер поднялся с колен и прошел мимо – обратно к шоссе.

Дэвид все еще смотрел на Гари.

– Значит, вот как он выглядит. Неудивительно, что ты решила...

– ...что он ангел, – договорила за него Джиллиан.

Но... почему Гари все еще здесь? Разве прощения недостаточно, чтобы освободить его? Или есть что-то еще, что надо сделать?

Гари повернулся к ней. Его щеки были мокрыми от слез.

– Подойди, – попросил он. – Мне надо кое-что тебе сказать.

Джиллиан шагнула вперед и потянула Дэвида за руку. Гари повел их через заросли на другую поляну. Деревья и темнота обступили их и скрыли от окриков полиции и гула шоссе.

Джиллиан уже догадалась, зачем Гари спустился и встал перед ними. Но она решила – пусть лучше сам скажет.

– Нужно, чтобы и ты простила меня.

– Я прощаю тебя, – с готовностью ответила Джиллиан.

– Нет, ты не знаешь... Я совершал ужасные вещи по отношению к тебе. Я пытался уничтожить тебя, развратить твою душу.

– Я знаю. Но ты сделал и много хорошего. Ты помог мне... повзрослеть.

Ангел помог Джиллиан победить ее страхи. Приобрести уверенность в себе. Узнать о ее колдовском происхождении. И найти свою половинку.

И он был близок ей настолько, насколько не сможет быть близким никто другой.

– Ты... – Джиллиан опять чуть не расплакалась. – Я буду скучать по тебе.

Он стоял перед ней и бледно светился. Она заметила, что у него круги под глазами. Но губы его улыбались. И ей показалось, что он стал еще прекраснее.

– Все будет хорошо, – сказал он мягко, – ... для тебя. Твоей маме становится лучше. Джиллиан кивнула.

– Я навестил Таню и Ким. С ними тоже все будет в порядке. У Тани все пальцы целы.

– Я знаю.

– Тебе надо зайти к Мелусин. Ты можешь очень помочь Рассветному Кругу. А они помогут тебе разобраться с Царством Ночи.

– Хорошо.

– И может быть, тебе стоит в школе поговорить с Дэрил. У нее есть секрет, о котором Ким сплетничала прошлым летом. Дело в том...

– Стоп, Гари! – Джиллиан протестующе подняла руку. – Я ничего не хочу знать. Дэрил, если захочет, и сама обо всем мне расскажет. А если нет – то нет. Отныне я буду действовать самостоятельно.

Она уже начала думать о школе. Последнюю ночь она лежала одна в комнате и размышляла. Все должно перемениться. На удивление легко она разобралась, кто в ее компании

чего стоил.

Аманда-Предводительница, и Штеффи-Певица, и Дж.З.-Модель совсем не плохие. Не лучше и не хуже, чем и другие, не столь классные девочки. Она была бы не прочь сохранить с ними приятельские отношения.

Дэрил – нет, не Дэрил-Богачка, а просто Дэрил – очень хорошая. Похоже, они станут настоящими подругами. И конечно, Эми, которой она многим обязана.

Что же касается других: Тани, Ким, Кори, Брюса и Мэкона, – то Джиллиан совсем не хотела с ними знаться. Не беда, если ее никогда больше не пригласят на клевою тусовку.

– И я действительно не хочу знать, Гари, пыталась ли Дж. З. покончить с собой, – сказала она.

Он помолчал. Взглянул на нее сияющими глазами:

– Хорошо. Ты и сама со всем прекрасно справишься.

И впервые он перевел взгляд на Дэвида. Мгновение они в упор смотрели друг на друга. Не враждебно. Просто изучающе.

Потом Гари повернулся к Джиллиан и тихо сказал:

– Вот еще что: я передумал убивать его не потому, что не смог бы убить человека. Просто я не хотел, чтобы ты возненавидела меня навеки.

О, Гари!..

Джиллиан протянула к нему руку. Он тоже. Их пальцы встретились, проникая друг в друга... но они не могли коснуться друг друга. И никогда не смогут.

И вдруг лицо Гари изменилось. Он обернулся и поднял голову вверх, в темное, звездное небо.

Джиллиан ничего не смогла там увидеть. Но она почувствовала... какое-то движение... что-то надвигалось...

Гари был подхвачен ветром, словно опавший лист.

Его рука все еще тянулась к ней, но он уже был в воздухе. Удивленное выражение лица Гари сменилось благоговением. И затем радостью. Радостью и... прозрением.

– Мне надо идти, – сказал он.

Джиллиан вглядывалась в темное небо. Но ничего не видела. Ни туннеля, ни поляны. Куда идти? Неужели снова в Потерянный Мир?

Небосклон пересек сверкающий луч.

Он был цвета солнечного зайчика на снегу. Невероятно яркий, но смотреть на него было не больно. Он переливался всеми цветами и оттенками, и вместе они составляли белый.

– Гари...

С ним что-то происходило. Он удалялся не двигаясь. Таял. Исчезал в Небытии. Она теряла его.

– Прощай, Гари!

Свет тоже постепенно таял. Но перед тем как совсем исчезнуть, он вдруг принял форму. Огромная белокрылая тень заслонила собою Гари.

На краткий миг Джиллиан почувствовала, что крылья коснулись и ее, окутав умиротворением и... любовью.

Свет пропал вместе с Гари. И все вокруг стало прежним.

– Ты видел это? – прошептала Джиллиан сдавленным голосом.

– Кажется, да. – Дэвид был потрясен, в его глазах застыло удивление. – Может... ангелы действительно существуют?

Он стоял, задрал голову.

– Смотри! Звезды...

Не звезды... больше похоже на звездную пыль. Хрустальные искорки света – замерзшая красота – сыпались вниз.

– Но на небе нет ни облачка...

– Уже есть... – И едва Дэвид сказал это, звезды исчезли за облаками.

Джиллиан почувствовала холодное прикосновение к щеке. Как поцелуй.

Но это просто обычный снег, обыкновенное волшебство. Они с Дэвидом стояли, взявшись за руки, и смотрели, как падает снег, благословляя ночь.

